

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

КЪ ГАЗЕТЪ

НОВОЕ ВРЕМЯ

ЗА ОКТЯБРЬ 1915 ГОДА

Мусха

Свѣтлой памяти князя
Олега Константиновича.

Двадцать девятого сентября прошлого года скончался от смертельной раны не только князь Императорской крови и не только храбрый гусарский корнетъ, а погибъ молодой, начинающій талантливый писатель-белетристъ, отдавшій все свое недолгое сознательное бытiе милой художественной литературѣ.

При жизни ему не удалось увидеть ни одной своей печатной строки. Этому помешали его молодость и необыкновенная скромность.

Весь онъ жилъ будущимъ.

Четыре разсказа, двѣ неоконченныхъ пьесы, нѣсколько стихотвореній и три толстыхъ тетради дневника говорятъ о немъ больше и яснѣе, чѣмъ вся некрологъ. И рано или поздно, и широкая публика познакомятся съ этими произведеніями, и всякій любящій литературу пойметъ, какіе были бы плоды, если бы смерть не скосила автора, посадившаго эти цвѣты. Чуло молодое сердце, что не долго ему биться, и всю жизнь горѣло.

Многого не могъ онъ видѣть и слышать того, что видятъ и слышатъ простые смертные, а понять хотѣлось все.

И Олесь Константинович успелъ понять главное,—что человекъ не машина и что человеческое счастье не въ материальныхъ благахъ. Еще задолго до войны въ одномъ изъ своихъ дневниковъ онъ не возмущается, а скорѣе трогается о томъ, что видѣлъ за границей у Нѣмцевъ отовсюду кричащій комфортъ, чисто матеріальный; видѣлъ онъ и желаніе—не только свое жилище, но и самую природу вогнать въ какія-то штампованныя формы и все утилизировать.

Противно это было Олегу Константиновичу и больно.

За всѣ 22 года жизни онъ только и отдыхалъ за своими тетрадками въ любимомъ имѣніи Остаховѣ. Добросовѣстный, дисциплинированный, всегда владѣющій собой, юный князь Олегъ положительно долженъ былъ изобрѣтать способы, чтобы въ теченіе сутокъ сдѣлать все, что хотѣлъ.

Не легко ему было поступить в высшее учебное заведение, но он поступил и окончил его блестяще. Олег Константинович по одному своему положению не мог, как рядовой студент, сказать: «Лишь бы получить диплом». В его дневник чудесно описано время последних экзаменов. К драматизму этих переживаний прибавлялся еще целый ряд обязанностей члена Императорской Фамилін и будущего офицера.

Экзаменъ по полицейскому праву у него совпалъ съ говѣніемъ. Религіозный не только по воспитанію, но и по своей натурѣ. Олегъ Константиновичъ не зналъ, какъ быть: ему казалось, что есть еще какихъ-то шесть билетовъ, которые онъ недостаточно хорошо знаетъ, а времени оставалось мало. Не пойти въ церковь онъ не могъ и пошелъ. Здѣсь горячо и по-дѣтски онъ молился, чтобы успѣть хоть одинъ разъ еще прочитать все и запомнить.

Этот и последующий день экзамена описаны такъ живо, что радуешься вмѣстѣ съ нимъ, когда читаешь, что наконецъ наступилъ отдыхъ... Впрочемъ, календарь весьма относительный.

Только въ тихомъ Остаповѣ зналъ в
легъ Константиновичъ, что такое покой. и

Его Высочество князь ОЛЕГЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ.

Но и здѣсь думалъ и думалъ и писалъ еще все душа, положенная «за други своя», больше, чѣмъ въ городѣ. Съ грустью то не смутится ея покой. Здѣсь на грѣшпредставляетъ онъ себѣ то время, ко- ной землѣ еще остались люди, которыегда, быть можетъ, будутъ вырублены за-разоблались въ его трудахъ.

думчиво шумящих деревья и, быть может, Мы, пока оставшиеся в живых, завоевуют здесь фабричные гудки. И никогда не поймем тех, кто исполнил чашу шесть в дневник: «дай Бог умереть до дня... Но можно сказать с уверенностью, что умирать Олегу Константино-

Для него, как для поэта, природа никогда не была пустым звуком, а частью бытия. Он любил жизнь, любил Россию и покоем. И есть какое-то утешение от сознания, что воля юноши исполнена, что спит он непробудным сном там, в русской деревне, которую так любил.

Чуть родины, честь обожаемого отца заставила его оставить все и идти в первую голову со своим гусарским полком. О личной безопасности Олега Константиновича не думал совсем и в те дни был похож на смелого пловца, который во время шторма бросается во волны и надеется, что хватит сил доплыть и помочь тем, которых уже завертела пучина.

Такъ Лермонтовъ въ сраженіи при Ва-
лерикѣ позабылъ, что у него есть те-
тради со стихами, и полетѣлъ впередъ.
Но Лермонтовъ былъ счастливѣе, ему уда-
лось развернуть свой талантъ, онъ ви-
дѣлъ свои стихи и прозу въ печати...

А князю Олегу... Если бы он взду-
мал послать в редакцию свой рассказ
или стихи, и то и другое было бы пона-
доу.

Тамъ таетъ вмигъ предъ вѣчной красо-
той.
Я въ чашу ельника тихонько пробираться

Еще не осыпались листья съ деревьевъ, И гну передъ лицомъ колючую хвою;
въ Остановѣ, подь которыми спать не- Порою подь сукомъ иль вѣткой нахло-
пробуемымъ сномъ поэтъ. И если видѣтъ няжюсъ,

Иду, иду вперед и весело пою.
Вот клень стоит у глинистой канавы,
Печально он поник над тихою водой,
И запах сыжей, скошенной отавы
Несется в воздух — пахучий, молодой...
Последний лист на дереве вьтвистомъ
Дрожит чуть-чуть на тоненькомъ сучкѣ...
Его не оторвать осенній вѣтеръ сви-
стоумъ...

Его пріятели несутся вдаль.
Такъ точно человѣкъ, оставленный друзьями.

Которыхъ смерть навѣки унесла,
Живеть одинъ, покрытый сѣдинами,
И ждетъ одинъ желаннаго конца.

Ужъ ночь надвинулась. Усадьба засы-
паетъ...

Мы всё вокруг стола в столовой со-
брались, но лишь нам разой-
тись.

А сонный песь въ углу старательно зѣ-
ваетъ.

Въ окно открытое повѣяла изъ сада
Почная, шѣдная къ намъ въ комнату
прохлада...

Болода новыхъ картъ бужить передо мною.

Шипить таинственно горячій самоваръ,
И вверхъ съдой, прозрачною волною
Ползеть и вьется теплый паръ.

Баюкають мене рой милихъ впечатлѣ-
ній,

И сонъ навязалъ тѣнь сонной старины,
И вспомнился мнѣ Пушкинскій Евгенийъ
Въ усадьбѣ Лариныхъ средь той же ти-
шины.

Такой же точно домъ, такія же коморки,
Портреты на стѣнахъ, шкапы во всѣхъ
Углахъ.

Диваны, зеркала, фарфоръ, игрушки,
горьке

И мухи сонныя на бѣлыхъ потолокахъ.

И уходя из этой жизни, уходя двадцатидухлетним юношей, не сдвывая и сотой доли того, что хотѣлъ сдвзать, Олегъ Константиновичъ могъ думать: «Боже мой, Боже мой, какую еси оставилъ мя!»...

Кто задумывается глубоко въ окружающія явления и въ частности въ смерть тѣхъ дорогихъ людей, о которыхъ говорится: «что имъ бы жить, да и жить», тотъ не могъ не замѣтить, что весьма часто въслѣдъ за смертью такого человѣка наступаетъ эпоха положительно невыносимая для тонкой организаціи почившаго.

Не какъ сравненіе, а какъ примѣръ, можно привести кончину Антонова Чехова, умершаго въ 1904 году. И въ самомъ дѣлѣ глядѣть на то, что дѣлалось еще черезъ годъ, было бы для него невыносимо, для него, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшаго дѣйствительнаго обновленія Россіи.

Сплошнымъ извѣзаніемъ было бы и для князя Олега Константиновича видѣть, что все вокругъ ломаетъ сила физическая, у которой цѣль оправдываетъ средства. Точно стадо животныхъ ворвалось въ можетъ быть и запущенный, но прекрасный садъ, и не падить ни дѣтвѣть, ни плодовъ,—что не удивлено, то безцѣльно и совершенно...

Потомъ, конечно, выгонять непрошен-
ныхъ, но ожидать этого «потомъ» для
Олега было бы, навѣрное, хуже
мерти...

Борисъ Лазаревскій.

Осекь.

Есть прелесть пѣжная въ покой умирающа
Осепшихъ первыхъ дней.
Безмолвны садъ... Чуть слышное шур-
шанье
Звучитъ среди аллей.
Деревья пурпуромъ и золотомъ одѣты.
Порою изъ-за тучъ
Бросаетъ теплый отблескъ свѣта
Короткій солнца лучъ—
Сверкнетъ, въ рѣкѣ прозрачной и печаль-
ной
Покажется едва
И исчезаетъ вновь, какъ другъ, что въ
мигъ прощальный
Шепнетъ надежды тихія слова,
О томъ, что вновь придетъ весна и лѣто,
Что вновь зазеленѣетъ садъ...

Грачи вдали несутся стаей цѣ-то,
Листы поблѣкшія спадая шелестятъ...

Кн. Федоръ Косаткинъ-Ростовскій.

Лазаретъ.

Былъ Странникомъ,
И вы приняли Меня.
Отъ Матвѣя.

Каждое утро мужъ и жена Салмановы,
когда Дмитрій не уѣзжаетъ на заводъ,—
что случается за послѣднее время все
рѣже,—уходятъ къ раненымъ въ лазаретъ,
помѣщающійся во флигелѣ, въ глубинѣ
одичавшаго липоваго сада.

Жена несетъ, обыкновенно, корзинку съ
домашнимъ хлѣбомъ и баранками; Сал-
мановъ—газеты.

И въ это сентябрьское утро было такъ
же, какъ всегда.

Умирающій, желтый листъ покрываетъ
землю и кѣнты на клумбахъ: несмотря на
яркое солнце, казалось холодно.

Но въ большой комнатѣ лазарета,—съ
рядомъ кроватей, столомъ, на которомъ
обѣдали и пили чай,—было нескудно
для неизбалованныхъ жизнью раненыхъ
и больныхъ людей.

Салмановыхъ ждали и встрѣчали ра-
достно.

Всѣхъ солдатъ находилось, за неизмѣ-
нимъ мѣстомъ,—десять человѣкъ. Иногда,
когда выздоравливающие уходили,—то и
меньше.

Но четверо особенно слабыхъ жили съ
самого начала, сдѣлавшись для Милы и
Дмитрія своими, составляющими одно цѣ-
лое съ домомъ.

И всѣ четверо, какъ это часто случается
у солдатъ, получившихъ увѣче или бо-
лѣзнь,—были дѣтски ласковы и незло-
бивы.

Иванъ Паденковъ, очень свѣжій моло-
дой солдатъ, съ оторванной по самое плечо
правой рукой,—казался особенно трогателенъ
своей тихой, какъ у ребенка, улыб-
кой.

Его Мила любила исключительно.

Обыкновенно веселый, солдатъ этотъ
просыпался ночью и, сидя на койкѣ, горько
начиналъ оплакивать потерянную руку,
стыдась на утро своей слабости.

И Мила, узнавъ отъ фельдшерницы
Марьи Николаевны объ этомъ, встрѣчала
его жалостно и безпокойно, стараясь утѣ-
шить чѣмъ-нибудь.

— Ты опять ночью плакалъ, Паден-
ковъ?—допрашивала она.

Солдатъ молчалъ, краснѣя всѣмъ своимъ
молодымъ добрымъ лицомъ.

И она совала ему въ руку подарокъ или
сладость.

Кузьма Симахинъ съ затаженной раной
въ ногѣ, прозванный солдатами за свою
валяжную полноту майоромъ,—пред-
ставлялъ собой нескладнаго смѣшного сол-
дата и былъ искренно веселый во всѣхъ
мучаяхъ жизни человѣкъ.

Такимъ знали его въ окопахъ; такимъ
былъ онъ въ лазаретѣ.

Третій—Николаевъ, унтеръ-офицеръ,
очень красивый, черномазый, съ одухотво-
реннымъ лицомъ чахоточнаго,—онъ та-
кимъ и былъ,—держался немного холодно
къ остальнымъ, уединяясь, точно стыдись
болѣзни и никогда не жаловался.

Четвертый—хохолъ Милошенко, казал-
ся простакомъ,—будучи очень неглупъ
по своему.

Остальные, мѣнясь и уходя кто на по-
правку, кто на войну, горячо прощались
съ Салмановыми, присылали наивныя
письма, прося отвѣтить—хоть открыточ-
кой.

Койки были убраны и накрыты сѣрыми
одноцвѣтными одеялами. Только на двухъ,
укрытыхъ, лежали вновь привезенные на-
канунъ.

— Отсыпается... А не тяжелые,—объ-
яснила Милѣ сестра Марья Николаевна,
хорошенькая свѣжая дѣвушка съ ласко-
вымъ лицомъ, улыбающимся изъ-подъ
блѣлой косынки.

На клеенкѣ большого стола кипѣлъ са-
моваръ и хлопотали двѣ няньки—Васюта
и Феклуша.

Положивъ принесенный хлѣбъ и баран-
ки, Мила сѣла къ столу, раскладывать
порціи около каждой кружки.

Всѣ столпились около нея; послышались
шутки, радостный смѣхъ простыхъ, не
избалованныхъ людей передъ этимъ непри-
хотливымъ комфортомъ и лаской жен-
щины.

Пришелъ докторъ, Василій Николаевичъ
Михарскій, большой, грубоватый, но не
злой и знающій свое дѣло.

Мила уважала его за знанія, но не
особенно любила за грубость и постоянную
«барыню», какъ онъ величалъ ее, и она
даже выговаривала ему за это.

— Что за барыня? У меня нма есть.
Солдаты звали ее: Мила Михайловна.
Сѣли пить чай.

Подъ конецъ явился изъ города, гдѣ
онъ почевалъ, двоюродный братъ Салма-

нова, прозванный въ семьѣ за свою не-
красивость Мордашонтъ. Даже солдаты
звали его—Мордашонтъ Ивановичъ.

И тотъ не обижался. Мардарій былъ
смуглый, отменно дурной человѣкъ, съ
лицомъ больной мартышки, но очень,
какъ почти всѣ Салмановы, добрый и
немного странный.

Главной странностью была неуживчи-
вость и совершенная непригодность къ
правильному, постоянному занятію.

Не обладая капиталомъ (эти Салма-
новы не были богаты), Мардарій слу-
жилъ у старшихъ за жалованье, но не-
редко бросалъ дѣла и пропадалъ по не-
дѣльямъ.

Вина онъ не пилъ и главной его
страстью былъ кинематографъ и его
устройство.

Достигнувъ въ этомъ отношеніи нѣко-
торого совершенства, Мардарій бредилъ
съемками, и разговоръ его вертѣлся
исключительно на фильмахъ и т. п.

Въ это утро Мардарій явился, какъ
нѣкій заговорщикъ, оставивъ въ боль-
шомъ домѣ, гдѣ онъ жилъ, въ свѣтелкѣ,
какой-то таинственный багажъ.

Уже пѣдѣлю они съ Милой и Дми-
тріемъ обдумывали устройство кинемато-
графа для раненыхъ.

Предполагалось устроить экранъ въ
старой упрямой оранжереѣ, при-
способивъ ее къ театральному залу.

— А къ зимѣ отдѣльное зданіе вы-
строимъ,—говорилъ Дмитрій.

— Рядомъ съ новымъ лазаретомъ,—
добавила Мила.

И Салмановъ, зная ее завѣтную мечту
устроить большой лазаретъ и богадель-
ню для слѣпыхъ солдатъ, обдумывалъ
планъ домовъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Салмановы сдѣ-
лали крокетъ и научили солдатъ играть,
это сдѣлалось любимымъ занятіемъ ра-
неныхъ. Бывали даже жаркія ссоры, про-
ходившія съ окончаніемъ игры. Особенно
страстнымъ игрокомъ считался Паден-

ковъ, игравшій, несмотря на лѣвую ру-
ку, великолѣпно, и майоръ, увлекавшій-
ся до самозабвенія.

Крокетъ, устроенный недалеко отъ
лазарета, былъ веселымъ мѣстомъ.

И только однообразный звонъ мона-
стырскаго колокола вносилъ печальную
ноту въ это оживленіе и крикъ веселя-
щихся, какъ дѣти, людей.

И двое изъ нихъ тогда,—Паденковъ и
Мила,—дѣлались на время печальны.

Солдатъ вспоминалъ потерянную руку,
женщина думала о своей неизлечимой
болѣзни.

Когда Дмитрій Салмановъ задумалъ и
окончательно рѣшился на бракъ съ блѣ-
денькой дворянкой Людмилой Михай-
ловной Странниковой-Юревой, онъ
встрѣтилъ со стороны матери горячій
протестъ.

— На комъ угодно, только не на ча-
хоточной!—грубо, несмотря на доброту,
сказала она.

А сестра Варя даже заплакала.
— Чахоточная!

Тогда это не было еще такъ вполне
опредѣленно, но больная—это такъ.

Глядя на худенькія плечи и бѣдное,
какъ всегда почему-то казалось Салма-
нову, перекрашенное платьице съ чужого
плеча и худенькое личико съ огромными
черными глазами, свѣтящимися какой-то
истинно неземной кротостью, казалось
также, что дѣвушка не вполне сыта.

И дѣлалось жалко до слезъ.

Онъ женился и жилъ, почти не при-
нимая участія въ огромномъ оптовомъ
дѣлѣ, въ старомъ домѣ на окраинѣ го-
рода, доставшемся ему отъ бабки.

Подобно двоюродному брату Мардарію,
Салмановъ также не имѣлъ усидчивости
въ работѣ, но, какъ всѣ почти въ ихъ
роду, былъ способенъ.

Чувствуя, что жить безъ дѣла не-
естественно для молодого, здороваго че-
ловѣка, онъ придумалъ занятіе, помимо
торговли, которую не любилъ; писалъ
что-то по исторіи, учился музыкѣ, но
надолго все бросалъ и занимался только
съ женой, которую любилъ, какъ-то бо-
лѣзненно горячо, да еще посѣщеніемъ лаза-
рета.

За послѣднее время кашель, мучившій
почами Милу, и повышавшаяся временами
температура начинали серьезно тре-
вожить Салманова: особенно послѣ того,
какъ выслушавшій ее Михарскій посо-
ветовалъ ему въ отдѣльномъ разговорѣ
Крымъ и немедленно.

Людмила и слушать не стала.
— Уѣхать!.. На кого же я лаза-
ретъ-то брошу?—говорила она.

И Дмитрій не умѣлъ настоять на
своемъ.

Чай кончили.

Солнце, выглянувшее ярко, какъ все-
гда неожиданной радостью освѣтившее
комнату, потянуло на воздухъ. Солдаты,
надѣвая халаты, вышли первыми съ Ми-
лой.

Салмановъ задержался съ докторомъ.

— Что-жъ, говорили съ Людмилой Ми-
хайловной о Крымѣ?—началъ Михарскій,
остановившись на минуту у большой
кумбы нестрыхъ осеннихъ цвѣтовъ:—
онъ былъ либидель.

— Слышать не хочется,—отвѣтилъ
Салмановъ.— Скажите вы,—прибавилъ
онъ.

Докторъ въ отвѣтъ только промывчалъ
что-то и ушелъ къ себѣ.

Онъ былъ лѣнивъ для крокета, предпо-
читая лежать въ свободное время на дива-
нѣ, кура въ обществѣ грязнаго пуделя
Милитона.

Когда Салмановъ подошелъ къ крокету,
игра уже началась.

Мила, игравшая въ одной партіи съ Ни-
колаевымъ, сидѣла рядомъ съ нимъ на
скамьѣ. Видъ особенно рѣзко выступаю-
щихъ ярко-лихорадочныхъ пятенъ на ще-
кахъ жены, теперь, при ясномъ солнцѣ,
особенно больно поразила Салманова.

Сотрудникъ «Новаго Времени»
кн. Федоръ КОСАТКИНЪ-РОСТОВСКІЙ. Поэтъ.
Добровольно вернулся изъ отставки въ строй. Триниды контуженъ.

Павшие смертью храбрых.

полков. Г. И. Рябенко.
Наград. Георгиевским оруж.

Подпоруч. А. Г. Сухорук.
Наград. орд. св. Георгия 4 ст.

Прапорщ. П. П. Харитовъ.
Наград. орд. св. Георгия 4 ст.

Полков. М. I. Юзбашевъ.

Поруч. П. А. Сафоновъ.

Прапорщ. Вик. И. Алферовъ.

Прапорщ. Вас. И. Алферовъ.

Прапорщ. С. И. Мутонинъ.

Подпоруч. В. Ф. Естифеевъ.

Подпоруч. Д. Д. Филиновъ.

Прапорщ. Н. С. Германъ.

Капит. Е. М. Державинъ.

Подпоруч. П. Н. Клейскъ.

Подпоруч. Н. Н. Облеуховъ.

Поруч. Б. А. Витковский.

Войск.-стар. Н. I. Збышевскій.

Прапорщ. гр. Н. Н.
Стиборъ-Мархочій.

Прапорщ. С. М. Урбановичъ.

Шт.-капит. Л. Н. Ханьновъ.

Поруч. В. В. Молнаръ.

ВЗЯТИЕ ГОРЫ ДАЛИХИ. — Бой велся на столь неприступной позиции, что трупы Турок неубраны лежать до сих пор в трещинах этой горы.
Рисов. А. Пржевальский (участник войны).

И этот бедный солдат...

Казалось, что-то бесконечно жестокое по своей несправедливости совершалось над этими, еще полными сил, существами, уже обреченными на гибель.

И Салманову захотелось отчаянно плакать. Но сейчас же, сдвигая над собой усилие, он улыбнулся. Миле привычной за последнее время живо-спокойной улыбкой и, взяв молоток, вступил в игру. Но играть долго не пришлось.

Откуда-то надвинулась туча, сгустив, тая, мгновенно умертвив веселые краски.

Дождь пошел; скучный, очевидно, надолго.

Собрав с сожалением молотки с шарами, солдаты вернулись в лазарет.

Салманов с Мардарием отправились в дом.

— Вечером заходите, споем, — крикнула Мила.

— Спасибо, придем, — хором ответили раненные.

В большой гостиной старого дома топился камин и было тепло и уютно.

Мужчины сели за шахматы; Мила, взяв работу, взобралась на кушетку с ногами. Около нее поместился черный кот — Бесс, угрюмое старое животное, молчаливое и непонятное.

— Скучно имъ, беднымъ, — начала о солдатах Мила.

— Жду — не дожусь, когда свой кинематограф у нас будет... Повезли бы их, да далеко; да слабые скучать будут, завидовать...

Мила разсуждала тихо, резонно, как разсуждают девочки.

И глядела девочкой в свои 20 лет.

— А знаешь, что я придумала, Митя? — неожиданно вскочив, захлопала она в ладоши.

Мужчины оглянулись на нее от шахмат.

— Когда мы все устроим, ты напишешь сценарий картин, где будут участвовать все наши раненные, которые в силе, и мы с ними. И имъ занятіе, и намъ память... Хорошо я придумала? — И, ска-

ча, какъ коза, Мила вдругъ закатилась глухимъ кашлем и въ изнеможении съела молодого солдата с родным селом, сцену в лазарет, где среди раненных по-ш.

Салмановъ, встревоженный, подошелъ явился ангелъ-утѣшитель Мила.

— Все уже прошло, — улыбнулась Ми- хъ, благо, погода наладилась.

Извѣстіе о томъ, что все раненные бу- дуть представлять, вызвало необычайно радостное волнение.

Сценарій картины, съ участіемъ ране- ныхъ, былъ написанъ Салмановымъ въ Казань, невнятно и страшно для ви- два дня и вышелъ довольно удачнымъ, когда не выдавшихъ.

И бывалые объясняли. Но при съемках все наладилось и даже неожиданно хоро-шо.

Николаевъ, оказавшийся по природе хо- рошимъ актеромъ, былъ трогателен и красивъ въ роли солдата, прощающего- сь родной; удалась сцена на бивуакъ.

Но всего лучше была Мила — Ангелъ.

Чѣмъ ближе подходилъ день представле- ния, тѣмъ оживленнѣе и возбужденнѣе дѣлалась Мила.

Послѣ послѣдней репетиции она даже пролежала весь день.

И чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе душилъ ее ночами кашель; безпокойнѣе и фальши- нѣе улыбался Салмановъ, сдерживая сле- зы, и какъ бы особенно пристально при- глядывался Михарскій, наставив на Кры- мъ и получая вѣчный отказъ отъ Людми- лы.

Старая оранжерея, превращенная въ за- лу, горѣла огнями.

Ряды стульев и скамеекъ придавали ей видъ настоящаго театра.

Публика собралась около 7 часовъ.

Когда еще не гасли огня, Салмановъ оглянулся со своего мѣста у рояля, — онъ замѣтилъ пианиста, — невольная улыбка, несмотря на тяжелое состояніе послѣднихъ дней, мелькнула на его губахъ при видѣ солдатскихъ лицъ, озаренныхъ чисто дѣт- ской радостью.

Но сейчас же улыбка эта увяла при взглядѣ на жену.

Мила сидѣла какъ-то непривычно груст- ная, спотанно, сгорбившись.

Салмановъ подошелъ къ ней.

— Тебѣ нехорошо? — шепнулъ онъ, на- клонившись.

— Хорошо, какъ никогда, — отвѣтила она и сказала его руку.

Освященіе погасло. Начались картины. Уснѣхъ превзошелъ все ожиданія: это былъ сплошной восторгъ, вырывающійся восклицаніями:

— Гляди-ка-сь — я-то, я-то... У ко- стра сажу... — А Николаевъ-то, — ровно въ землѣ... — Ловко, ребята, и т. д.

Но когда среди лазаретной обстановки, подъ грустные звуки фисгармоніи, появил-

ТЯЖЕЛАЯ АРТИЛЕРІЯ ВЪ ДАРДАНЕЛЛАХЪ.

Спеціальныя плоты для доставки тяжелыхъ орудій на Галлипольскій полуостровъ.

Въ виду того, что большія суда не могутъ подойти къ бе- регу, орудія доставляются соками на огромныхъ плотахъ, покрытыхъ для устойчивости мѣшками съ пескомъ.

Полков. флиг.-адъют. герцога Николай Николаевич ЛЕЙТЕНБЕРГСКИЙ.
Раненъ.

Подполковн. А. С. МИНУЛИНСКИЙ.
Награжд. орденомъ св. Георгия 4 ст. за то, что въ бою 26 ноября 1914 года у с. Рожни, командуя двумя ротами, съ двумя пулеметами и будучи окруженъ немцами, отвергнувъ предложение противника сдаться, приказавъ ротамъ пробиваться сквозь окружившихъ ихъ немцевъ, и самъ съ двумя револьверами въ рукахъ сталъ послѣднимъ отходить назадъ, отстрѣливаясь, отъ подошедшихъ шаровъ на 30—35 шаговъ, когда же немцами Нимцевъ брошенъ къ нему, то онъ, убивъ изъ револьвера 6 человекъ, самъ, раненный въ ногу, продолжалъ отходить къ рогѣ, а затѣмъ, раненный шрапнелью въ бедро, онъ выпустивъ еще по одной пулѣ изъ револьвера, упалъ въ придорожную канаву и, еще разъ приказавъ ротамъ пробиваться къ своимъ, замолкъ.

Григорьевъ.

Литературныя замѣтки.

Авт. біографія М. Горькаго.

Въ произведеніяхъ послѣдняго періода, въ обширной эпопее, посвященной изображенію «города Окорова» и его обитателей, М. Горькій рисовалъ картины одну безотраднѣе другой. Жизнь Окорова, въ которомъ авторъ видитъ не какой-либо

Подпоруч. Денисъ ИВАНОВСКИЙ,
послѣ паденія припости Новогеоргиевска, провалявшись единаго дня обожженнымъ непріятельскими войсками и линией ихъ боевѣхъ частей, благополучно присоединился къ своимъ войскамъ на 19-й день пути, пройдя 350 верстъ по занятой противникомъ мѣстности.

ся освѣщенный страшнымъ бѣлымъ свѣтъ-шная страдающихъ людей, и, опустивъ ее надеждой и утѣшеніемъ. Точно тихій вѣ- томъ ангель-утѣшитель, Мила, внезапно въ могилу, печально вернулись въ опустѣ- но наступило молчаніе. И тѣмъ рѣз- шій домъ. И сейчасъ же стало тихо и грустно- грустно.

Первый понялъ Салмановъ, крикнувъ:

— Свѣтъ!

Зала освѣтилась.

Мила лежала на полу, странно, незово- вытнувшись ноги, и тонкая струйка крови Салмановъ съѣлъ къ столу, взявъ портретъ жены, долго смотрѣлъ на него; потомъ по- цѣловалъ и вышелъ въ садъ.

Къ ней кинулись, повесили въ домъ, по- ложили на кровать.

Она кончалась... Но въ послѣднюю ми- нуту открыла глаза и притянула къ себѣ лисъ на холодномъ солнцѣ. Салмановъ по- шелъ по лиловой, облетающей, странно

— Не оставь ихъ... Помни... что объ- щалъ...—и затихла, упавъ на подушки.

Мила исчезла со свѣта. Ушла въ моги- лу маленькая больная женщина, любив-

вспоминали свою Милу Михайловну.

Паденковъ ночью плакалъ и бредилъ ангелами.

Вернувшись къ себѣ съ похоронъ жены, Салмановъ съѣлъ къ столу, взявъ портретъ жены, долго смотрѣлъ на него; потомъ по- цѣловалъ и вышелъ въ садъ.

Вечеръ угасалъ. На пустынныхъ клум- бахъ багрове-красныя мальвы кровави-

слѣнные солдаты и часть раненыхъ. Самъ хозяинъ помѣщается въ двухъ комнатахъ нижняго этажа.

Мечта Милы относительно постройки огромнаго лазарета и богадѣльни осуще- ствилась только отчасти. На каниталь.

И тутъ случилось съ нимъ то, что от- ственлась только отчасти. На каниталь.

Вечеромъ, лежа на койкахъ, раненые что ты общалъ...—и затихъ.

Потрясенный Салмановъ ждалъ, не по- вторится ли это; потомъ вернулся домой и въ первый разъ съ дѣтскихъ лѣтъ долго молился.

На утро онъ рано уѣхалъ на заводъ къ брату.

Минулъ годъ со смерти Милы. Въ ста- ромъ домѣ, у монастыря, живутъ теперь слѣнные солдаты и часть раненыхъ. Самъ

хозяинъ помѣщается въ двухъ комнатахъ нижняго этажа.

Мечта Милы относительно постройки огромнаго лазарета и богадѣльни осуще- ствилась только отчасти. На каниталь.

И тутъ случилось съ нимъ то, что от- ственлась только отчасти. На каниталь.

въ «домѣ инвалидовъ» въ Парижѣ.

Выставка трофеевъ. Только что подбитый нѣмецкій аэропланъ «таубе», привлекающій вниманіе публики.

Бельгійскій наслѣдн. принцъ Леопольдъ, князь БРАБАНТСКИЙ, старшій сынъ короля Альберта I. Род. 3 ноября 1901 г.

ву братомъ, ничего этого не могло устро- опредѣленный географическій пунктъ, а иться... Тогда Дмитрій отдалъ домъ и по- россійскій городъ вообще,—проходила пе- реди читателемъ, какъ нагроможденіе мер- чти все на содержаніе лазарета.

Въ семью брата Салмановъ ходитъ рѣд- зостей, одна ужаснѣе другой, а сами жи-

Сестра милосердия Георгіевской общины
Нат. Павл. БЪЛЕЦКАЯ.
Награждена Георгіевскими мед. 4 и 3 ст.

тели казались скорѣе выходцами изъ тюремъ и буйныхъ отдѣленій сумасшедшихъ знатъ, что сейчасъ обычная суровость дѣдомовъ, чѣмъ тѣмъ обитателями глухихъ да таетъ въ немъ. Судящая же не по отечественныхъ захолустіяхъ, которыхъ мы виѣшнимъ признакамъ, а по тому сокровенному, что скрыто отъ глазъ померкшихъ существамъ, не лишеннымъ, разностнаго наблюдателя, бабушка говоритъ зумѣтся, недостатокъ, но обладающими о немъ: «Онъ, вѣдь, раньше-то больно хорошій былъ, дѣдушка нашъ, да какъ выдумалъ, что нѣтъ его умѣе, съ той поры и озлился и глупымъ сталъ». Но, пожалуй, еще вѣрнѣе объяснить причуды дѣда и его озлобленность тѣмъ, что сынскія надежды, оказались неудачниками.

— Не удался дѣти-то, съ коей стороны ни взглянь на нихъ, — ждался оный. Куда сокъ—сала наша пошла? Мы съ тобой думали, — въ лукошко кладемъ, а Господь-отъ вложилъ въ руки намъ худое рѣшето.

Она служила повитухой, разбирала семейные ссоры и споры, лечила дѣтей, сказывала наизусть «Сонъ Богородицы», чтобы женщины заучивали его «на счастье», давала хозяйственные совѣты.

Кромѣ этой «неугомонной», неустанно-доброй и жизнелюбивой старухи, выделяясь, очевидно, среди другихъ и отецъ писателя, о которомъ знавшіе его хорошо отзывались: «Большого сердца былъ мужъ Максимъ Савватенчъ»... Вообще отецъ и мать, по воспоминаніямъ Горькаго, жили не такъ, какъ другіе: «были у нихъ другія рѣчи, другое веселье, ходили и сидѣли они всегда рядомъ, близко». Дѣдъ былъ самодуръ, и нерѣдки были у него проявленія жестокости. Если бы мы имѣли дѣло съ безэстетическимъ его изображеніемъ, то, вѣроятно, этими чертами и закончилась бы его характеристика. Но, повѣствуя о томъ, что было въ дѣйствительности, авторъ не можетъ забыть, что иногда въ глазахъ дѣда «свѣтилось грустное, теплое чувство», и тогда мальчикъ «уже

лимы и теплымъ свѣтомъ». И проживши всю жизнь въ кругу людей, которые, по укачнямъ въ «Дѣтствѣ». Болѣе бѣднымъ обычному представленію Горькаго, мало кажется образъ матери; изъ отдѣльных чѣмъ отличаются отъ зѣрей, она въ тѣ чертъ, сообщаемыхъ о ней, какъ-то не минуты, когда душа ея становилась особенно склонной къ изліяніямъ, съ умилениемъ восклицала:

— Господи, Господи! Какъ хорошо все! Нѣтъ, вы глядите, какъ хорошо-то все. Это былъ крикъ ея сердца, лозунгъ всей жизни.

Простая и необразованная женщина, она умѣла понять и простить многое въ окружающей ее жизни, и вмѣсто безплодныхъ причитаній, наполняла свое существованіе кипучей дѣятельностью.

Она служила повитухой, разбирала семейные ссоры и споры, лечила дѣтей, сказывала наизусть «Сонъ Богородицы», чтобы женщины заучивали его «на счастье», давала хозяйственные совѣты.

Кромѣ этой «неугомонной», неустанно-доброй и жизнелюбивой старухи, выделяясь, очевидно, среди другихъ и отецъ писателя, о которомъ знавшіе его хорошо отзывались: «Большого сердца былъ мужъ Максимъ Савватенчъ»... Вообще отецъ и мать, по воспоминаніямъ Горькаго, жили не такъ, какъ другіе: «были у нихъ другія рѣчи, другое веселье, ходили и сидѣли они всегда рядомъ, близко». Дѣдъ былъ самодуръ, и нерѣдки были у него проявленія жестокости. Если бы мы имѣли дѣло съ безэстетическимъ его изображеніемъ, то, вѣроятно, этими чертами и закончилась бы его характеристика. Но, повѣствуя о томъ, что было въ дѣйствительности, авторъ не можетъ забыть, что иногда въ глазахъ дѣда «свѣтилось грустное, теплое чувство», и тогда мальчикъ «уже

— Не удался дѣти-то, съ коей стороны ни взглянь на нихъ, — ждался оный. Куда сокъ—сала наша пошла? Мы съ тобой думали, — въ лукошко кладемъ, а Господь-отъ вложилъ въ руки намъ худое рѣшето.

Изображенія бабушки и дѣда наиболее полно жизнь въ кругу людей, которые, по укачнямъ въ «Дѣтствѣ». Болѣе бѣднымъ обычному представленію Горькаго, мало кажется образъ матери; изъ отдѣльных чѣмъ отличаются отъ зѣрей, она въ тѣ чертъ, сообщаемыхъ о ней, какъ-то не минуты, когда душа ея становилась особенно склонной къ изліяніямъ, съ умилениемъ восклицала:

— Господи, Господи! Какъ хорошо все! Нѣтъ, вы глядите, какъ хорошо-то все. Это былъ крикъ ея сердца, лозунгъ всей жизни.

Шт.-кап. А. А. ПРУСИНОВСКИЙ.
Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.
Контуженъ и раненъ.

Подпоруч. Илья Влад. ГУСЕВЪ.
Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

Артнсть Я. С. ТИНСКІЙ, новый директоръ-распорядитель
театра А. С. Суворова.

Капитанъ Евгений РОДЗЕВИЧЪ.
Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.,
за то, что въ бою 11 ноября
1914 года у д. Галковъ, будучи
начальникомъ пулеметной коман-
ды и видя тяжелое положеніе
1 батальона своего полка, поста-
вилъ въ центръ батальона на же-
лѣзнодорожную насыпь 4 пулеме-
та въ 600—800 шагахъ отъ не-
приятельскихъ позицій и, охраняя
полное спокойствіе, мужественно
управлялъ огнемъ пулеметовъ, ко-
торыми, перебивъ прислугу, при-
велъ къ молчанію три неприятель-
скихъ тяжелыхъ орудія и разстро-
илъ колонну подхлѣбническихъ ре-
зервовъ, чѣмъ вырвалъ часть
перваго батальона; вскорѣ послѣ
этого былъ убитъ.

Будничныя темы.

Въ прологѣ къ «Фаусту» директоръ театра, давая драматическому писателю совѣтъ захватывать самую гущу человѣческой жизни, — той жизни, въ круговоротѣ которой живетъ каждый, но знаютъ которую только немногіе, — прибавляетъ: гдѣ бы вы ни зачерпнули, все бузетъ полно интереса. Съ еще болѣе широкимъ основаніемъ это наставленіе можетъ быть принято къ руководству писателями белетристами. Нѣтъ такого незначительнаго явленія въ окружающей насъ жизни, которое не могло бы послужить «сюжетомъ» для очерка или разсказа, при условіи, разумѣется, что авторъ сумѣлъ подмѣтить въ этомъ явленіи то, что можетъ сдѣлать его «полнымъ интересомъ». Въ сборникѣ разсказовъ г. Марка Басанина «Будни» * мы имѣемъ дѣло, какъ видно уже изъ заглавія, съ самыми повседневными, «будничными» событіями жизни. Подлинный сапожникъ, недавно женившійся на блондинкѣ, затѣваетъ ссору съ женой, не умѣющей, по его мнѣнію, цѣнить того, что онъ — интеллигентный чело-вѣкъ высокаго развитія души, съ образованнымъ понятіемъ. Портной выдаетъ замужъ дочку. Бѣдная женщина хлопочетъ въ благотворительномъ учрежденіи о пособіи. Мелочной торговецъ журить своихъ приказчиковъ за то, что они обесчечиваютъ покупателей не въ той степени, какъ ему было бы желательно. Проситель приходитъ въ присутственное мѣсто получить справку. Вдова маленькаго чиновника съ нетерпѣніемъ ожидаетъ пенсіи, обѣщанной ей начальствомъ, и получаетъ наконецъ извѣщеніе, что таковая ей назначена въ размѣрѣ 4 р. 76 к. въ мѣсяцъ. Молодой врачъ принимаетъ пациентовъ. Мужъ, исполнивъ порученіе уѣхавшей за границу жены, собираетъ дома всякій хламъ, чтобы отослать въ общество, которое «на эту дрянь ухитряется дѣлать тысячи сиротъ воспитывать». Есть у автора цѣлый рядъ разсказовъ, въ смыслѣ содержанія еще болѣе упрощенныхъ, въ которыхъ нѣтъ ни опредѣленнаго героя, ни какого-либо развитія дѣйствія: пріемъ больныхъ въ амбулаторіи, конкурсные экзамены и т. п. Для того, чтобы вся эта сфера обывательщины приобрѣла для насъ интересъ, нужно, чтобы въ случайномъ и мимолетномъ авторъ сумѣлъ намъ показать отраженіе чего-то болѣе глубокаго, имѣющаго корни въ самыхъ ус-

* М. Горькій. Сочиненія. Т. XX. Дѣтство. Книгоиздательство «Жизнь и Знаніе». Петроградъ. 1915 г. Стр. 340. Цѣна 1 р. 50 коп.

* Маркъ Басанинъ. Будни. Первая книжка разсказовъ. Петрогр., 1915 г. Стр. 222. Ц. 1 р.

ИЗЪ «СТРАНЫ ЛОТОСА» ВЪ ТУМАННУЮ АНГЛІЮ.

Раненые солдаты-Индусы на отдыхъ въ Англіи, на морскомъ берегу.

ловіяхъ нашего существованія. У г. М. Басинина есть умѣнье заставить читателя переходить отъ частнаго къ болѣе общему, причемъ писатель не подчеркиваетъ своихъ намѣреній и не впадаетъ въ дидактическій тонъ. Если мы возьмемъ, напр., рассказъ «Жена», то увидимъ тамъ лишь изображеніе того, какъ овдовѣвшій супругъ замѣчаетъ, что со смертію жены все идетъ въ домѣ не такъ, какъ надо, хотя при жизни жены онъ вовсе не подозревалъ, что она главная пружина, которою держится весь домашній строй. «Если бы ему раньше сказали, что исчезновеніе изъ его жизни этого, какъ всегда ему казалось, незначительнаго, не особенно умнаго и робкаго существа, съ самымъ обыкновеннымъ лицомъ, кроткимъ взглядомъ большихъ нанизанныхъ глазъ и несмѣлыми тѣлодвиженіями произведетъ такой переворотъ въ его обиходѣ, внесетъ такую смуту въ его настроеніе, онъ бы только недоверчиво улыбнулся». И изъ-за алогичностей Алексѣя Ивановича, изъ-за его стычекъ съ властной тещей, прибавшей все хозяйство къ своимъ рукамъ, изъ-за его столкновений съ кухаркой и нянькой передъ нами отчетливо вырисовывается образъ одной изъ тѣхъ незамѣтныхъ героинь, которыхъ окружающіе начинаютъ цѣнить только тогда, когда смерть прекращаетъ ихъ заботы и хлопоты. Въ рассказѣ «Счастье» мы видимъ рабочую пару, въ жизни которой, «тупой, жестокой, нудной и трудной», немного было отраднато, — одинъ только мечтъ о лучшемъ ее и скрашивали. Но послѣ смерти жены оставшіяся одинокимъ мужъ, оглядываясь назадъ на свою жизнь, начинаетъ понимать, «что и у него было счастье, — его особенное, ни на что не похожее, счастье»...

Если мы часто не умѣемъ цѣнить своихъ близкихъ и то счастье, которое у насъ подъ руками, то подчасъ мы зато не замѣчаемъ, какую тяжесть, наваленную на насъ заботами о другихъ, намъ приходится нести. Съ своеобразнымъ юморомъ авторъ подходитъ къ этой темѣ въ рассказѣ «Вымороженный полѣсъ». Герой рассказа, человѣкъ «добросовѣстный по преимуществу», въ теченіе долгаго ряда лѣтъ выбивается изъ силъ, чтобы выплачивать аккуратно взносъ по страховому полюсу, который, въ случаѣ его смерти, долженъ обезпечить отъ нищеты его жену и дѣтей. Но, по проишію судьбы, и жена и дѣти умираютъ раньше его.

Онъ продолжаетъ, по инерціи, дѣлать взносы, тѣмъ болѣе, что теперь ему это легче. Онъ помолодѣлъ и отдохнулъ. Смерть постепенно облегчила тѣлѣгу, которую онъ столько лѣтъ везъ, выбравъ изъ нея всѣхъ сѣдоковъ. Непривычное чувство свободы, легкости сообщило ему жизнерадостность почти юношескую. Изъ всѣхъ обязанностей и работъ осталась только одна: страховая полисъ.

Юморъ автора переходитъ иногда въ шаржъ, какъ, напр., въ рассказѣ «Разные принципы», въ которомъ авторъ изображаетъ противорѣчіе между взглядами на происходить»...

семью, на воспитаніе и вообще на условія жизни между представителями двухъ поколѣній. Близокъ къ шаржу и оригинальный отрицатель его трудолюбія: имъ составленъ рассказъ «Момсенъ», въ которомъ авторъ подробнѣйшій обзоръ всей юбилейной литературы о Лермонтовѣ *) (занимающей большую часть книги). Сюда вошли даже всѣ такъ, какъ имъ хочется, не стѣсняясь мелкія газетныя замѣтки въ столичныхъ шаблонахъ и общепринятыя взгляды, и провинціальныя изданія. Въ общемъ, не считая преступленіемъ «малѣйшій проблескъ самостоятельности, намекъ на какую-нибудь смѣлость или способность оригинально мыслить и поступать».

И. П. В.

Литературное крохоборство.

Кто-то изъ нашихъ духовныхъ писателей (кажется, еп. Димитрій Ростовскій), на свѣтъ трудно, но не все одинаково ценно прочитавъ переложеніе «Богородицы» въ по. Г. Леонидъ Семеновъ одинъ изъ тѣхъ, въ по. Г. Леонидъ Семеновъ одинъ изъ тѣхъ, кто не понимаетъ этой истины (и есть одна басня Крылова, хорошо ее поясняющая). Онъ думаетъ, что писать о Лермонтовѣ — это значитъ собирать подъ одну обложку все, гдѣ мелькнетъ его имя или гдѣ можно нарочно вызвать это мельканіе.

Въ концѣ концовъ, появляются такіе «лермонтовскія» темы, какъ «случай употребленія Лермонтовымъ античныхъ именъ». Одинъ авторъ уже составилъ такой списокъ; теперь г. Семеновъ на цѣлой страницѣ дополняетъ его. Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно важно знать, что Александръ Македонскій упоминается у Лермонтова три раза, а Гекторъ всего только разъ, или что Діана и Венера встрѣчаются, между прочимъ, въ текстѣ «Маскарада».

Конечно, это своего рода безуміе, но безуміе характерное именно для нашихъ «эпигонскихъ» дней. Съ нѣкоторымъ страхомъ думается, что же будетъ такъ черезъ дѣсять, черезъ триста лѣтъ, когда вѣдь и такіе темы будутъ исчерпаны? А «трудъ въ рукахъ» тогда, пожалуй, еще разрастется и общедоступность «печальнаго изобрѣтенія Гуттенберга» будетъ мучить еще сильнѣе... Впрочемъ, «мысленіе» неисчерпаемо, какъ «бытіе». И отъ вычитанія до дна текста «научное изслѣдованіе» можетъ тогда обратиться къ «внѣшнимъ особенностямъ» типографскаго приѣма въ первыхъ изданіяхъ Лермонтова, сравнить его съ такимъ же изданіемъ Пушкина, и проч., и проч. Несомнѣнно, что тутъ открываются снова далекіе горизонты.

Только одна надежда: на побѣду надъ Нѣмцами. Совершенно серьезно: вѣдь отъ нихъ плыветъ эта волна всяческаго крохоборства, въ томъ числѣ и литературнаго. Нѣмцевъ нельзя опредѣлить точнѣе,

НОВЫЙ «ТАНЕЦЪ СМЕРТИ».

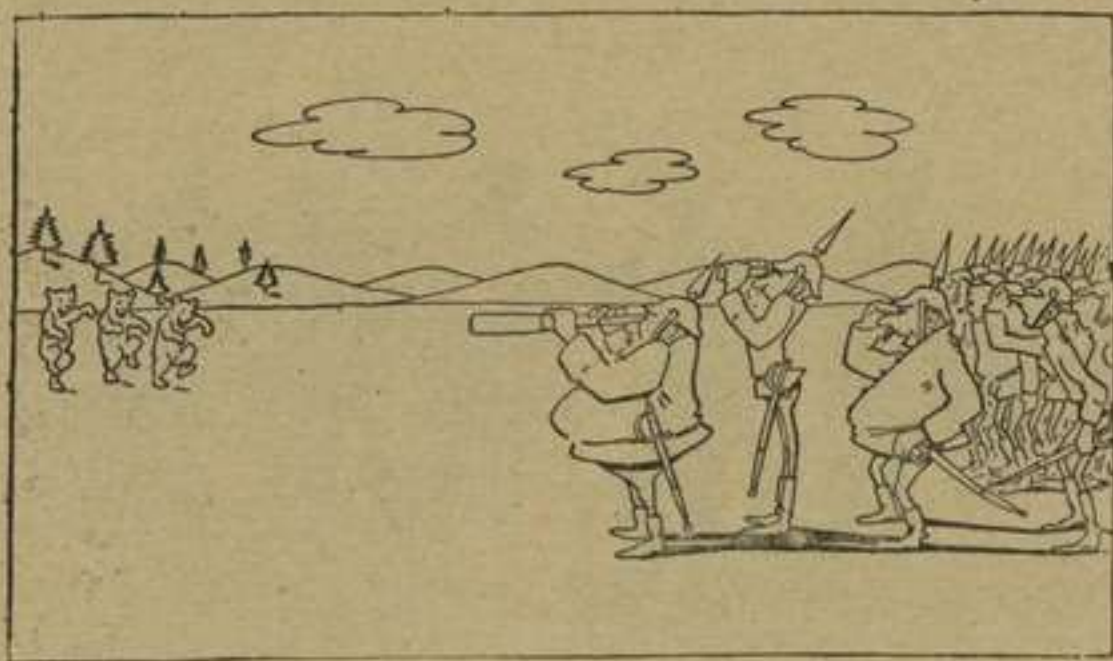

Зловѣщій танецъ, питающій и рвущій исторію человѣческаго прогресса, раскрытую на страницѣ о Бельгій.

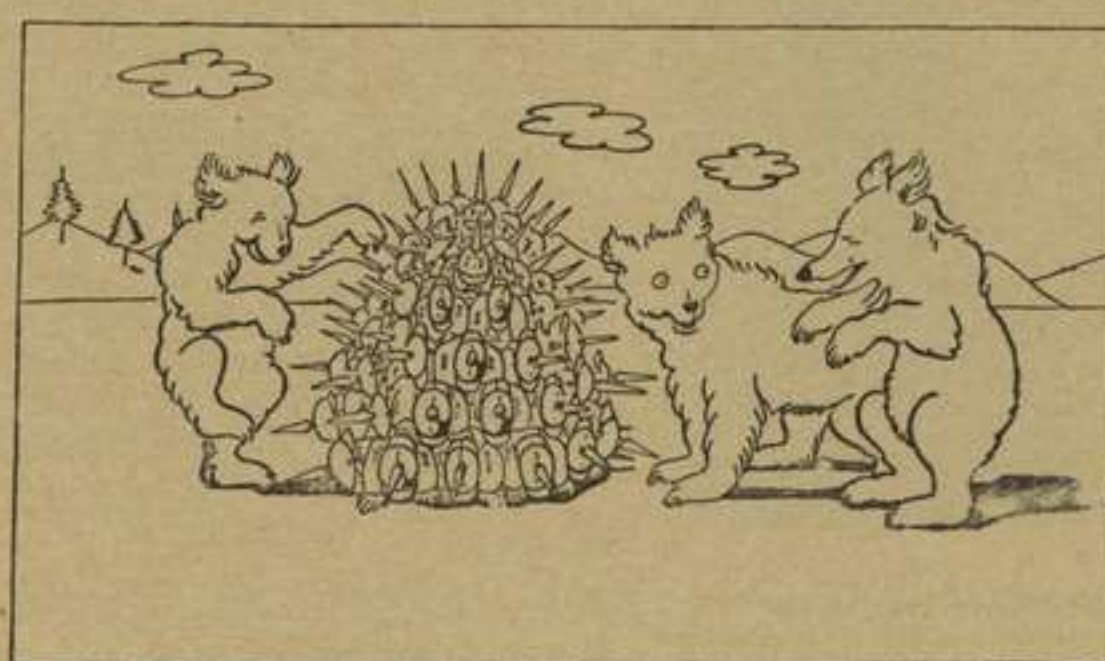
«The Graphic».

* Леонидъ Семеновъ. «М. Ю. Лермонтовъ». Статьи и замѣтки. I. Стр. 294. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

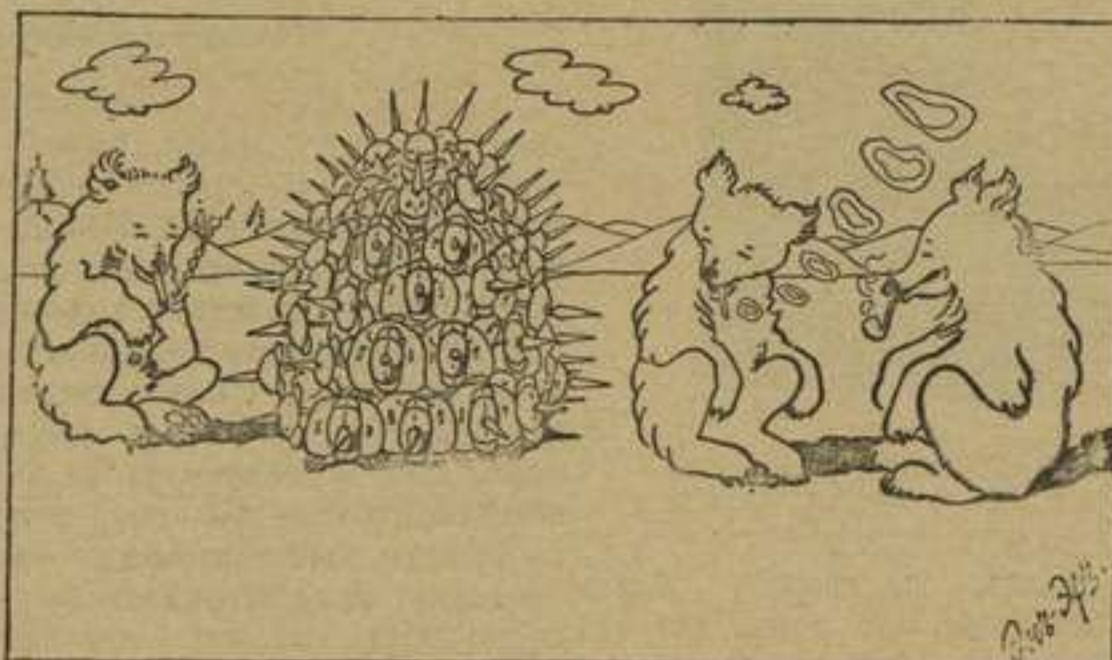
НЬЧТО ИЗЪ СТРАТЕГИИ.

Доинер-веттеры! Медведи...

Ишь ты, хитрый Немецъ, какую штуку выкинул!

Ну, что-жъ, пождемъ. Кто дольше высиживать?

Кар. Эна-Эра.

тѣмъ терминомъ: «великіе люди на маломъ дѣлѣ», — и это свое основное свойство они внесли вездѣ и всюду. Вѣдь даже религія у нихъ ушла въ «научное» крохоборство съ текстами, историческими подробностями и проч. А науку именно они истолковали, какъ преимущественно количественное знаніе, приказавъ намъ, вмѣстѣ съ Кантомъ, держать образцомъ всякаго познанія математику. За прошлое столѣтіе они распространили свои идеалы повсюду. И отъ нихъ пошло это нагроможденіе — какъ можно больше, какъ можно выше — якобы единственно объясняющихъ «фактовъ», а за нихъ отсутствиемъ или исчерпаніемъ, хотя бы «фактоцевъ», полу-фактовъ, четверть-фактовъ и наконецъ фактишксовъ. Это Германия создала типъ ученаго, который проглотилъ двѣ александрийскія бібліотеки и тщится извергнуть изъ своихъ нѣдръ третью. Германия, вмѣсто списковъ просвѣтляющаго «предѣла», впадала въ «дурную безконечность» количественной учености. И нигдѣ, можетъ быть, эта нѣмецкая зараза не оказала такого губительнаго вѣдѣнія, какъ на «сырой церебринѣ» русскихъ мозговъ. Извѣстно: «что Русскому здорово, то Нѣмцу смерть», — и наоборотъ, конечно. Именно русскій человѣкъ, хорошъ онъ или дуренъ, хуже всѣхъ укладывается на нѣмецкую школьную скамейку, хотя изъ благороднаго почтенія младшаго къ старшему всячески старается уложиться. Но не его вина, что онъ совсѣмъ дружокъ тому, кто, хотя младше, медленно губителенъ старшихъ, но этотъ ихъ «ростъ» уже издали сулитъ имъ другую судьбу. Въ самомъ дѣлѣ, психологія Россіи уже потому не можетъ быть такой однообразной и скудной въ своемъ качествѣ (отсюда жажда количества), какъ у Германіи, что самая географія и исторія Россіи несравненно разнообразнѣе и красочнѣе. И Россія, и Германія боролись съ Наполеономъ — не угодно ли сравнить 1812 годъ и 1806 или даже 1813 года?

Поэтому и выглядятъ такъ уныло на русской почвѣ эти германскіе «отпрыски»... Г. Леонидъ Семеновъ, конечно, вѣточка маленькая, но это довольно типичный лепестокъ съ древа нашей академической, официальной учености, которая вся пропитана кенигсбергскимъ духомъ, унылымъ, какъ безкрасочное прусское прибрежье. Въ томъ-же «приват-доцентскомъ» духѣ пишется у насъ и самая «научная», и самая толстая изслѣдованія, диссертации и книги. Вся эта эзотерическая литература иногда шумитъ среди «посвященныхъ», но никогда не была въ силахъ взволновать глубокое море русскаго духа. Русское общество училось у другой науки — у

«тревожныхъ» журнальных и газетныхъ баянѣ. И въ этомъ тяготѣніи есть большой смыслъ.

П. Перцовъ.

Военная белетристика.

Въ области «военной белетристики» видоизменились способы ея выраженія, авторъ подвизается въ наши дни, за немногими исключениями, все такіе писатели, которые порохового дыма и не нюхали, и у которыхъ вся буфалорія войны, въ лучшемъ случаѣ, взята напрокатъ отъ стальныхъ мастеровъ, чаще же является плодомъ ихъ собственнаго, въ большинствѣ случаевъ, не слишкомъ богатаго воображенія. Очерки г. Я. Окунева, собранные въ книгу подъ общимъ заглавіемъ: «Воинская впечатлѣнія», не являются, однако, просто корреспонденціями съ театра войны, безхитростными разсказами очевидца о томъ, чему онъ былъ свидѣтелемъ, — въ нихъ замѣчается и нѣкоторая литературная обработка собраннаго авторомъ матеріала. Собственные изслѣдованія, во всякомъ случаѣ, у автора есть, и этимъ онъ выгодно отличается отъ множества поставщиковъ разсказовъ изъ жизни въ окопахъ. Правда, авторъ уловилъ свои наблюденія въ небольшое число общихъ схемъ, которыми онъ и пользуется, слегка варьируя ихъ въ разныхъ очеркахъ. Одна изъ такихъ схемъ, напр., это изображеніе нивелирующаго званія той обстановки, въ которой приходится жить участникамъ войны.

И Сомовъ, и Липскій, бывший инженеръ, и Колесниковъ, бывший адвокатъ, — все мы «бывшіе люди», а теперь рядовые такого-то полка и роты, говоримъ и думаемъ, чувствуемъ и реагируемъ на окружающее такъ же, какъ пермякъ * Я. Окуневъ. *Воинская страда*. Военная впечатлѣнія. Петроградъ. 1915 г. Стр. 191. Ц. 1 р. 25 к.

Лошкаревъ, неграмотный, едва умѣющій выражать свои мысли связными словами, какъ пензенецъ Матрющинъ, какъ всѣ наши сѣрые боевые товарищи. Кривавая страда еродила насъ, смела перегородки и т. д.

Къ этой темѣ, лишь незначительно видоизменивъ способы ея выраженія, авторъ возвращается еще нѣсколько разъ. Такъ, въ одномъ изъ послѣдующихъ очерковъ онъ говоритъ:

Теперь всѣ сдѣлались одинаковыми. Бывшій студентъ, доброволецъ Лисицынъ, сталъ похожъ на пензенскаго мужика Пахомова, подпоручикъ О. ничѣмъ не отличается отъ своихъ рядовыхъ. Всѣ говорятъ, думаютъ и чувствуютъ одинаково. Стерлись грани и т. д.

Точно также много разъ авторъ обращается и къ другой своей излюбленной темѣ — о томъ, что во время боя «не команда, не выучка, а непонятный, неподдающийся учету сознанія могучій инстинктъ подсказываетъ, что надо дѣлать такъ, а не иначе, бросаетъ мѣля и всѣхъ въ ту, а не въ другую сторону. Умъ оцѣнить и не думаетъ, ухо не слышитъ команды, но ноги, тѣло, руки дѣлаютъ то, что надо, и такъ, какъ надо». Наблюденіе, конечно, правильное, хотя слѣдуетъ замѣтить, что первенство открытія этого инстинкта, побуждающаго человека безсознательно дѣлать именно то, что требуется въ данную минуту, принадлежитъ не автору сборника «Воинская страда», а потому, многократно возвращаясь къ этой темѣ, было бы умѣстнѣе заграничить ее развѣ только вскользь, какъ что-то само собой подразумевающееся, а не возмѣщать эту мысль, какъ нѣкую вновь открытую истину. На ряду съ разсказами просто и правдиво, хотя бы и не всегда вполне самостоятельно, поистинно о войнѣ и тяжеломъ трудѣ ея незамѣтныхъ героевъ, мы вспрѣчаемъ у автора подчасъ и попопозволеніе усилить

эффекты, и тогда онъ впадаетъ въ непріятный мелодраматическій или пригорюсланный тонъ. Таково, напр., разсказъ о смерти отца многочисленнаго семейства, капитана Михайлова, послѣднія слова котораго были о томъ, чтобы не забыть дать «Варенькѣ отъ глистовъ мясныхъ лепешекъ».

Фельдфебель постоялъ надъ капитаномъ съ минуту, дернулъ сѣрый устъ, крикнулъ и отвернулся.

— Сердига! — сказалъ унтеръ-офицеръ Михаилъ.

— Что? — вздрогнулъ Фельдфебель. — Ма-а-а-а-а! Не смѣй! Не бабаться!

И топнулъ ногою.

А у самого слеза повисла на рѣсницѣ, скатилась по щеѣ и оросила сѣдой устъ.

Въ этомъ разсказѣ, такъ же, какъ и въ слѣдующемъ за нимъ «Паровозъ Б. 47», чувствуется сочинительство, и потому то, что, по намѣреніямъ автора, должно бы выходить трогательнымъ, вовсе не трогаетъ читателя.

Н. Ю. Б.

Редакторъ М. Н. Мазаневъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина —
«Новое Время».

ОСЕННИЙ СЕЗОНЪ.
АНГЛІЙСК. ДАМСК. ВЛАЗЫ
шелков., креп. д. ш., шерст. и фланель. Готовыя и на заказъ. Большой выборъ.
П. С. КУЗНЕЦОВЪ. Тел. 196-08.
66, НЕВСКІЙ ПР., 66, прот. Анничкова двора.
ОТДѢЛЕНІЙ НЕ ИМѢЕТЪ.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ НЕВРАЛГІИ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ
и шіаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, дасть Кефалдоль Д-ра Сторъ. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдоль абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14219

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 10-го (23-го) ОКТЯБРЯ 1915 ГОДА.

№ 14219

Осенняя любовь.

Тебя плѣняютъ эти клѣны
Съ червоннымъ золотомъ на нихъ,
Мой мальчикъ трепетно влюбленный,
Мой юный радостный женихъ...

Когда мы шли дорогой парка,
Сухими листьями шурша,
Сказалъ ты молодо и жарко:
«Какъ эта осень хороша!»

«Она весна полнѣй и краше
Въ живомъ обиліи даровъ,
И осыпаетъ счастье наше
Ея торжественный покровъ...»

Ты такъ сказалъ, а я молчала:
Мнѣ жутки осени цвѣта...
Чтобъ жизнь испытывать съ начала,
Я для тебя, увы, не та...

Впередъ идешь ты безъ уклоновъ,
И радость дѣтская въ лицѣ,—
А я—боюсь осеннихъ клѣновъ
Въ ихъ слишкомъ яркомъ багрянцѣ.

Какъ эта осень, я мгновенно
Еще могу горѣть огнемъ,
Горѣть нарядно, дерзновенно,
Но—осыпаясь съ каждымъ днемъ.

Я жадно пью, теряя силы,
Отраву позднего огня...
Я только осень, мальчикъ милый,
Потомъ уйди,—оставь меня...

Зазеленѣютъ эти сѣны,
Сквозь листь сухой пробьется повѣнь,
И заглушитъ призывъ весенній
Твою осеннюю любовь...

В. Овочининъ.

Штрихи.

— Не до отдѣльныхъ людей теперь!..
«Лѣсъ рубить—щепки летятъ»,—сказалъ
сѣдой худощавый полковникъ, коман-
диръ запасной учебной воинской части,
когда въ его маленькій скудно обста-
вленный кабинетъ въ деревянномъ до-
микѣ вошла заплаканная женщина и
стала просить, чтобы ей мужа, чело-
вѣка съ больнымъ ожирѣвшимъ серд-
цемъ, перезели на нестроевую должность.
Я, случайно присутствуя въ каби-
нетѣ, совершенно не зналъ этой дамы
и очень мало зналъ полковника, къ ко-
торому, объѣзжая N-скую губернію,
обратился, какъ къ знатоку края, за нѣ-
которыми указаніями.

Дама была лѣтъ тридцати пяти, пол-
ная, приземистая, съ лицомъ, съ кото-
раго жизнь, видимо, впервые согнала
выраженіе довольства, невозмутимаго
спокойствія и увѣренности въ себя. До-
рогое, слишкомъ нарядное платье, мно-
жество колецъ на пухлыхъ пальцахъ,
которыми она безпомощно и смущенно
двигала—все это еще больше подчерки-
вало ея растерянность, а сухая фигура
полковника въ потертомъ кителѣ, его
морищинистое лицо съ ввалившимися гла-
зами и жесткими баками, казалось, сим-
волизировали собой тѣ неумолимо-суро-
вая начала жизни, передъ которыми
разсыпается въ прахъ маленькое и мел-
кое человеческое благополучіе.

— Простите, сударыня, я ничего не
могу сдѣлать...

— Но я васъ умоляю, полковникъ...
На что онъ тамъ нуженъ, на позиціяхъ,

мой мужъ? Онъ страдаетъ одинокой, дома, а не въ казармѣ... За дѣломъ все-
болѣзненной полнотой... И, потомъ, если такъ приглядѣть, а то вѣдь мы тысячу
онъ уйдетъ—все дѣло придется бро- теряемъ... Войдите въ положеніе...
силь... Онъ самъ все велъ, а я—женщи- Она опять начала плакать, прижавъ
на, у меня дѣти и хозяйство... Насъ мокрый платокъ къ глазамъ, всхлипывая,
обокрадутъ приказчики... Если бы вы ему содрогаясь всѣмъ тѣломъ, отчего толстая
дали здѣсь какую-нибудь должность, хотя золотая цѣпочка и еще какія-то укра-
по письменной части... Я только хотѣла слегка звякали у нея на груди.
этомъ прошу... И еще, чтобы онъ жилъ. Я взглянулъ на полковника. У него

Теофиль ДЕЛЬКАССЕ, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ во Франціи,
выдающійся общественный дѣятель, убѣжденный врагъ Германіи.

Членъ Государственнаго Совета, Сенаторъ Анатол. Федор. КОНИ.
Къ 50-лѣтію государственной и общественной дѣятельности.

Съ фот. К. К. Булла.

задрожалъ лѣвый усь, и едва замѣтная
первая судорога прошла по всему лицу.
Онъ всталъ.

— Сударыня... голосъ у него обрывал-
ся. Сударыня, у васъ тысячи пропа-
даютъ, а тамъ миліоны... Понимаете
это? Миліоны, и не рублей, а людей!..
Я каждый день такіа просьбы выслуши-
ваю—такія же вотъ жены фабрикан-
товъ, крупныхъ торговцевъ, и все объ
одномъ: мужъ взятъ рядовымъ, въ казар-
мѣ спитъ, тамъ солдатскія щи, а дохо-
ды уменьшаются... Такъ, что ли? Вамъ
супруга жалъ и вашихъ доходовъ?.. Я не
имѣю права входить въ разсмотрѣніе—
для меня всѣ равны—и объясненій ва-
шихъ выслушивать не имѣю права...
Понимаете это? И прошу васъ разговоры
эти прекратить...

Рѣзкій тонъ стараго офицера озада-
чилъ просительницу. Она не этого ожи-
дала. Въ заплаканныхъ глазахъ, вмѣсто
безпомощной мольбы, мелькнуло како-
то раздраженіе. Чувствуя, что все те-
рять, она уже стыдилась своего униже-
нія, и злобный огонекъ сверкнулъ во
взглядѣ, устремленномъ на этого по-
умолимаго служаку. Вѣроятно, въ ту ми-
нуту она вспомнила, что передъ нею
всего только бѣдный офицеръ, котораго
она могла игнорировать съ высоты соб-
ственного экипажа и «доходнаго дѣла».

— Значитъ, полковникъ, вы безсиль-
ны или не хотите?

— Не могу... Не могу... да и не хочу;
когда всѣ идутъ и маленькія дѣти оста-
ются въ подвалахъ. Не хочу знать ва-
шихъ тысячъ... Врачъ призналъ вашего
мужа пригоднымъ къ службѣ—прибавилъ
онъ, уже болѣе спокойнымъ офиціальнымъ
тономъ, выпуская просительницу изъ
дверей кабинета.

— Аннушка, подай пальто...

Я видѣлъ, какъ въ темной и тѣсной
передней кухарка въ зановенномъ
платьѣ подавала одѣваться уходившей

Группа сестер милосердия, вернувшихся из Германского плена в Новогеоргиевск.

Фотогр. П. П. Волкова.

дамъ, и какъ та брезгливо принимала свое манго изъ ея рукъ.

Полковникъ, когда захлопнулась дверь, тревожно спросилъ у прислуги:

— Что барыня?..

— Попржнему лежитъ, уткнувшись...

— Не тревожь ее, только присматривай почаще...

Онъ вздохнулъ тяжело, входя въ кабинетъ и закурилъ папиросу.

— Изволили видѣть? Каждый день такъ: приходятъ, плачутъ, просятъ, потомъ или обида, или истерика.

— Вѣрите ли, истерзали меня... Сначала все приходили въ канцелярію, я пересталъ принимать тамъ, теперь на домъ... Развѣ удержишь ихъ? У меня вѣдь ни пріемныхъ, ни лаксеевъ—позвонился, дверь открыли и все тутъ. Вотъ и эта... вѣдь звѣремъ считаютъ! Я что могу?—Что я мо-гу?—произнесъ онъ протяжно съ дрожью въ голосѣ.

— Здѣсь богачи и у всѣхъ тысячи и доходы... Жертвовать они могутъ охотно, но только покой ихъ не тревожь, дай имъ возможность за все заплатить деньгами... Насъ просятъ, а въ наше положеніе войти не хотятъ... Вѣдь такая барыня прези-

Полковникъ Фед. Фед. ТЮТЧЕВЪ.
Награжд. Георгиевскимъ оружіемъ
за то, что 8 декабря 1914 г. въ бою у м-ка Вжестка, ставъ во главѣ своего батальона, бросился въ штыки на австрійскіе окопы и, выбивъ противника, далеко преслѣдовалъ его. (За бои 8 июля 1915 г. у с. с. Ржавицы и Баламутовка произведенъ въ полковники). Фед. Фед. Тютчевъ—литераторъ и журналистъ, сынъ известнаго поэта Фед. Ив. Тютчева.

раетъ меня за бѣдность и возмущается, что не можетъ меня купить... Купить!—онъ задрожалъ весь... Что же я, подлецъ или измѣнникъ? Вѣдь я вотъ что пошу—и онъ первю ухватился рукой за свой китель, на которомъ были надѣты два георгиевскихъ креста на старыхъ лентахъ,—еще за японскую войну.

— У нихъ тысячи, а у меня ничего... У нихъ мужа берутъ, а я самъ черезъ мѣсяцъ уѣду на позицію, и у меня останутся двѣ дѣвочки, да жена... душевно-больная...

Послѣднія слова онъ произнесъ затихшимъ голосомъ, и въ глубоко впавшихъ глазахъ блеснули слезы. Онъ отвернулся, высморкался и, обмахнувъ лицо платкомъ, жадно закурилъ новую папиросу.

— Не знаю, что дѣлать съ ней... Здоровья была психически, только прихварывала все постѣ дѣтей—у меня восемь человѣкъ было и всѣ какъ-то умирали. Лечиться дома не любила, а поѣхать на воды не хватало средствъ... Какъ началась война, вскорѣ у нея брата убили, потомъ несчастные вѣды, и вотъ теперь седьмой мѣсяцъ мучается... Помѣстилъ я ее въ лечебницу въ Москвѣ и пришлось недавно домой изъять—платить нечѣмъ, жалованья не хватаетъ, да еще въ долги вошелъ... Въ лечебницу надо вносить одной платы каждый мѣсяцъ двѣсти пятьдесятъ... Гдѣ мнѣ взять? Если бы только вылечилась она, Господи!.. Ужъ не о себѣ—дѣвочки у меня останутся... Любятъ онѣ мать, а подойти боятся: бьется, что она очень разволнуется, начнетъ головой биться... Разъ вотъ я такъ пришелъ изъ батальона, двери настежь, какія-то прислуги чужія ко мнѣ въ квартиру смотрятъ, шумъ, стукъ, а денщикъ съ кухаркой схватили ее, еле удерживаютъ... Ужъ не помню, какъ она успокоилась. Я послѣ хватился дѣтей—смотрю, маленькая восьмилѣтняя вотъ здѣсь, въ кабинетъ, подъ столъ забилась, дрожить и плачетъ, а Вѣрочка со страху къ подругѣ убѣжала...

Онъ помолчалъ.

— Теперь на фронтъ ѣду... Самъ про-слася, а то не назначали. Мое дѣло на войнѣ, а не въ этихъ канцеляріяхъ съ партіями за партіей. У многихъ нужда на-бумажными дѣлами, съ объясненіями, да стоящая, семьѣ нищета грозитъ, а помочь вотъ съ этими барынями. Я простой че-ловѣкъ, всю жизнь почти прослужилъ въ Сибири въ глухихъ углахъ и этихъ художникъ простымъ рядовымъ. Остались хитростей канцелярскихъ не знаю и не жена и четверо дѣтей безъ всякихъ понимаю... Вышелъ въ запасъ за годъ до средствъ... Жилъ человѣкъ только част-

войны, да вотъ и попалъ въ батальонъ. А мое дѣло на войнѣ, дѣло привычное... И въ китайскую, и въ японскую былъ, об-стрѣлянь достаточно—три раза раненъ былъ... Нашему брату въ тылу дѣлать нечего... А ужъ теперь и подавно уѣхать бы скорѣе, только бы вотъ свояченицы дожидаться и на нее оставить жену...

Дымъ дешеваго табаку вился клубами надъ сѣдой, низкой опущенной головой полковника. Я видѣлъ, что онъ хочетъ что-то сказать и, выѣстъ съ тѣмъ, смущается. Повернулъ голову и глянулъ на меня какимъ-то дѣтскимъ перфшитель-нымъ взглядомъ, первю теребя рукой жесткія баки.

— Простите, если я къ вамъ съ прось-бой обращусь... Вы, можетъ быть, знаете въ Москвѣ или въ Петроградѣ, какъ та-мошній житель, нѣтъ ли лечебницы та-кой, чтобы плата была поменьше, по силамъ?.. А главное, на случай, если убьютъ меня, да тамъ съ деньгами кака-нибудь заминка выйдетъ, чтобы жену-то мою все-таки поддержали бы... Можетъ и вылечится, вѣдь она не старая женщина, много моложе меня...

— Я постараюсь, полковникъ, навести справки...

— Вы не разсердились на меня?—перейлъ онъ взволнованнымъ голосомъ, вставал и схватывая меня за руку.—Вотъ сейчасъ при васъ дама была, я вѣдь ей отказалъ, а самъ прошу... можетъ быть, вы и подумаете, что я и правда звѣрь—только о своемъ, а другихъ не жалѣю...

— Что, вы, полковникъ...

— Нѣтъ, нѣтъ!..—загорячился онъ,—вы не стѣсняйтесь со мной, скажите, если это по вашему дурно, что я въ такое время, идя на войну, о женѣ думаю... Развѣ чужого-то горя я не чувствую? Знаю я это горе, каждому своего жалко, да только я права то не имѣю, и потомъ, согласитесь, совѣсть не позволяетъ водить такого десятипудоваго купца переводить на льготное положеніе, когда у меня ин-телигентные люди, учителя и адвокаты и въ казармѣ спятъ, и на войну идутъ партія за партіей. У многихъ нужда на-стоящая, семьѣ нищета грозитъ, а помочь нельзя... Вотъ на прошлой недѣлѣ уѣхалъ съ маршевой ротой на западный фронтъ Сибиря въ глухихъ углахъ и этихъ художникъ простымъ рядовымъ. Остались хитростей канцелярскихъ не знаю и не жена и четверо дѣтей безъ всякихъ понимаю... Вышелъ въ запасъ за годъ до средствъ... Жилъ человѣкъ только част-

ными заказами и уроками, жалованья ни гроша... А ужъ здоровье то хуже, чѣмъ у этого купца... И вѣдь ни слова не сказа-ли ни онъ, ни жена... Сердце болѣло, на нихъ глядя... Вы знаете, интеллигентные люди въ худшемъ положеніи даже, чѣмъ мужики. У тѣхъ хоть уголь свой есть, пособія казеннаго имъ хватаетъ, да и частная помощь большая со всѣхъ сто-ронъ... А развѣ пойдетъ адвокатская жена просить на бѣдность? Самолюбіе не позволить, лучше съ голоду умереть... Онъ тяжело вздохнулъ, глотая табачный дымъ.—Все это я знаю... «Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ!»—повторилъ онъ и за-думался.

Въ дверяхъ кабинета показався вѣсто-вой, подавая пакетъ...

— Извините меня, въ канцелярію надо,—сказалъ полковникъ, подымаясь со своего мѣста.

— Спасибо вамъ, полковникъ, за ваши указанія.

— Не на чемъ... Очень радъ. А вы скоро отсюда?

— Завтра... Относительно лечебницы справлюсь и сейчасъ же напишу...

Онъ съ какимъ-то отчаяніемъ махнулъ рукой:

— За доброе намѣреніе отъ всей ду-ши благодаренъ, да только ужъ не поды-майте этого дѣла, не хлопчите!.. Богъ знаетъ, можетъ быть, я этимъ у друго-го что-нибудь отниму... въ такое время мало ли и нервныхъ, и душевно-боль-ныхъ, а льготныя мѣста всѣ на счету... Ужъ, что Богъ дастъ... Жалко, конечно, ну,—общая участь! Будьте здоровы, спа-сибо вамъ.

Мы простились. Онъ большими шага-ми пошелъ вверхъ по пыльной улицѣ къ казармамъ и въ твердой походкѣ, въ привычной военной выправкѣ его высокой фигуры не чувствовалось ни малѣйшаго слѣда того глубокаго личнаго горя, которое еще такъ недавно вызывало слезы на его глазахъ...

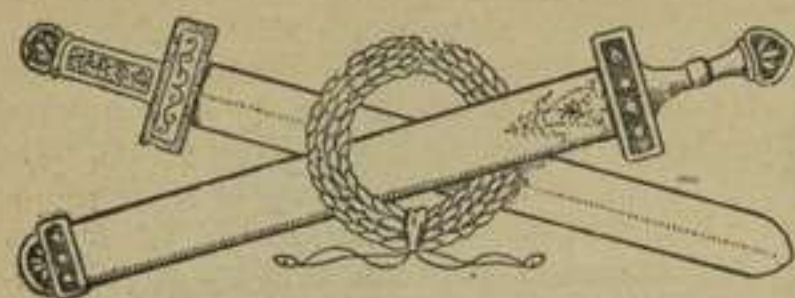
На другой день я уѣхалъ изъ Н. и черезъ недѣлю уже былъ въ Москвѣ. Я

Ген.-м. КОЙЧЕВЪ.
Награжд. орденомъ св. Георгія 4 ст.

Подполн. Е. А. Греде-де-Буко.
Награжд. орденомъ св. Георгія 4 ст.
и Георгиевскимъ оружіемъ.

Павшие смертью храбрых.

Полковн. Н. А. Викторов.

Подполк. В. О.
Пацъ-Помарнацкий.

Шт.-ротм Н. В. Гечевичъ.

Старш.-лейт. А. А. Колчакъ.

Поруч. В. А. Шредеръ.

Подпоруч. И. Н. Леманъ.

Шт.-кап. Н. Н. Щедринъ.

Шт.-кап. Б. Ф. Бутковъ.

Прапорщ. А. А. Слатицевъ.

Подпоруч. Н. А. Кречетовичъ.

обращался къ нѣсколькимъ лицамъ и простой человѣческой услуги, — пріютить ршею по профессіи. Пусть будетъ круго- та же съ ума сводящая забота: дѣти. учреждениямъ съ просьбой устроить въ и полечить его больную жену, пріютить вая помощь и круговая порука всѣхъ и семья... лечебницъ для душевно-больныхъ жену этихъ дѣвочекъ, которыя, плача и дрожа за всѣхъ, чтобы тѣ, которые идутъ умк- уходящаго на войну офицера. Всѣ выра- отъ страха, забываются подъ столъ, рать, не терзались тревогой за брошен- жали свое сочувствіе, но все же или когда съ матерью начинается припадокъ... ную семью.

отказывали, или очень неопредѣленно обѣщали похлопотать. Оказывалось, что нѣтъ такихъ подходящихъ учреждений. Существуютъ госпитали для душевно-больныхъ воиновъ, но вопросъ идетъ о женщинѣ... Принять ее туда невозможно.

— Можетъ быть, кто-нибудь изъ частныхъ лицъ пожелаетъ за нее платитъ, тогда въ любую лечебницу можно устроить. Или, попросите такого-то врача, если у него есть свободная мѣста, быть можетъ, онъ пожелаетъ сдѣлать доброе дѣло, уменьшить плату... — вотъ что я слышала въ видѣ совѣта.

Мнѣ было обидно за полковника — выпрашивать за него милостыню, но тѣмъ не менѣе я пошелъ по указанному адресу и изложилъ положеніе дѣла.

— Очень сожалѣю, но ничего сдѣлать не могу, — отвѣтилъ мнѣ владѣлецъ большой, прекрасно обставленной, лечебницы. — Я, какъ врачъ, свою лепту въ общее дѣло, конечно, вношу, но принять къ себѣ вашей больной не имѣю возможности. Если принять одну, — долженъ принять десять...

Я ему ничего не сказала... Ковры на лѣстницѣ, gobelеновый кабинетъ наполнили мнѣ ту богатую даму, которая приходила къ полковнику просить за мужа и, прося, презирала бѣдность, плохую обстановку скудной офицерской квартиры.

Вспомнились мнѣ слова: «Если убьютъ меня и съ деньгами выйдетъ замѣнка, чтобы жену-то мою все-таки поддержали въ лечебницѣ...»

Онъ говорилъ это неувѣренно и робко не считая себя въ правѣ требовать отъ общества, взаимѣ за свою кровь и жизнь

Черезъ нѣсколько дней получилъ отъ него отвѣтную телеграмму:

«Спасибо отъ всей души. Буду на фронтѣ. Будьте здоровы».

Онъ уѣхалъ. Потомъ случайно встретился мнѣ знакомый врачъ, который горнично взялся за это дѣло. Онъ его сдѣлаетъ. Но, подчеркиваю, это случайность. Больная жена полковника могла бы остаться брошенной на произволъ судьбы. Полковникъ правъ: «Интеллигентные люди иногда въ худшемъ положеніи, чѣмъ мужики; у тѣхъ хоть уголь есть», у этихъ ничего нѣтъ, кромѣ скрытаго отчаянія и мучительныхъ перспективъ нищеты. Женны адвокаты, литераторы, вообще людей свободныхъ профессій, зачастую остаются выброшенными на улицу. Какъ онѣ пойдутъ въ разныя обществы и комитеты просить о десятирублевыхъ пособіяхъ? Въ какой подавляющей обстановкѣ должны расти дѣти тѣхъ защитниковъ родины, которые, уходя на войну, лишаютъ семью средствъ къ существованію?..

Здѣсь не благотворительность нужна, не подаваніе отъ избытка, — нужна братская помощь, даваемая чуткой и не ссорбляющей рукой. Необходимо образовать особые кассы, изъ которыхъ семьи интеллигентнаго труженика могла бы регулярно получать пособие отъ его това-

нства. Пусть будетъ круго- та же съ ума сводящая забота: дѣти. вая помощь и круговая порука всѣхъ и семья... отъ страха, забываются подъ столъ, рать, не терзались тревогой за брошен- ную семью.

Это наша обязанность. Уклоняться отъ нея — преступно... Преступно отговариваться тѣмъ, что война многого требуетъ отъ каждаго изъ насъ. Вѣдь если армія наша не устаетъ бороться и проливать кровь, мы не должны уставать, отдавая свой трудъ и свои средства...

Я вспоминаю полковника изъ Н. Живъ ли онъ?

Такъ ярко стояло въ моей памяти его суровое лицо и эти два Георгія на старенькомъ кителѣ, а теперь онъ точно исчезъ въ туманѣ, заслонился другимъ... Вчера видѣлъ я семью адвоката, призваннаго на службу. Старуха-мать и пятеро дѣтей ждутъ рѣшенія военно-врачебной комиссіи, какъ смертнаго приговора. Боятся обнаружить свою тревогу. Имъ тоже грозитъ нищета. У адвоката ничего нѣтъ, кромѣ ежедневнаго заработка по мелкимъ процесамъ. Работалъ, не покладая рукъ, для бѣдныхъ бесплатно, для многочисленныхъ знакомыхъ — тоже. Эти послѣдніе такъ ужъ и привыкли:

— Евгений Алексѣевичъ, тутъ у меня непріятность съ домохозяиномъ. Нельзя ли васъ попросить...

— Съ удовольствіемъ, конечно!..

Отказывать онъ не умѣлъ, брать гонораръ «за пустяки», да еще «со свѣдѣній», стѣснялся, а «пустяковъ» накоплялась бездна: прошенія, жалобы, побѣдки къ мировому, къ нотариусу.

Бѣгалъ, какъ бычка въ колесѣ, а теперь, вотъ ужъ вторая недѣля, какъ онъ въ военномъ госпиталѣ на испытаніи: ски неосмысленная душа начинаетъ морщиться и безтолково, горестно вздыхать. Вотъ тутъ-то и сказывается пресловутая

Борьба не на жизнь, а на смерть сотрясаетъ всю Россію. Не до отдаленныхъ людей теперь!.. «Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ», — вотъ онъ страшный приговоръ, произнесенный надъ собою и надъ другими старымъ служакой. Въ этомъ приговорѣ правда голая, неумолимая. Отъ нея не уйдешь никуда. Потокъ смерти не остановишь. Погибшихъ не воскресишь. Но если «лѣсъ рубятъ», то хотя его молодые побѣги надо сберечь, не топить тоненькихъ зеленыхъ вѣточекъ... Вспомните дѣтей. Этихъ маленькихъ дѣвочекъ полковника, которыя плачутъ и дрожатъ отъ страха, забывшись подъ столъ. Тамъ кихъ много — крошечныхъ, вспугнутыхъ, оглушенныхъ жизнью. Имъ не по силамъ наша страшная правда.

М. Курдюмовъ.

„Старый Петербургъ“ предъ лицомъ врага.

Изъ всей военной терминологіи, вошедшей въ кругъ понятій петроградскаго обывателя, самымъ, пожалуй, для него темнымъ и подозрительнымъ кажется «эвакуація», на которую онъ постоянно косится.

Читая въ газетахъ о совершившемся или еще только предполагаемомъ очищеніи нами какого-нибудь замѣтнаго географическаго пункта нашей территоріи, глазо боко штатская, стратегически и тактически неосмысленная душа начинаетъ морщиться и безтолково, горестно вздыхать. Вотъ тутъ-то и сказывается пресловутая

ЗАБЫТОЕ НЫНѢШНИМИ БОЛГАРАМИ.

Сцена за освобождение Балканских Славян. Представление Осман-Паши императору Александру II после сдачи Плевны в 1878 году. Картина худож. Дмитриева-Оренбургского.

Съ фот. Ксен. Гамбозской.

издерганность не въ мѣру суетливого «самаго фантастическаго города въ свѣтѣ», А. П. Бутеневъ, будущій председатель Государственнаго Совета, — стояла передъ нимъ, красная и, несмотря на то, въ Петербургѣ было люднѣе, чѣмъ въ прежніе годы, а выразившись такъ: «На что мнѣ всѣ бри-анты, если Александръ потеряетъ корону».

И простая историческая справка лишь разъ доказываетъ, что «доброе старое время», съ его «дореформеннымъ», грубоватымъ, но зато прямолинейнымъ бытомъ и всеми этимъ многолюдствомъ и наружномъ такими же чувствованиями, воспринимало события куда съ большею, чѣмъ мы, трездой замѣчалось что-то сосредоточенное и востро мысли и хладнокровіемъ, относилось къ временнымъ превратностямъ грозныхъ историческихъ процессовъ не под-стать намъ вдумчиво и предусмотрительно, выкинувъ изъ своего обихода пресловутую панику.

Вѣкъ тому назадъ римская столица готовилась къ возможнымъ тяжелымъ осложнениямъ войны съ Наполеономъ. Подъ осень вѣчно памятнаго 1812 г. часть «великой арміи» подъ водительствомъ талантливыхъ питомцевъ гениальнаго полководца, оперировала въ Прибалтійскомъ краѣ, съ явною угрозою въ сторону Пскова, иначе — пашунывая Петербургъ.

Мичманъ М. А. МУРЗИНЪ на канонерской лодкѣ «Сивучъ». Во время сраженія съ германской эскадрой въ Рижскомъ заливѣ въ началѣ августа М. А. Мурзинъ былъ нѣсколько разъ раненъ, а послѣ геройской гибели «Сивуча» былъ по-добраенъ съ воды немцами.

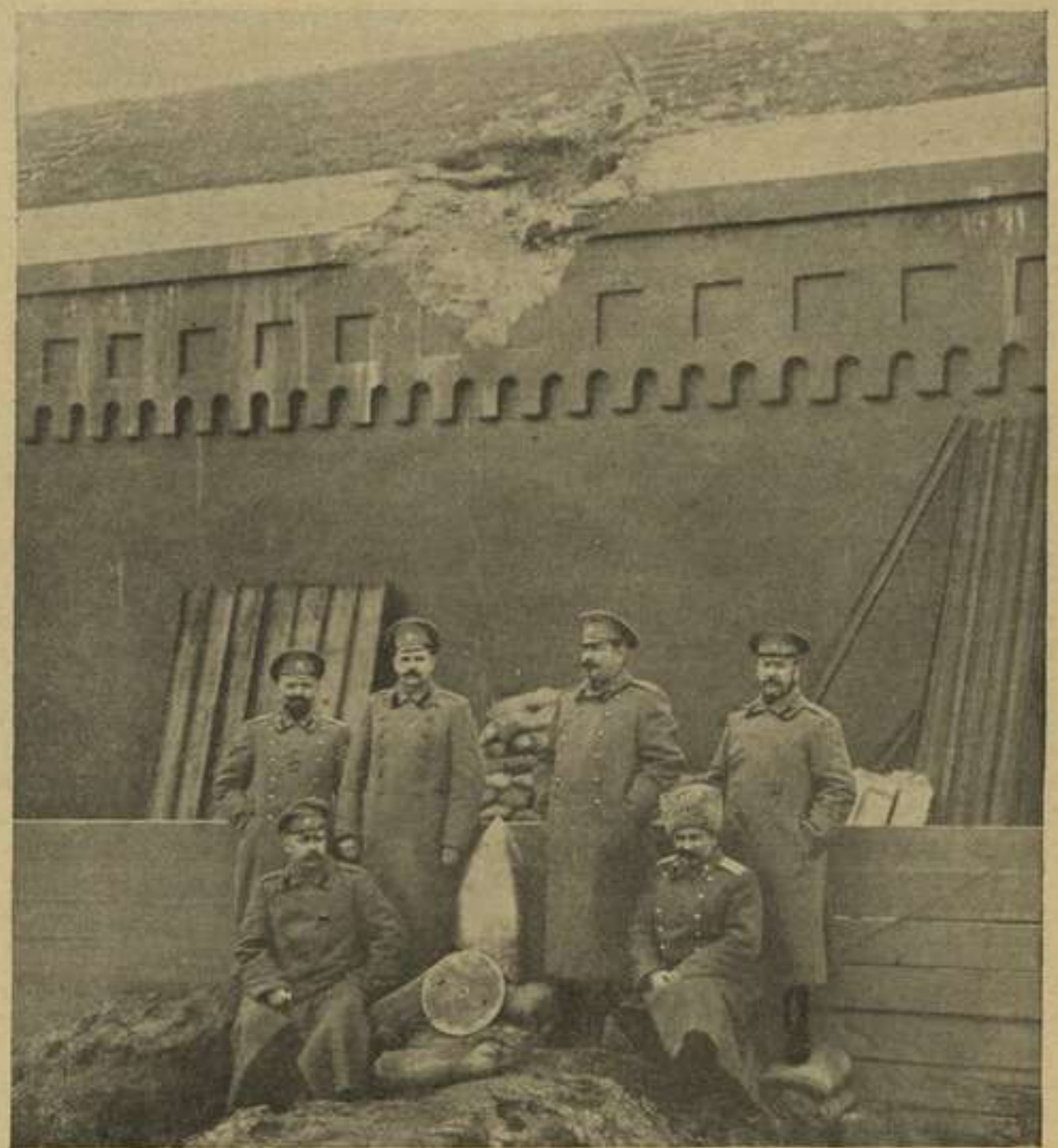
«Осень въ томъ году. — рассказываетъ О ней же передаетъ въ своихъ «Анекдотахъ» — далеко не шуточныхъ — извѣстный О. Карабановъ, что она отказалась позаботиться о своихъ личныхъ драгоценностяхъ, а выразившись такъ: «На что мнѣ всѣ бри-анты, если Александръ потеряетъ корону».

Императрица Елизавета Алексѣевна, женщина характера благороднаго и возвышеннаго, но чрезвычайно скромная и обыкновенно любившая оставаться незамѣченною, въ это время проявила себя съ особливѣйшимъ достоинствомъ и заслужила всеобщую любовь: было извѣстно, что она раздѣляла и всячески поощряла твердую рѣшимость Государя вести борьбу до конца и, въ случаѣ необходимости, покинуть столицу. Она сама заведывала приготовлениями къ вывозу наиболее цѣнныхъ сокровищъ Зимняго Дворца, въ томъ числѣ прекрасной картинной галлерей «Эрмитажа».

Общую схему намѣченной эвакуаціи достопримѣчательностей Петербурга выработалъ самъ императоръ, со свойственною ему неапатичностью, считая необходимымъ «заранне все промыслить и приготовить, ибо въ торопяхъ все сіе будетъ содѣлано съ замѣшательствомъ и не основательно». Сохранилось письмо императора на имя генералъ-фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова, гдѣ государь даетъ подробный «реестръ» того, что ему «на первый случай на память пришло». Императоръ полагалъ, что нужно вывезти изъ Петербурга:

«Советъ. Сенатъ. Синодъ. Департаменты министерскіе. Банки. Монетный дворъ. Кадетскіе корпуса. Заведенія, подѣ непосредственнымъ начальствомъ Императрицы Маріи Федоровны состоящіе. Арсеналъ. Архивы. Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Кабинетской. Изъ прочихъ всѣ важнѣйшія бумаги. Изъ придворнаго вѣдомства: серебро и золото въ посудахъ. Лучшія картины Эрмитажа, также и камни рѣзные, хранящіеся также въ вѣдѣніи придворнаго вѣдомства: одежды прежнихъ государей. Сестро-репкой заводъ съ мастерскими и тѣми машинами, которыя можно будетъ забрать. Обѣ статуи Петра I, большую, и ту, которая предъ Михайловскимъ замкомъ, снять и увезти на судахъ, какъ драгоценности, съ которыми не хотимъ разставаться».

«Восковое изображеніе Имп. Петра I, въ Академіи Наукъ хранящееся и всѣ вещи, къ оному принадлежащія. Изъ Монплезира также всѣ вещи онаго великаго государя. Также разобрать бережно домъ его, возлѣ крѣпости стоящій, и равномѣрно на галіотѣ увезти — всѣ трофеи, хранящіеся въ крѣпости, въ Исааковской церкви, въ арсеналѣ, въ Петровской слободской церкви. Богатства Александровской лавры. Если можно, то и мощи. Направленія все-му этому другому дать нельзя, какъ Каліанты, если Александръ потеряетъ корону».

Командантъ Осовецкой крѣпости со штабомъ, руководившіе обороной во время второй 6 1/2-мѣсячной осады съ 26 января по 9 августа 1915 года. Снимокъ сдѣланъ впереди штабнаго бетоннаго убѣжища: наверху видна воронка отъ 42-сант. (16,8 дм.) снаряда, попавшаго 15 февраля въ убѣжище. На снимкѣ изображена головная часть снаряда (вѣс. 16 1/2 пудовъ) и дно снаряда, разорвавшегося при ударѣ въ убѣжище и улетѣвшего въ 10 шагахъ отъ него.

1. Командантъ крѣпости генералъ-майоръ Н. А. Бржозовскій (2 раза контуженъ и отравленъ газомъ). 2. Начальникъ штаба, генеральнаго штаба, капитанъ М. С. Софчинковъ (контуженъ и отравленъ газомъ). 3. Командантъ адъютантъ, капитанъ О. И. Локъ (раненъ и отравленъ газомъ). 4. Запѣдывающій службой связи, ротмистръ К. Г. Диринъ (контуженъ и отравленъ газомъ). 5. И. д. старшаго адъютанта, штабсъ-ротмистръ А. И. Занковичъ (контуженъ). 6. Помощникъ старшаго адъютанта, прапорщикъ Ю. В. Фицке (контуженъ и отравленъ газомъ).

ОСЕННЯЯ ВЫСТАВКА ТОВАРИЩЕСТВА ХУДОЖНИКОВЪ 1915 года.

Крестьянская усадьба Подольской губернии. — Картина Н. Н. Врублевского.

Сумерки. Любань. — Картина проф. Ю. Ю. Клевера.

желать отправиться в нужном случае через Ярославль. Везти можно все эти предметы по Мариинскому каналу. Статую Суворова с Царицынского дуга. Лучшие мраморные статуи из Таврического дворца».

Одним из наиболее воспринявших мудрую предусмотрительность императора ближайших его сотрудников явился тогдашний министр народного просвещения, граф А. К. Разумовский, человек большого патристического чутя. Благодаря своевременно принятым им мерам, в первую голову вывезли из Петербурга незадолго перед тем открытую Императорскую Публичную Библиотеку, тогда еще слабую тень того безблестящего по своей грандиозности империализма русской мысли, которым мы гордился и которое мы должны в сохранности передать грядущим поколениям. Через несколько месяцев Библиотеку, правда, вернули из Олонекской губернии, но вер-

Къ вечеру. — Картина А. Г. Орлова.

чтобы какая-нибудь опасность угрожала сей столице... Оно дѣлается единственно для заблаговременной предосторожности, предупреждая замерзание рекъ. Настоящее время не представляет никакой опасности, но мы бы погрѣшили противъ Бога, если бы съ несомнѣнною увѣренностью стали утверждать будущее, о которомъ Онъ Одинъ знаетъ. Вся надежда на искоренение враговъ, не взирая на успѣхъ ихъ движенія внутрь Россіи, на нашей сторонѣ; однако же и въ самихъ надежныхъ обстоятельствахъ помышление о предосторожности не долженствуетъ наводить ни страха, ни унынія. Мѣры сѣ берутся въ безопасное время и на тотъ одинъ конецъ, что ежелибъ опасность (отъ чего да сохранить насъ Богъ!) стала угрожать сему городу, тогда правительство, извѣстна о томъ заблаговременно, и имѣя уже всѣ тяжелья вещи вывезенными, облегчило бы жителямъ способы съ лучшимъ порядкомъ и безъ смятенія выѣзжать отсюда

Последнее убѣжище. — Картина Акад. В. И. Зарубина.

Gandria (Lago di Lugano). — Картина П. Н. Вагнера.
Съ фот. Ксен. Гамбовской.

нули съ радостнымъ сознаниемъ во-время обработки такого сложнаго вопроса, какъ предпринятой эвакуаціи. Въ русскомъ от-вѣтѣ страны. Ибо положено единожды и выполненнаго долга предъ родиною. эвакуаціи государственныхъ учреждений. дѣленіи Императорской Публичной Библиотечной (съ тѣмъ безомнѣнно каждой Рядъ руководящихъ инструкцій графа Петербургское населеніе ничуть не смутится по сию пору бережно ханится экзем-Россіаннинъ согласенъ), что какой бы ни Разумовскаго, направленныхъ къ администро-тилось процедурой явнаго, на глазахъ у пларъ того Высочайшаго извѣщенія, ко-быль успѣхъ неприятелискаго оружія, но различныхъ намѣченныхъ къ вывозу сто-имущества столицы. Объясняется это спо-пространяемо по городу. Тамъ говорилось: ли попопнымъ миромъ предать Россію по-личныхъ учебныхъ заведеній, особливо—койствіе въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что «Здѣсь въ Санктпетербургѣ берутся нѣ-работенію».

Царскосельскаго лицей, можетъ и въ на-правительствомъ сочло — и вполне правиль-которыя мѣры къ вывозу отселѣ нужныхъ Золотыя, полныя достоинства слова! ши дни служить образцомъ планомѣрной но-нужнымъ разъяснить массамъ смыслъ вещей. Сіе отнюдь не для того дѣлается, Давно уже высохли чернила, ихъ писав-

Литературные заметки.

Задачи «Жатвы».

«Задачи Жатвы остаются прежними» — читаем мы в предисловии к VI—VII книге выходящего под указанным названием «Вестника Литературного». Но так как прошлое «Жатвы» Леонидом Андреевым, как «путешествия нас», как, впрочем, и для множества других, следящих за новинками актриса, «самая обыкновенная дама», русской литературы, но не имевших все же возможности объять необъятное, — пьесы происходят в дни войны, но ее покрыто непроницаемой завесой тумана, роковыя загадки разрываются в пьесе то для ознакомления с этими задачами очень просто. Главное действующее лицо приходится ограничиться последним выпуском издания. В нем, между прочим, гадочной особой: «Может быть, я схожу есть страничка, именующаяся «золотой сума, но у меня есть предчувствие, что доской Жатвы», на которой редакция по-мощает список произведений новейшей литературы, «выдающихся, как по своему художественным достоинствам, так быть может, огромный турнир... А? и по идейным и общественно полезным Это рыцари, быть может, сражаются целями, которые они преследуют». Здесь из-за тебя... Читатель сдается, мы встречаем странное сочетание таинственных имен, которые с трудом можно представить себе стоящими рядом. Так, редакцию рекомендуют стихи Надсона и Апухтина, но вместе с тем и Иннокентия Анненского, Анны Ахматовой и Валерия Брюсова; литература в стиле «Русского Богатства», как, например, книга П. Якубовича (Мельшина) «В мире отверженных», уживается здесь рядом с архи-модернистскими рассказами Е. Гурро или Е. Курлова, редакция валит в одну кучу Н. Еврепова и Владимира Соловьева, А. Ф. Кони и Ф. Сологуба. Уже одно сопоставление этих имен показывает, что задачи «Жатвы» или необычайно широки, или крайне неопределенны. Ближайшее знакомство с произведениями, помещенными в сборник, не разъясняет недоумения. Мы встречаем здесь новеллу г. М. Кузьмина «Антракт в овраге», рассказанную в достаточной степени грациозно и занимательно, но она могла бы появиться в любом журнале или сборнике, независимо от задач, которые они преследуют. Претензия на р-

Полковн. А. В. Рудольфъ.
Награжденъ Георгиевскимъ орденомъ.

Подполк. Вл. Коргановъ.
Награжденъ Георгиевскимъ орденомъ.

ния, выцвѣла краска, пустившая ихъ въ оборотъ, встали кости авторовъ этого величаваго документа, но смыслъ его такъ близокъ, такъ понятенъ намъ, современникамъ «второго Тамерлана нашего», что съ нимъ и въ наши дни такъ же «безсомнѣнія каждой Россійянинъ согласенъ».

Какъ всемъ извѣстно, судьба не довела Россію до необходимости этихъ послѣднихъ героическихъ мѣръ, но именно въ рѣшительности, въ спокойствіи духа почерпнуты были необходимыя силы для победы.

В. Анд.—ъ.

* Жатва. Книга VI—VII. «Вестникъ литературы». Москва. 1915 г. Стр. 504. Цѣна 2 руб. 25 к.

шенію чего-то представляютъ «трагикомическія сцены» г. Г. Чулкова «Поединокъ». Авторъ имѣлъ, очевидно, намѣреніе дать нѣкоторую обобщенную картину жизни, и, сообразно съ этимъ, действующія лица не называются у него по именамъ и фамиліямъ, а рекомендуются читателю, — въ стилѣ, столь излюбленномъ Леонидомъ Андреевымъ, — какъ «путешественникъ», «загадочная особа», «бывшая гдѣ-то актриса», «самая обыкновенная дама», «угрюмый господинъ» и т. д. Дѣйствіе же происходитъ въ дни войны, но ее покрыто непроницаемой завѣсой тумана, роковыя загадки разрываются в пьесе то для ознакомления с этими задачами очень просто. Главное действующее лицо приходится ограничиться последним выпуском издания. В нем, между прочим, гадочной особой: «Может быть, я схожу есть страничка, именующаяся «золотой сума, но у меня есть предчувствие, что доской Жатвы», на которой редакция по-мощает список произведений новейшей литературы, «выдающихся, как по своему художественным достоинствам, так быть может, огромный турнир... А? и по идейным и общественно полезным Это рыцари, быть может, сражаются целями, которые они преследуют». Здесь из-за тебя... Читатель сдается, мы встречаем странное сочетание таинственных имен, которые с трудом можно представить себе стоящими рядом. Так, редакцию рекомендуют стихи Надсона и Апухтина, но вместе с тем и Иннокентия Анненского, Анны Ахматовой и Валерия Брюсова; литература в стиле «Русского Богатства», как, например, книга П. Якубовича (Мельшина) «В мире отверженных», уживается здесь рядом с архи-модернистскими рассказами Е. Гурро или Е. Курлова, редакция валит в одну кучу Н. Еврепова и Владимира Соловьева, А. Ф. Кони и Ф. Сологуба. Уже одно сопоставление этих имен показывает, что задачи «Жатвы» или необычайно широки, или крайне неопределенны. Ближайшее знакомство с произведениями, помещенными в сборник, не разъясняет недоумения. Мы встречаем здесь новеллу г. М. Кузьмина «Антракт в овраге», рассказанную в достаточной степени грациозно и занимательно, но она могла бы появиться в любом журнале или сборнике, независимо от задач, которые они преследуют. Претензия на р-

Подполк. А. Р. Винокуровъ.
Награжденъ Георгиевскимъ орденомъ.

Старш.-урядн. И. В. Пашининъ.
Награжденъ Георгиевскими крестами 1, 2, 3 и 4 степ.

ла руку, взяла алое яблоко и легко и властно подняла его Адаму. Адамъ такъ же легко и благодарно взялъ его...

Но Адамъ считаетъ себя слишкомъ старымъ для дѣвушекъ и потому толкаетъ ее въ объятія нѣкоего Гоби, который, кромѣ грубой чувственной любви, не знаетъ никакой другой. И когда молодая дѣвушка, обезпеченная этимъ Гоби и грубо оскорбленная въ своихъ самыхъ заветныхъ чувствахъ, приходитъ къ Адаму, онъ говоритъ ей:

Адамъ посмотрѣлъ на Ирину. Она отвѣтила ему быстрымъ свѣтлымъ взглядомъ. И вдругъ, какъ по нити, подня-

къ 10-лѣтню отдѣла «Хроники» въ газ. «НОВОЕ ВРЕМЯ».

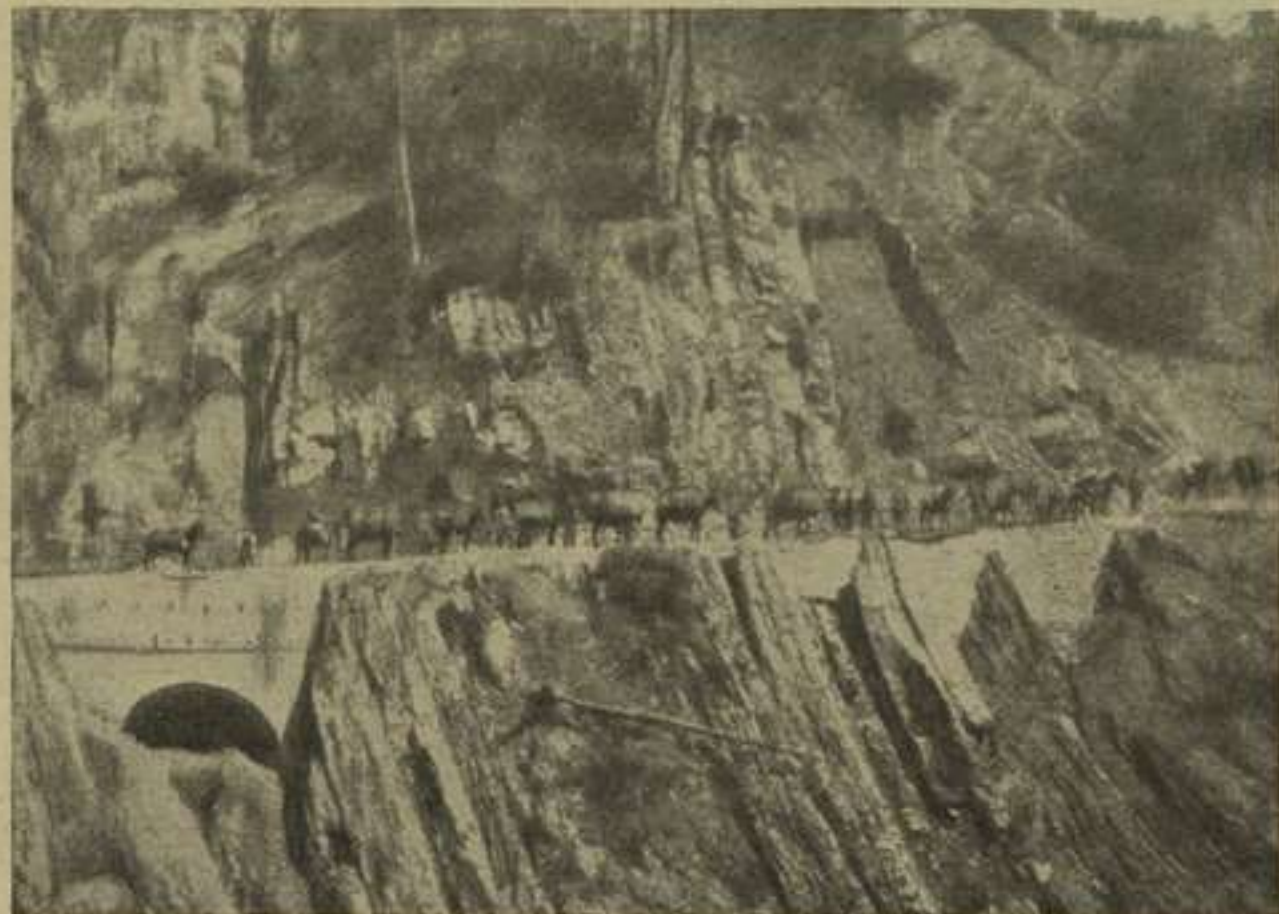
Группа «Хроники», реорганизованной 10 лѣтъ назадъ, въ ея нынѣшнемъ составѣ.

Слѣва направо—сидятъ: И. К. Маркузе, Г. А. Магула, Е. А. Философовъ, А. А. Эргинъ, А. П. Богачевъ, Ф. Ф. Боргардтъ (завѣдующій хроникой), В. А. Прокофьевъ, К. Я. Шумлевичъ, Ю. Д. Вѣляевъ, П. И. Вознесенскій, докторъ С. К. Андроновъ; стоятъ: В. А. Николаи, Г. В. Канаровъ, С. П. Добрачевъ, А. И. Штатовъ, Г. А. Симановъ, П. Р. Кузьмъ.

ВОЙНА ИТАЛИИ И АСТРИИ.

Неприступные скалы итальянского фронта.

Временная горная дорога в неприступных силах Карнийских Альп.

Я возьму тебя, и сберегу тебя... В тебе я сберегу душу дивичью русскую для тех, кто будет тебя, и таких, как ты, достойных. Самый блестящий русский мужчина еще недостойн рядовой русской девушки. Но они придут, достойные, и я им передам тебя...

В ожидании же этой будущей «передачи», она «обвивает» лебедиными руками его шею, а он «чувствует», как тигровая (!) сила, упругость и упорство жизни наливается в нем... Среди рассказов г. С. Городецкого, отражающих подлинную жизнь и ее, часто скрытую от поверхностного взгляда, могучая черпоземная сила, попадаются подчас такие, в которых автор как бы хочет провозгласить особое «дерзание», и которые являются плодом не наблюдения живой действительности, а отвлеченного сочинительства. К числу таких неудачных рассказов приходится отнести и тот, о котором идет здесь речь.

Но в чем же все-таки, в конце концов, задача «Жатвы»?..

Ю.—н.

«Старый плющ».

Всего два-три стихотворения—больше или меньше выдержанных и цельных,—но не мало красивых строк, мимолетно закреплённых впечатлений. Встретив через книгу разнообразная в своих образах, приоткрывая мысль поэта, встает, как темный, старый плющ, внезапно зацветающий глубокой осенью. Это сравнение самого автора в его вступительной пьесе, но оно очень верно: петь ярких цветов, петь пышных гроздий, а есть какая-то вкрадчивая, таинственная жизнь, ижная бархатистость и сочность плюща. Таков небольшой сборник сонетов г. А. А. Салтыкова. Книгу приятно перелистывать,—ждешь удачного сопоставления, оборота, иногда интересной темы; чувствуется любовное отношение к поэзии. Автор любит порою уходить в метафизическую созерцания, но язык всегда прост, ясен и выразителен; гораздо лучше те пьесы, где даются простые, реальные наблюдения,—они у г. Салтыкова не шаблонны. Очень изящны сонет «Елена N» из цикла «парижских».

Я не узнал ее в толпе, среди гуляющих—
В нарядной суете тинистой Аскасии...

* Гр. А. А. Салтыков. По старым слухам. Петроград. 1915 г. Стр. 106. Цифра 1 р. 25 к.

Ей с кровью Рюрика природа и семья
Все дали: красоту, богатство, обаяние...

И вот теперь, в дни последней встречи в Париже—подкрашенные уста и безстыдное кривляние «без мѣры и без огня». А все-таки, даже и в этом новом образе, сквозь цепляя слова «argot»—

...ней искренность звучала.
И прежнюю Нелене я узнавал порой...

И Русь беззубная, что бурь всегда искала,
Из чуждых глаз ее вставала предо мной—
Мятенно-грустная, с тоскующей душой...

Эти последние строки хороши и мѣткими. Автор любит античный мир и любит его священные реликвии в современной Италии:

И бронзовый Фалерн и устрицы Лукрины
Стояли на столѣ... Надъ сонною волной
Оливки грезили полдневной порой,
И мѣла въ воздухъ и таила руина...

Грезить и поэт, являя образ юной римской девушки, которая несет в корзинѣ цветы для жертвоприношения.

И вот—ужь пѣтъ ее. Растаяла воздухъ дымкой...

Что там?.. Тамъ плющъ ползетъ по дремлющимъ стѣнамъ,
И ящерица въ немъ мелькаетъ невидимкой...

Тема, родственная Майковскому стихотворению: «О, розы Пестума, классическія розы»...

Два приведенные сонета, пожалуй, лучшие в книгѣ. Но немало разбросано в ней отдельных красивых строк, красивых образов и свежих построений.

В немомъ спокойствіи свершится ритуалъ—
И вотъ, потупя взоръ, отъ счастья блѣднѣя,
Дыханье затанувъ, ждетъ дѣва іерея.

Этими торжественными строками заканчивается сонетъ девушки, для которой «насталъ желанный часъ радостной жертвы», которая уже «не чувствует ни страха, ни стыда».

Автор охотно пользуется прозаизмами. Это сейчас очень обычный прием—потрясать читателя самыми непозитивскими словами, например—техническими терминами. Пожалуй, такие прозаизмы иногда в стихах и эффектны, только требуют они большой осторожности и такта, чтобы диссонанс не был

неприятен. Гр. Салтыков дает порою слишком рѣзкіе диссонансы, напоминающие уже гг. футуристов. Такъ, например, рисуя подводное царство съ коралловыми садами, съ наядами и тритонами, онъ заканчиваетъ сонетъ:

Туда не проникалъ британской рѣчи звукъ,
И не создалъ еще экскурсій Томасъ Кузь...

Нельзя также сказать про семнадцатилетнюю девушку, хотя бы и очень благосклонную къ поэту, что она—

Семнадцатой весны раскрыты, милый призъ...

Это ужь не таинственные узоры стараго плюща, а ошеломляющие ожоги крапивы.

В. О.

Мелочи.

Изъ издѣвскаго почти нейтральной Америки «Review of Reviews» приводитъ любопытный образчикъ, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ наглости доходятъ наемныя нѣмецкія перья въ Соединенныхъ Штатахъ въ старинныхъ поратовать родному фатерланду. Въ чикагской газетѣ «The Open Court»—се издастъ одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ, по словамъ «Review of Reviews», американскихъ гражданъ нѣмецкаго происхожденія—появился «опытъ характеристики» Вильгельма II подъ заглавіемъ «Новый Парсифаль». Вотъ отрывки этой статьи, равной которой не сыщешь, пожалуй, и въ рептильной германской печати. Онъ (Вильгельмъ) проносится передъ своими солдатами въ ослѣпительномъ блескѣ, то адѣсь, то тамъ, какъ архангелъ Михаилъ, чтобы сплотить, ободрить ихъ и вести ихъ въ атаку. Гдѣ идетъ самый горячій бой, тамъ императоръ, блѣдный и непреклонный, какъ Христосъ, когда Онъ вышелъ изъ Геосиманскаго сада навстрѣчу судѣ, чтобы найти высшее торжество и безсмертную славу. Онъ мчится съ одного фронта на другой, вздымая священный мечъ своихъ предковъ. Онъ никогда не шадитъ себя; онъ товарищъ всякому рядовому въ строю.

«Есть въ этомъ нѣчто потрясающее народное воображеніе. Самимъ врагамъ онъ кажется Люциферомъ или Аттилой, не простымъ смертнымъ. Они приписываютъ ему волшебныя свойства: его видятъ одновременно на всѣхъ фронтахъ, гдѣ происходятъ сраженія, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ дюжину его замковъ. Даже кронпринцъ, говорятъ, былъ убитъ сотни разъ, но опять воскресалъ, чтобы возобновить бой, каждый разъ все болѣе прославленный, все болѣе блестящій рыцарь Грааля.

«Вильгельмъ II—геній своего народа. Онъ для Нѣмцевъ то, чѣмъ Касторъ и

Генералиссимусъ Жоффрѣ и генералъ Надорна въ автомобиль на итальянскомъ фронтѣ.

Известный американский миллиардер Джон Пирпонт МОРГАН на своей яхте. См. Мелочи — «Бдний миллиардер».

Поллукс были в древности. Он кажется всеведущим, всемогущим, вседущим, истинным ангелом, господином грозным и прекрасным, исполненным, чтобы спасти фатерланд от диких врагов».

И. т. д. и т. д. Автор еще долго надсаживается в историческом словословии Вильгельму, сравнивая его опять с Христом и тут же рядом с Адонисом, королем Артуром, Магомедом, Наполеоном. Наконец, он раздражается финальным аккордом:

«Ave Guglielme, rex Imperator! Слава тебе, спасителю мира, одитому в золотые доспехи, со святою каскою на голове, тебе, поражающему мечом! Слава тебе, государю и спасителю, неспяющий все недуги вбков и отгоняющий невбрных от священного царства».

Гряди в мир, который замер в тревоге и жажде твоего восхода, о елине справедливости! Святые цари прошлаго преклоняются перед тобой; пророки возливают на тебя слезы благоговения; они предлагают тебе венец Европы. Поэты умилились и признали тебя; их пбени сплетают шелковое покрывало вокруг твоей брони! Ave, Guglielme, rex Imperator!

Что нашелся пациент из клиники душевно-больных, чтобы сделать этот сумбурный бред, дивиться нечего. Но то, что он находит себя читателей в христианской и притом нейтральной стран, расчитывающей, что к голосу ее прислушаются, когда она выступит посредницей при будущих мирных

переговорах, это наводит на грустные об американских гражданах мысли. Надо думать, и в Соединенных Штатах слышали о «мбрах предосторожности», которые принимаются, когда безстрашный Вильгельм идет на фронт, укрываясь за непроницаемой стеной пулеметов и полчищем сыщиков и тайных агентов; наконец, о том, что секрет его вседущности объясняется беззастенчиво и просто, как вульгарный фарс с переодвиганием: в свит Вильгельма есть несколько офицеров, очень похожих на него лицом и фигурой, которые исполняют обязанности наемных двойников Guglielme'a и, разбавляя в императорских автомобилях одновременно на западном и на восточном фронтах, вдохновляют к дальнейшим збвствам одурченных нбмекких солдат.

Все это в Америке доподлинно известно не хуже, чем в Европе, и тем не менее Американцы позволяют угощать себя конспиративными аканстами Вильгельму II. Или непротивление нбмекким издвательствам является отличительной чертой не одного президента Вильсона, а всех американских граждан?

«Бдний» миллиардер.

Оказывается, что и миллиардерам жить на свете далеко не сладко. Яркий пример тому — известный Американец, «король долларов», Джон Пирпонт Морган. Веком памятно покушение на Моргана, произведенное нбмцем-фанатиком в июле мбсца в Вашингтоне. Как известно, Морган является горячим сторонником держав четверного согласия и широко финансирует эти государства, стоя также во главе всех предприятий, работающих на военные нужды Англии, Франции и России. Это обстоятельство и послужило поводом к безумному покушению на его жизнь. нбмец, профессор Гольц, ворвался в столовую миллиардера в то время, когда тот сидел за завтраком с британским послом, и нанес ему тяжелую рану в голову. Морган перенес серьезную болезнь, но остался жив и перед ним возник вопрос, как оградить себя от дальнейших покушений на свою жизнь. Были испробованы все средства: миллиардер перебрался из одного дворца своего в другой, каждую ночь мбнял свои спальни, выходил на улицу с заднего фасада дома, но видно все это не давало ему полного душевного покоя, и Морган ршил переселиться на свою роскошную яхту, стоящую на якоре в виду города. Это теперь его постоянная резиденция. По ночам кругом яхты дежурят лодки с полицейскими, охраняющими без-

ВЫСТУПИЛИ.

Балканский рыцарь «не без страха и упрека».

Кар. Эн-Эн.

опасность «короля долларов». На палу- бй всегда несколько сыщиков следят внимательно за всеми приближающимися судами и лодками. За оббдом бдний Морган боится положить кусок в рот, опасаясь отравления, поэтому каждое блюдо в его присутствии пробует сначала один из главных поваров и только потом подают его самому Моргану. Всякие соусы и приправы, в виду их подозрительного вида, исключены, подаются только самые простые «ясные» блюда. Но верх мучений бднего миллиардера — это ежедневная обязательная поездка на берег, в контору, сложная для которой настоятельно требуют хозяйского ока. К яхте подают несколько моторных лодок. В одной из них, затерявшись в тол-

пб сыщиков и тблхранителей, усаживается миллиардер. Весь путь до конторы охраняется ими же. Вдуть каждый день по разным улицам. Церемония возвращения на яхту такой же сложный. Понятно, что из жизни Моргана исключены всякие развлечения, посбщения театров, клубов, прогулки и т. п. Так же проводит время человек, доход которого исчисляется миллионами долларов в день. Бдний Джон Пирпонт Морган!

Редактор М. Н. Мазаев.

Издание Товарищества А. С. Суворина — «Новое Время».

БИБЛИА

полная на русском яз. с параллел. тек. и указател. печать Синодальной типографии, иллюстрирована в текст 208 художест. картинками, разб. кн. венными 6x4 верш., 2 толщ. в.с. 9 ф., 1550 стр., в проч. красн. тисн. золотом полукожан. перепл. с кол. кор. футл., ц 5 р. 50 к., с перес. Евр. Рос. 6 р. 15 к., упак. 25 к. Первая и единственная в России полная иллюстр. Библия. Эту великую книгу-книг дол- ен иметь каждый. Адр.: Петроград, Ивский пр., 153-1, Е. П. МАСЛЕННИКОВ. Тел. 90-36.

Вышло в свет 4-ое издание книги женщины врача М. М. ВОЛКОВОЙ «КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ПОЛНОТЫ И ОЖИРЕНИЯ» по способу, испытанному автором на себе и на своих больных. Цбна 80 коп. Склад издания в книжн. магазин «Нового Времени».

Къ элгантнмъ зимнимъ костюмамъ громадный выборъ драгоценностей, какъ-то: КУЛОНЫ, КОЛЬЦА, КОЛЬЕ и т. п. у фирмы

Драгоценные камни

К. А. Насоновой, в Екатеринбурге. Иллюстрированный прейскурант высыл. бесплатно. Фирма сущ. с 1892 г.

С. фон-Котце

ГИПНОТИЗЕРЪ

Романъ.

Издание А. С. Суворина.

Цбна 1 рубль.

Новая книга В. ОПОЧИННИНА:

Трезвы и Жизнь.

Античные эскизы. Отлики войны. Краски жизни. Альбомъ восточныхъ набросковъ и другихъ стихотворения.

Цбна 1 руб. 50 коп.

Продается в книжныхъ магазинахъ Товарищества А. С. Суворина — «Новое Время», Попова и друг.

Обложка Г. Нарбут.

Издательство «Лукоморье».

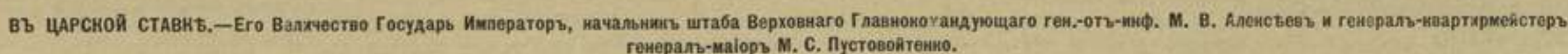
ЮНОЕ ЛИЦО
НБЖНОЕ ЛИЦО
Главнй мнглй рунй
отъ изстбленй мнглй дермозонъ.
Дермозонъ, предотвращаетъ мнглй въ блбн
и мнглй въ блбн

МЫЛО ДЕРМОЗОН

СОВЕРШЕНСТВО
Будь другомъ косметическй красавицы
мыло дермозонъ мыло дермозонъ
мыло дермозонъ
Обращайте вниманйе на фирму
Тм СТОВБЕРГЪ и н.
Лондонъ, Парижъ
Петроградъ

ВО ВСБХЪ
ЛУЧШИХЪ
АПТЕКАХЪ
КОСМЕТИЧЕСКИХЪ
МАГАЗИНАХЪ.

САМОКРАСЯЩАЯ ГРЕВЕНКИ.
Электрич., безъ красокъ, 10 р.
тбльно силою въ нихъ тона
СЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОВБТЕНИЙ
Петроградъ, Морская, 88.

— Ахъ, подлецъ! Вѣдь, приказывалъ Мишкѣ-скоту изрубить на дрова, такъ нѣтъ—доведеть до того, что въ труху

обратится, — воскликнул он, вместо от-
вета.

Потом человек обратился ко мне:
— Это?.. Тут разных пород и сор-
тов есть кусты и прививки. Смородина,
вишня, груша, яблоки, сливы. В прош-
лом году, а частью даже в третьем —
из губернского города выписал...

Он закурил и как-то уныло про-
должал:

— Выписать, выписать, а разсадить,
как видите, не пришлось. Так и по-
гибли... напрасно.

— Что-нибудь помешало?

— Ничего, просто так... позабыл, по-
ленился... немного болел.

Андрей Ильич виною хохотнул,
а потом протянул парочку:

— Судены намъ благіе порывы...

Докурив папиросу, онъ взялъ меня
за плечо.

— Знаете что?.. Я очень люблю сви-
жих людей. Здѣшніе всѣ надѣли. Во-
обще въ этой проклятой дырѣ мы давно
друг другу противны. Ну, вотъ... Я сразу
же показалъ вамъ свой садъ. Быть мо-
жетъ, смѣшно, что это голое мѣсто я на-
зываю садомъ. Смѣшно, что я позабылъ
разсадить деревца, на покупку которыхъ
мнѣ пришлось копить деньги. А только
вы не смѣйтесь надъ этимъ... надо мною
не смѣйтесь.

Мнѣ почему-то сдѣлалось жалко этого
человѣка.

Онъ опять закурил и, нервно глотая
затяжки, сталъ рѣзко чеканить.

— Вы даже не имѣете права смѣять-
ся... нравственного права! И знаете по-
чему?

Онъ поднялъ на меня свои удивительно
голубые глаза, дѣтски открытые, добрые и
до забавнаго неумѣло прищурилъ ихъ, что-
бы выразить хитрость.

— Какъ вы думаете, почему? — спро-
силъ онъ вторично.

— Мнѣ кажется...

— Вотъ то-то и оно-то, — перебилъ меня
Блямба: — вамъ кажется, а яснаго отвѣта
вы не дадите. Тутъ, батенька, философія
цѣлая кроется. Да, здѣшняя, погорѣль-
ская философія, которую, чтобы постиг-
нуть — ого-го, сколько нужно пожить! На-
шей жизнью пожить, жизнью захудалыхъ
людишекъ. Что, недоумѣваете? Хе-хе-хе,
идеите-ка лучше обѣдать.

Мы вошли въ домъ. Изъ кухни, дымной
и смрадной, намъ навстрѣчу вывалился
парень съ засученными по локоть рукава-
ми, потный и салыный. Онъ хотѣлъ было
помочь намъ раздѣваться, но Блямба при-
крикнулъ:

— Опять съ жирными лапами!

— Это не жиръ, — ухмыльнулся па-
рень. — Развѣ такой жиръ?

— А что же по твоему? Смотри, даже
течетъ. Олухъ ты, олухъ!

Тотъ опять ухмыльнулся и оглядѣлъ
свои руки.

— Селедку чистить началъ, а вы при-
шли...

...

Домъ-особнякъ состоялъ изъ прихожей,
двухъ комнатъ и кухни. Андрей Ильичъ
жилъ, собственно, въ одной комнатѣ, а
другая была складочнымъ мѣстомъ для
всякаго хлама. Неуютъ и беспорядокъ, ца-
рившіе въ жилой комнатѣ, меня поразили.

У стѣны, обитой, очевидно, очень цѣп-
нымъ ковромъ, стояла грошевая койка, въ
родѣ больничныхъ носилокъ, на двухъ ко-
зелкахъ изъ подѣлокъ. На койкѣ кожомъ
валялись одѣло красного цвѣта и мѣховое
пальто. Подушка, вмѣсто наволочки, была
покрыта столовой салфеткой. На коврѣ
висѣла золотой образокъ очень тонкой ра-
боты и на томъ же гвоздѣ — финскій ножъ
и походная фляга. Рядомъ висѣли: рваная
куртка для спорта, араникъ, ружейный
футляръ. А ружье центрального боя съ че-
канкой стояло въ углу, гдѣ зеленѣла узо-
рами плѣсень.

Широкий пружинный диванъ былъ за-
гальеи вещами и всякою дрянью. Тутъ въ

одну кучу смѣшались: брюки, гитара безъ
грифа, халатъ, ноты, нѣсколько книгъ,
сапогъ на колодкѣ, башлыкъ, «Нива», мо-
чалъ для бани, пустыя коробки, патрон-
ная палка, чучело утки, оленья рога, по-
лотенце, альбомъ, человѣчскій черепъ и
еще чортъ знаетъ что.

Минутъ пять мы молча курили.

— Мишель! — гаркнулъ вдругъ Блямба
по направлению къ кухнѣ.

Появился парень.

— Готово?

— Такъ точно, готово.

— Тащи.

Мишель скрылся на кухню, и, когда по-
явился снова, я былъ удивленъ: онъ пе-
реблачился въ приличный лакейскій ко-
стюмъ, въ рукахъ въ бѣлыхъ перчаткахъ
держалъ круглый подносикъ, а подъ мыш-
кой лѣвой руки салфетку.

— Извольте, — сказалъ онъ, неуклюже
поклонившись хозяину.

— Дурракъ! — прорычалъ Блямба. — Ко-
му нужно впередъ подавать?

Мишель сразу опѣшилъ, а потомъ съ
угловатымъ поклономъ повернулся ко мнѣ.

Я взялъ съ подносика карточку величи-
ною въ восемь листа. Она имѣла золотые
обрѣзы, изысканную виньетку и золоченое
слово «меню», подъ которымъ каракулями
было написано: «На закуску селетка въ
сметанѣ съ лукавницей и картошка при ей.
На обѣдъ Житѣ сказалъ мяса бѣсъ денегъ
не дамъ. Такъ што взяли на свои два
хунта свѣинины и вышлѣт гарохъ. На вто-
рой спекъ на трехъ пѣцахъ блины, што не
любете есть. Вотки купилъ четверть, сво-
ихъ прикарлалъ 17 копѣекъ. И то вонючая
што, а што завсегда говоритъ брать на
таѣ не фатила. Опять же лейба за почи-
ку сапогъ преставаля одинъ рупъ 35.
Метръ Да Атель мишель Стуковъ.

Прочитавъ «меню», я не удержался отъ
смѣха. Блямба взялъ отъ меня карточку и,
довольный эффектомъ, сказалъ:

— У насъ съ Мишелемъ всегда пора-
докъ такой, на каждыя сутки «меню». И
чтобы въ теченіе мѣсяца повтореніе
блюда — никогда!

Знакомсъ съ «меню», Андрей Ильичъ
говорилъ:

— Селедка въ сметанѣ — отлично. Съ
лукомъ — хоррошо! И картошка при ей,
хе-хе, очень люблю!

Но вдругъ онъ разразился неистовой
бранью:

— Ахъ ты олухъ! Курносая тварь!..
Во-первыхъ, горохъ. Вѣдь, это изю-дня въ
день, негодий! Во-вторыхъ, блины «на
пѣцахъ». Да ты, что же, замучить меня,
анафема, хочешь?! Въ-третьихъ, тысячу
разъ говорилъ... Нѣтъ, не могу!.. Говорилъ
я тебѣ, не пни здѣсь про всякую пакость.
Лейба какой-то, копѣйки, жида, сапоги...
Да неужели такъ трудно въ отдаленной за-
пискѣ все изложить и подать въ подходя-
щее время? Всякую мерзость съесть подѣ
досъ въ такую минуту, когда... тфу! Учѣ
каждый день, по тысячу разъ все объяс-
няю, ябѣтъ! Споты, хлопаетъ зенками, а
на рождѣ глупость одна. А еще думалъ изъ
идіота личнаго секретаря выработать со
временемъ.

Въ отчаяніи махнувши рукой, Андрей
Ильичъ прошелся по комнатѣ.

— Подавай!..

За обѣдомъ, выпивъ рюмокъ шесть вод-
ки, Блямба сказалъ:

— Какъ онъ, бѣстия, разстроилъ меня!

Потомъ выпилъ еще столько же и об-
легченно вздохнулъ.

— Ну, теперь могу и поговорить спо-
койно... Я знаю, что вы сейчасъ думаете
про меня, но... Не все ли равно, что вы
думаете? Поживите вы здѣсь и увидите,
что такихъ людишекъ фабрикуетъ сама
жизнь погорѣльская. Безпросвѣтная, нуд-
ная, жалкая жизнь! Грубые мы, отсталые
куртки для спорта, араникъ, ружейный
футляръ. А ружье центрального боя съ че-
канкой стояло въ углу, гдѣ зеленѣла узо-
рами плѣсень.

Онъ посмотрѣлъ на меня вопросительно.

— Вы скажете — есть выходъ?.. Нѣтъ

— Нѣтъ!! Закодованный кругъ. И со-

мнать онъ такъ, что выйти изъ него, пере-
шагнуть — можно только показывать видъ,
рыпаться можно, а дальше — ни-ни! Бы-
ваетъ, единицы выходятъ. Но это — или
сильная сила, характеръ съ умомъ, или
пестрая мразь, подъ которой кипятъ воду
бѣлымъ ключомъ, а она поживаетъ сама по
себѣ и только для себя и неустанно ищетъ,
кому бы прыгнуть на спину, какъ лиса
изъ колодца. Прыгъ — и гайда! У того
хрюкнулъ хребетъ — плывишь, не развѣши-
вай губы!..

Онъ подумалъ и выпилъ, потомъ вы-
пилъ еще и еще.

— Человѣкъ я, какъ видите, слабый,
безъ воли и на чужую спину скакать, убей
Богъ, не согласенъ. А все-таки жалко себя.
Ей-Богу, самого себя жалко! И хочется
ухватиться за что-нибудь благородное, чи-
стое, чтобы съ этой поддержкой, если не
выплыть на поверхность захлестнувшей те-
бя вонючей лужи, то хоть задержаться
подальше отъ самаго дна, гдѣ копошится
всякая мерзость. Науки, искусства, лю-
бовь... Ихъ силу и прелесть я понимаю, но
только...

Онъ покачалъ головой и машинально
опорожнилъ стаканъ.

— Вѣдь, изъ насъ почти каждый въ
свое время диссертацию писалъ, на музы-
кахъ разныхъ учился, рисовалъ, пѣлъ, въ
спектакляхъ участвовалъ, любовный ли-
хорадкой страдалъ. А въ результатѣ? Или
совсѣмъ ничего, или десятокъ глупѣйшихъ
черновиковъ, избитыхъ два вальса, не
больше такихъ же романсовъ, жена — вѣ-
чно беременная баба, мѣшанка, въ копѣеки
и сплетни ушедшая, или дама «для всѣхъ».

Ну, вотъ... вотъ и все, что остается отъ
благихъ увлеченій.

Уже охмѣлѣвшій Андрей Ильичъ поси-
дѣлъ немного въ раздумьи, потомъ, огор-
ченный о столѣ, тяжело приподнялся.

— Вы ужъ простите меня, я немного
прилягу. Такаа, знаете, привычка дурач-
кая послѣ ѣды.

Я хотѣлъ было распрощаться и уйти, но
онъ остановилъ меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы посидите, я не усну.
Я только прилягу. Ради Бога.

А минутъ черезъ пять, засыпая на сво-
ихъ болыничныхъ носилкахъ, онъ гово-
рилъ:

— И вотъ придумалъ я... я, эскулапъ
Блямба, садъ. Для васъ и для каждого въ
оградѣ той — голое мѣсто, а для меня —
развѣсистый садъ, мечтой о которомъ жи-
ву. Мало того, что живу, я держусь. Да-а...
Вотъ почему и просилъ не смѣяться. Смѣй-
тесь, что пьяница я, что живу въ такой
берлогѣ, что... однимъ словомъ, смѣйтесь
надъ чѣмъ хотите, но... Я садъ вамъ по-
казывалъ. Настоящій... съ прохладною
тѣнью... съ ароматомъ цвѣтовъ... Дыханіе
лѣта... пчелка звенитъ, въ вѣтвяхъ птич-
ка... хлопочетъ...

Когда я уходилъ, онъ улыбался во снѣ.

Наступившая осень нудно-мелкимъ до-
ждемъ и туманомъ старалась сгнить до
морозовъ всѣ намеки на то, что въ природѣ
недавно царило красное лѣто. Нежданно
урѣзала дни. Тенисто-безконечныхъ почей
уплотнила. Нашу грязь превратила въ
непролазную грязь... И тяжелѣй стало
жить, будто вѣзѣшь съ промозголою сыро-
стью, гнилью, мы вдыхали изъ воздуха
злобу, скуку, хандру.

Блямба пилъ осеннимъ запоемъ. Я за-
шелъ провѣдать его. Сквозь потные стек-
ла крошечныхъ оконъ въ комнату чуть-
чуть прониклъ сѣрый свѣтъ болыныхъ
сумерекъ.

— Гдѣ шляется опять? Налей и кач-
ни, — услышалъ я съ койки.

— Это я, Андрей Ильичъ! Здравствуйте.

— А-а-а, — протянулъ Блямба апатично.

— Садитесь. Я думалъ, Мишель.

Онъ лежалъ подъ цѣлымъ ворохомъ раз-
ныхъ одеждъ.

— Не здоровится и дьявольски холодно,
сыро... Развѣшите мнѣ не вставать.

Я попросилъ не стѣсняться.

— Мишель! — не дослушавъ меня, крик-
нулъ больной, да такъ громко, что у меня
задрожало въ груди.

Со двора по стѣнамъ послышался то-
потъ и, зашатавшись, въ комнату вкатилъ
самъ Мишель.

— Гдѣ пропадешь опять? Полюбуйся,
подлецъ, на приборъ!

Присмотрѣвшись къ чему-то надъ обѣ-
деннымъ столомъ, Мишель пробубнилъ:

— Думалъ, покачается до того, какъ съ
дровами управлюсь.

— Налей поживѣй, да качни, да другой
разъ не думай и о болыномъ человѣкѣ
болыне заботы имѣй.

Подойдя ближе къ окну, Мишель налилъ
стаканъ водки и поднесъ Блямбѣ.

Въ это время я съ трудомъ разсмотрѣлъ,
что надъ столомъ на тонкой бечевкѣ, при-
вязанной къ крючку въ потолокъ, висѣтъ
небольшая чугунная гири. Когда Блямба
выпилъ, Мишель подошелъ къ этой гири,
взявъ ее въ лѣвую руку и сталъ бокомъ
отходить отъ стола, пока пальцами правой
руки не коснулся стѣны.

— Пускай! — приказалъ сдѣлавшій за
нимъ Блямба.

Мишель разжалъ лѣвую руку и гири
стала мѣрно качаться, дѣлая размахъ ар-
шинъ около трехъ.

— Андрей Ильичъ скажите, пожалуй-
ста, что это значитъ? — спросилъ я, когда
Мишель зажегъ лампу и ушелъ изъ
комнаты.

Все время сдѣлавшій глазами за гирей,
Андрей Ильичъ мелькомъ разглянулъ на
меня.

— Это? Хм!.. Это... Если съ точки зрѣ-
нія физики — маятникъ. Секундный или
полутора-секундный — не могу сказать, —
Краевича давно позабылъ. Ну, а если съ
точки зрѣнія — до чего могутъ люди дойти,
прозябая въ нашей дырѣ и въ такую пого-
ду, — это весьма хитроумная штука. О-о-
чень. Даже великая вещь.

Онъ замѣтно оживился и черезъ слезу
привсталъ.

— Почки... Охъ, разогнуться нельзя,
чортъ бы ихъ дралъ!

Нѣсколько минутъ просидѣлъ молча, со-
средоточенно массируя себѣ болыныя мѣста.

Потомъ, кивкомъ головы указавъ мнѣ на
гиру, спросилъ:

— Неужели не понимаете, въ чемъ здѣсь
загадка?

Я сказалъ, что не понимаю.

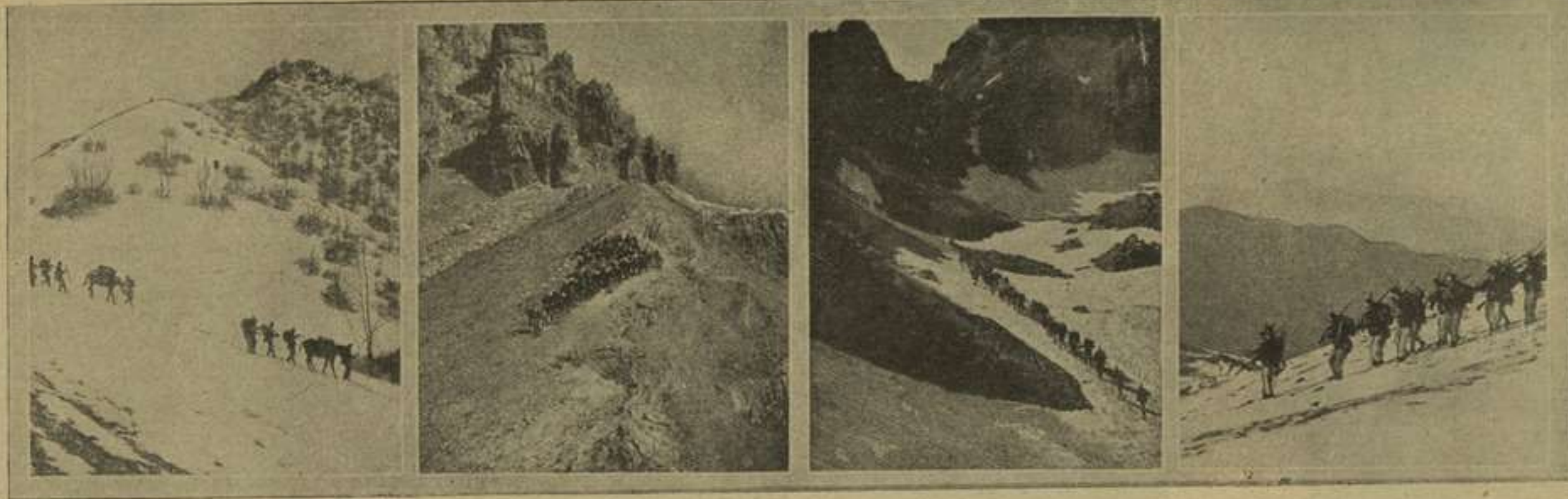
Онъ засмѣялся.

— А посмотрѣть, будто не сложный
приборъ. Вы знаете, я убѣжденъ, что имя
мое... Нѣтъ, я никогда не былъ тще-
славнымъ! Вотъ только нужно все это
разработать, обосновать болѣе научно.

— Для чего же это?

— Для чего? Для спасенія погибаю-
щихъ. Можетъ и вы, когда ударитесь въ
пьянство, съ благодарностью воспользуе-
тесь этимъ моимъ изобрѣтеніемъ. Вы ду-
маете, что, живя здѣсь, вы не сдѣлаетесь
пьяницей? Плюньте. И знаете, въ силу
чего? Нѣтъ?.. Видите ли, какъ-то я гдѣ-
то читалъ или слышалъ — точно не по-
мню, — что на землѣ всякому отдаленному
мѣсту присущъ особый микробъ, обладаю-
щій свойствомъ вліянія на психику людей
въ одну извѣстную сторону. Въ силу
этого, въ характерѣ всякаго человѣка
создается такая черта, которой онъ, какъ
житель извѣстнаго пункта, рѣзко отли-
чается отъ людей, населяющихъ мѣст-
ности съ иными микробами. Микробы
эти бываютъ разныхъ сортовъ — разбой-
ный, религіозный, искусства, азарта, во-
роства, женолюбства... А въ погорѣльскѣ
безусловно царитъ микробъ безпросвѣтна-
го пьянства. А посему, какъ бы вы ни
рыпались, все-равно потеряете человѣче-
скій образъ и не спасетесь отъ здѣшней
заразы, какъ не спасся я и прочіе мно-
гіе.

«И вотъ, когда вы будете пить и когда
вамъ изъ личнаго опыта станетъ извѣст-

ВОЙНА ВЪ АЛЬПАХЪ.—Итальянскіе солдаты «альпинисты» въ вѣчныхъ снѣгахъ глетчеровъ.

но страданіе осеннимъ запоемъ, тогда въ третьихъ,—ахъ, какъ это важно! Въспоминайте это, изводящее нормальныхъ безсонную ночь одинокій, всѣми забытый, людей, качаніе гири и испытайте его, ты чувствуешь въ этомъ качаніи, какъ какъ самое вѣрное средство отъ бѣлой бы что-то живое возлѣ себя... Съ вами горячки, чертей, зеленого змія, мышей и всего, до чего будете въ силахъ напи- ваться. Раньше меня, какъ запылю, странно-но одолѣвали проклятыя мыши. Причемъ разныя—то бѣлыя, то сѣрыя, то съ без- конечно длинными хвостами, то совсѣмъ безъ хвостовъ. Куда бы ни взглянуть, а онѣ, мерзкія, здѣсь: и на краю стакана, и на носкѣ сапога, на лампѣ, въ бутыл- кѣ... Смахнешь съ колѣна—бѣжить на плечо. Когда смотришь просто въ про- странство, обязательно вскочить на носъ. А послѣднихъ два года съ чертами во- зился. Роста вершка два, блестящая чер- ная шерстка, а глаза хитрые-хитрые, будто два изумруда горятъ. И черти, и мыши... Ахъ, если бы вы знали, что за изводящая живность!..

«Теперь же я гарантированъ, слава Бо- гу, и отъ чертей, и отъ бѣлыхъ и сѣ- рыхъ мышей. И вѣдь изобрѣлъ-то я этотъ чудодѣйственный приборъ-маятникъ со- вершенно случайно. Раньше я пилъ по часамъ. Но это крайне неудобная штука— часы. Всегда прозѣваешь во время по- смотрѣть или забудешь, сколько было, когда пилъ въ послѣдній разъ. Выходила вредная неравномерность. Потомъ пилъ по будильнику и чуть не испортилъ себѣ всѣ нервы. Ждешь, напрягаешь всѣмъ су- ществомъ, вотъ-вотъ соскочить пружинка и раздастся желанный звонок—и не мо- жешь дожидаться. А на минуту забылся— какъ затрепетать, такъ и вздрогнешь отъ затылка до пятокъ. Брались затѣмъ до- десяти и болѣе тысячъ отсчитывать, по- часто сбивался. Пробовалъ и молитвы чи- тать—утомляешься такъ, что не выдержишь дня...

«А это—что за идеальный приборъ! Во- первыхъ, всегда передъ глазами, во-вто- рыхъ, если точно пить въ моментъ оста- новокъ, равномерность питья безусловная,

убрать. Сейчасъ, отобѣдавши, съ моло- дымъ офицеромъ сидѣть, въ гости за- звали.

Я осматрѣлъ «садъ». Онъ былъ въ преж- немъ видѣ. Только ограда кое-гдѣ повали- лась на подгнившихъ столбахъ. Въ лѣ- вомъ заднемъ углу возвышались четыре высокіе столба. На увѣнчивающей ихъ площадкѣ былъ водруженъ огромнѣйшій чанъ, выкрашенный въ зеленую краску. Я долго не могъ понять, для чего Блямба воздвигъ подобное сооруженіе, и обратился къ Мишелю:

— Скажи, пожалуйста, для чего эта штука поставлена здѣсь?

— Каланча-то? Это, можно сказать, на весь городъ постройка, высотѣй ее нѣту. Сколько публики приходило смотрѣть, какъ чанъ на верхушку тинули. Дубовый—охъ, и чиждоль!..

— Зачѣмъ же его втащили туда?

— Ха!... для фанталовъ.

— Для чего?

— Для фанталовъ. Фанталы будемъ пущать. Водоканна выходитъ, чтобы, зна- чить, въ саду поливать и чтобы прохлад- ность и освѣженіе воздуха.

— Ну, а воду гдѣ брать?

— Воду? А тамъ сзади для колодца обозначено мѣсто.

Переведа голосъ на шопотъ, Мишель интимно добавилъ:

— Только не выгоритъ дѣло съ водой. Въ городѣ, которые знаютъ, всѣ говорятъ, что тутъ не добраться до жилы—и крыш- ка. Смѣются, даже мнѣ проходу нѣтъ.

Изъ кучи сваленныхъ вмѣстѣ кустовъ и фруктовыхъ деревьевъ Мишель сталъ выбирать какіе потолще и рубить на куски.

— Неужели съ тѣхъ поръ валяются?

— Никакъ нѣтъ, это новѣйшей заго- товки.

— И опять на дрова?!

— Да вотъ—приказали. А какіе изъ нихъ, прости Господи, выходятъ дрова! Такъ—мусоръ одна.

Мой визитъ длился недолго.

И когда я уходилъ, охмелѣвшій и сла- бый Блямба, засыная на своихъ убогихъ по- силкахъ, говорилъ молодому подпоручику:

— И хочется... Ахъ, какъ хочется ухватиться за что-нибудь благородное, чистое, чтобы съ этой поддержкой удер- жаться подалѣе отъ дна, гдѣ копошится всякая мерзость!... И вотъ эскулапъ Блямба выдумалъ садъ для себя. Смѣйтесь, что пьяница я, что живу, какъ свинья, что... однимъ словомъ, смѣйтесь надъ чѣмъ хотите во мнѣ, но... Я вамъ, действитель- но, показывалъ садъ, мечтой о которомъ живу и... держусь... Мой развѣснѣтый садъ!.. Настоящій... съ прохладною тѣнью... съ ароматомъ цвѣтовъ... Дыханіе лѣта... пчелка звенитъ, въ вѣтвяхъ птич- ка... хлопочетъ...

Мнѣ думалось послѣ, что Блямба улы- бался во снѣ.

И. Межовыхъ.

Забытое Болгарами.

(Историческая справка).

Тридцать восемь лѣтъ назадъ 840 ты- сячъ русскихъ воиновъ выступили на кро- вавую борьбу за жизнь, свободу и честь болгарскаго народа.

Въ двадцать два мѣсяца войны Россія похоронила 104 тысячи своихъ воиновъ.

952 тысячи раненыхъ и больныхъ про- шли чрезъ всѣ госпитали.

36 тысячъ здоровыхъ и цвѣтущихъ лю- дей вернулись домой калѣками.

По официальнымъ даннымъ, неисчислен- нымъ при заключеніи мира:

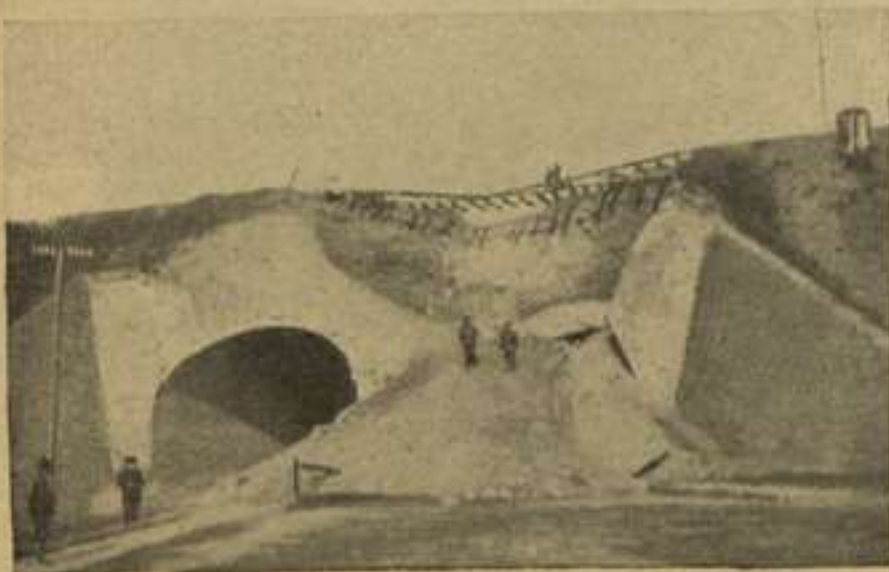
Военныя издержки на созданіе незави- симой Болгаріи потребовали 900 миліо- новъ рублей.

400 миліоновъ потеряло государство въ торговлѣ и промышленности.

100 миліоновъ убытка принесло вторже- ніе Турокъ на нашъ Кавказъ.

На 10 миліоновъ пострадали русскіе подданные и русскія учрежденія въ Турціи.

НА НАШЕМЪ ФРОНТѢ.

Разрушенныя подрывнымъ снарядомъ жел.-дорожн. мостъ. Силою взрыва одинъ изъ пролетовъ уничтоженъ совсѣмъ.

Фейерверкеръ принимаетъ по телефону приказанія съ наблюдательнаго пункта.

На батарее. — Рѣдкій моментъ отдыха. Одно изъ орудій гор- ной батареи.

ЛОГИЧЕСКИЕ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БОЛГАРИИ.

Ген.-майор Дорожинский. Убит при за-
щите Шипкинского перевала.Ген.-майор В. Н. Лавров, команд. л.-гв.
Финляндского полка. Убит в сражении
под Телишем.Ген.-майор В. М. Добровольский, начальн.
3-й стрѣлк. бригады. Убит под Плевной.Ген.-майор кн. Челокавъ.
Убитъ близъ Нарса.

Литературныя замѣтки.

Поучительная книга.

Недавно появилась на русскомъ языкѣ, въ переводѣ Н. М. Лагова съ французскаго, весьма интересная и поучительная книга «Такъ говоритъ Германия», съ предисловіемъ бывшаго депутата германскаго рейхстага, эльзасца Э. Ветерла*. Книга представляетъ сборникъ неоспоримыхъ документовъ: выдержекъ изъ рѣчей, письменныхъ актовъ и сочиненій государствен-

Полковн. А. И. Нусовъ. Убитъ подъ Плевной.

Е. И. В. Князь Сергей Максимиліановичъ Романовскій
герцогъ Лейхтенбергскій.
Убитъ при сел. Іованъ-Чифтликъ.

Полковн. Н. П. Шлиттеръ. Убитъ подъ Плевной.

ныхъ и общественныхъ дѣателей Германіи, одухотворенныхъ общей единой мыслью, общей вѣрой въ неизбежность германской гегемоніи надъ міромъ, въ близкое уже всемірное господство избраннаго народа, который для достиженія этой провиденціальной цѣли можетъ не стѣсняться въ выборѣ средствъ обычными этическими нормами, закрѣпленными христіанской цивилизаціей, для Германіи, очевидно, не обязательной. «Есть такіе документы», говоритъ авторъ предисловія: «которые во что бы то ни стало нужно сохранить и занумеровать, чтобы можно было перелистывать ихъ всякій разъ, когда остываетъ нашъ пылъ или когда неизбежная усталость грозитъ парализовать насъ». Надо твердо помнить и знать, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, что кроется въ душѣ и въ мысляхъ нашихъ враговъ,—такова задача книги, формулированная въ предисловіи.

* «Такъ говоритъ Германия». Перев. съ франц. Н. М. Лагова. Петроградъ. Стр. 136. Цѣна 1 руб.

Дѣйствительно потрясающее впечатлѣ-
ніе производитъ сводка всего того харак-
тернаго, что высказано Германіей о «ей мі-
не стоитъ и говорить объ этомъ нейтра-
ровой роли. Это настоящій заговоръ раз-
литъ!» съ убѣжденіемъ самоочевидности
бойниковъ, людей преступной психологіи,
которые спокойно благоденствовали въ
центрѣ цивилизованной Европы и откры-
то, во всеуслышаніе проповѣдывали и ски
не можетъ допустить надъ собою, не
теоретически обосновывали замыселъ свое-
го разбоя.

«Я начинаю съ того, что беру, а потомъ
найдутся ученые, которые докажутъ пол-
ноту моихъ правъ»,—эти слова Фридри-
ха II очень удачно выбраны эпитафией
для книги. Они создаютъ ясное и закон-
ченное міросозерцаніе въ связи съ другимъ
афоризмомъ того же короля: «Если выго-
дно быть честными, мы такими будемъ;
если же надо обманывать, будемъ обман-
щиками».

Всякое международное право, всякія существованіе изъ-за своего ничтоже-
культурныя соглашенія, стремящіяся за-
ства», такъ говоритъ по адресу Бельгіи и
крѣпнѣтъ извѣстный минимумъ этическихъ Голландіи писатель Даніэль Фриманъ,
требованій, которыя не должны нарушать извѣстный Максимиліанъ Гарденъ, редак-
ся даже во время войны, совершенно торъ «Zukunft'a», торжественно воз-
естественно, какъ прямой выводъ изъ при-
веденныхъ положеній, игнорируются и нимаются въ расчетъ, одинъ, въ которомъ
осмѣиваются представителями Германіи. резюмируются и содержатся всѣ прочіе: си-
Какая дѣтская безсмыслица—всѣ эти на-
пвныя сентиментальности!

«Если какое-либо государство не въ со-
стояніи защищать своей нейтралитетъ, то
стойніи защищать своей нейтралитетъ, то
не стоитъ и говорить объ этомъ нейтра-
ровой роли. Это настоящій заговоръ раз-
литъ!» съ убѣжденіемъ самоочевидности
бойниковъ, людей преступной психологіи,
которые спокойно благоденствовали въ
центрѣ цивилизованной Европы и откры-
то, во всеуслышаніе проповѣдывали и ски
не можетъ допустить надъ собою, не
теоретически обосновывали замыселъ свое-
го разбоя.

«Мелкія государства утратили право на
существованіе изъ-за своего ничтоже-
культурныя соглашенія, стремящіяся за-
ства», такъ говоритъ по адресу Бельгіи и
крѣпнѣтъ извѣстный минимумъ этическихъ Голландіи писатель Даніэль Фриманъ,
требованій, которыя не должны нарушать извѣстный Максимиліанъ Гарденъ, редак-
ся даже во время войны, совершенно торъ «Zukunft'a», торжественно воз-
естественно, какъ прямой выводъ изъ при-
веденныхъ положеній, игнорируются и нимаются въ расчетъ, одинъ, въ которомъ
осмѣиваются представителями Германіи. резюмируются и содержатся всѣ прочіе: си-
Какая дѣтская безсмыслица—всѣ эти на-
пвныя сентиментальности!

Понятны и логически очевидны, поэто-
скую вѣрность принципамъ своихъ во

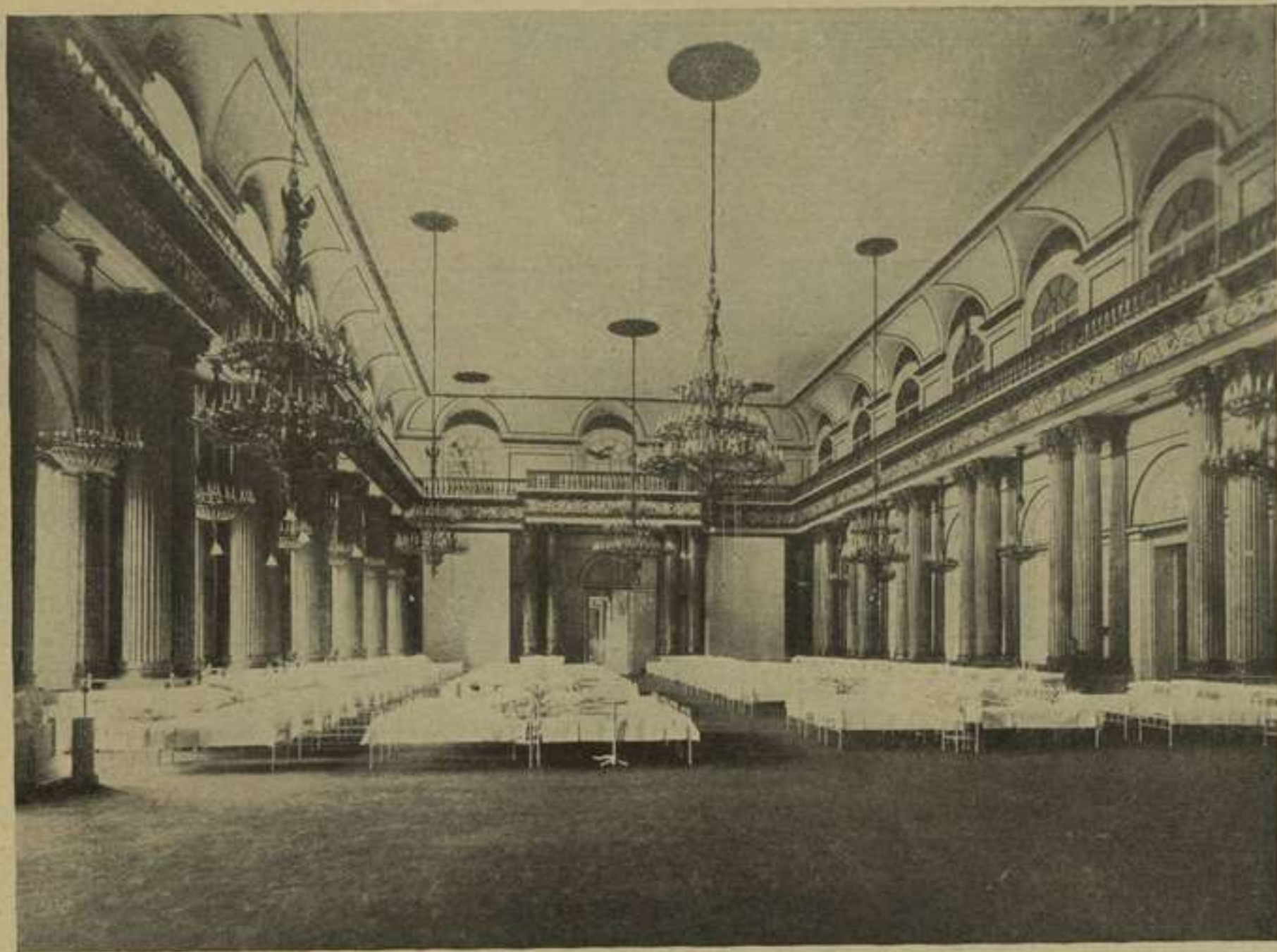
му, тѣ способы веденія войны, которые ре-
комендуются военными писателями Гер-
маніи. «Всякая филантропія на войнѣ—
опасная ошибка. И тотъ, кто пускаетъ въ
ходъ въ полной мѣрѣ, не щадя права, всю
физическую силу, всегда процвѣтетъ пе-
ревѣтъ надъ противникомъ, дѣйствующимъ
иначе, и предприниметъ ему свою волю».
Такъ разсуждаетъ генералъ фонъ-Клаузе-
вицъ, который, переходя къ отдѣльнымъ
вопросамъ, бросаетъ такія, напримѣръ,
сентенціи: «Праву реквизиціи есть только
одинъ предѣлъ: истощеніе и разореніе
страны».

Но тѣмъ не менѣе генералъ фонъ-Шел-
лендорфъ находитъ, что «стиль старика
Клаузевица очень мягокъ. Это поэтъ, ко-
торый подбавляетъ въ свою чернильницу
розовой водички. О войнѣ нужно писать
кровью». «Кровью» хочетъ вписать фонъ-
Шеллендорфъ въ исторію слѣдующее:

«Мы присоединимъ Данію, Голландію,
Бельгію, Швейцарію, Ливонію, Триестъ,
Венгрію и сѣверъ Франціи отъ Соммы до
Луары. И эта, безстрашно излагаемая
нами программа не является сочиненіемъ
какого-нибудь безумца; имперія, кото-
рую мы хотимъ основать, не утопія: у
насъ уже теперь имѣются въ рукахъ
средства для ея осуществленія».

«Разореніе и ущербъ, причиняемые пе-
рлителямъ, являются необходимыми усло-
віемъ, чтобы согнуть и сломить его
волю».

Такъ думаетъ генералъ фонъ-Гартманъ.
«Не давайте пощады; будьте такъ же
ужасны, какъ Гунны Аттилы», вотъ из-
вѣстное напутствіе самого кайзера кита-
скому экспедиціонному корпусу. И раб-
скую вѣрность принципамъ своихъ во

Лазарет имени Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА, въ Зимнемъ дворцѣ. Гербовый залъ. Св. фот. Г. Оцула.

Полковн. С. В. Жуковъ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. и Георгіевскимъ оружіемъ.

ждей обнаружили въ пылѣшнюю войну германскіе военачальники: пѣлый рядъ весьма знаменательныхъ прокламаций, расклеенныхъ въ занятыхъ областяхъ, приведенъ въ книгу. Вотъ, напимѣръ, такая афиша, расклеенная въ Хассельтъ 17 августа 1914 года:

«Въ случаѣ, если жители произведутъ стрѣльбу по солдатамъ германской арміи, третья часть мужского населенія будетъ истреблена».

А вотъ дневной приказъ командующаго 58-й бригадой, генерала Шенгера:

«Начиная съ сего дня, плѣнные братья больше не будутъ. Все плѣнные будутъ умерщвлены. Даже сдающіеся большими группами, съ оружіемъ, или безъ оружія, будутъ проданы смерти. Позади насъ не должно оставаться ни одного живого человѣка».

Въ общемъ хоръ слышны даже голоса пастырей церкви, оправдывающихъ цѣли наступательной войны и безпощадность ея веденія. «Европейскій миръ лучше будетъ обезпеченъ, если сильная нація завоеуетъ преобладаніе»,—такъ говоритъ па-

сторъ Вурмъ, а католическій священникъ пишетъ въ «Фоссовъ газетѣ»:

«Это вѣрно, что наши солдаты разстрѣляли въ Бельгіи и во Франціи нѣкихъ разбойниковъ, безъ различія—мужчинъ, женщинъ и дѣтей и разрушили ихъ жилища. Но видѣть въ этомъ противорѣчіе съ христіанской доктриной—равносильно доказательству, что не имѣемъ ни малѣйшаго понятія объ истинномъ духѣ Христа».

Даже коллективисты и пацифисты, ставящіе цѣлью общественныхъ движеній и въ жестокости—побѣда. Германія чувствую-

постъ социалистовъ-диссидентовъ, прямо обвиняющихъ кайзера въ несмыслимомъ позорѣ напѣренныхъ жестокостей войны, опубликованъ въ англійской газетѣ «Morning Post».

Неудача быстрого побѣдоноснаго удара уже начинаетъ немного отрезвлять руководителей нынѣшней Германіи и ея разбойнаго наваденія. Повидимому, уже не кажется столь очевидной та доктрина, что есть, что ей придется считаться съ суще-

НАСТУПЛЕНІЕ ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ ШАМПАНИ.

Доставка орудій на позиціи. Успѣхъ наступленія достигнутъ былъ, главнымъ образомъ, благодаря страшному артиллерійскому огню Французовъ.

Орудіе въ моментъ выстрѣла.

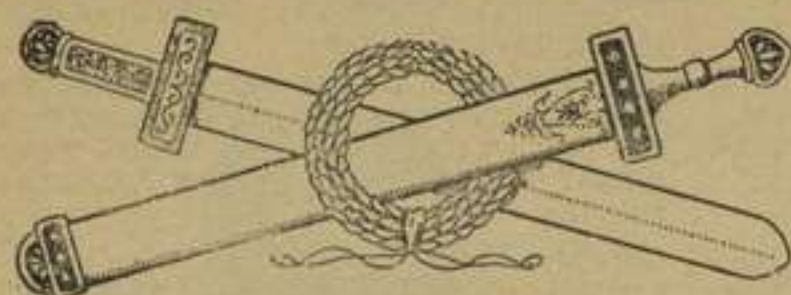
считаютъ себя въ правѣ навязывать всѣмъ народамъ миръ вѣчнаго благоденствія, тѣхъ христіанствомъ, что не она одна будетъ результатомъ кровавыхъ побѣдъ Германіи. «Я пацифистъ»,—говоритъ проф. Оствальдъ, и потому рассуждаетъ такъ:

«Европейскому индивидуализму, необходимо положить конецъ, а изъ Европы надо создать одно организованное цѣлое. Для этого долженъ быть созданъ особый центральный органъ; и такимъ мозгомъ Европы можетъ быть только Германія, ибо она одна лишь обладаетъ секретомъ организаторской культуры».

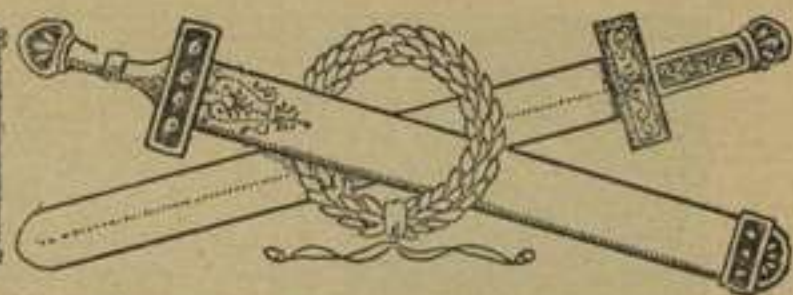
«Возненавидь, Германія!» требуетъ по-

становленіемъ другихъ культуръ, проникну- тыхъ христіанствомъ, что не она одна будетъ распоряжаться міромъ. Она уже не такъ жестока и безпощадна въ способахъ веденія войны. Но именно отъ этого коварства и предостерегаетъ авторъ предисловія Эльзасецъ Ветерлзъ. Будетъ моментъ, когда Германцы взмолятся къ благородству противника, постараются замести все ими сдѣланное. Не надо забывать, какъ разсуждала и чего хотѣла Германія, не надо забывать документовъ этой поучительной книги.

к.

Павшие смертью храбрых.

Капит. 1 ранга Н. В. Прохоровъ.
Наград. орд. св. Георгия 4 ст.

Прапорщ. Джамал. Эфендиевъ.

Подпоруч. Н. М. Кунитсий.

Прапорщ. А. Ф. Григорьевъ.

Поруч. кн. Б. И. Оболенский.
Наград. орд. св. Георгия 4 ст.

Шт.-кап. П. Н. Борисовъ.

Шт.-кап. Р. Ф. Шарпан'те.

Прапорщ. Б. О. Семилюций.

Прапорщ. В. А. Королевъ.

Подпоруч. А. Н. Жукъ.

Украинский романъ.

Украинский романъ г. В. Винниченко «Божки» — по многимъ отношеніямъ, прежде всего, является любовнымъ. Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить чрезвычайную сложность его построения. Авторъ задавался и психологическими задачами, и изображеніемъ пѣкаторыхъ идейныхъ теченій, причѣмъ удѣлил немало вниманія специально «украинству», есть въ романѣ и кой-что, относящееся къ области быта. Въ этой сложности авторъ, очевидно, и самъ запутался: въ самомъ началѣ романа онъ вводитъ, на примѣръ, на сцену нѣкоего Савчука, описываетъ его настроенія, даетъ понять читателю, что этотъ человѣкъ съ лицомъ «молодого восточнаго аскета» питаетъ пѣжныя чувства къ одной изъ героинь «Божковъ», молодой дѣвушкѣ Олѣ, такъ что получается впечатлѣніе, что здѣсь завязывается узелъ какихъ-то отношеній, которыя получаютъ дальнѣйшее развитіе въ романѣ. Но Савчукъ вдругъ исчезаетъ изъ нашего поля зрѣнія, какъ будто его никогда и не было. Романистъ, очевидно, готовилъ ему какую-то роль, но потомъ, выпустивъ на сцену цѣлый рядъ новыхъ лицъ, совершенно забылъ о немъ.

Центральной фигурой романа является Вадимъ Стельмашенко, украинскій поэтъ, пробывшій нѣсколько лѣтъ въ ссылкѣ въ Сибирь и вернувшійся оттуда какъ бы специально затѣмъ, чтобы порадовать всѣхъ необычайностью своихъ взглядовъ и поступковъ. «Его стихи оригинальны, — онъ самъ еще оригинальнѣе, онъ «сверхъестественный и сверхъиндивидуальный», — говорятъ о немъ окружающіе. Самъ себя онъ рекомендуетъ при первомъ своемъ появленіи «имморалистомъ» и проповѣдуетъ «ничего-

исчувствованіе», на томъ основаніи, что памятно по отношеніямъ между «принцемъ Гарри» и хромоножкой въ «Бѣсахъ» Достоевскаго, хотя, разумеется, во всемъ остальномъ Вадимъ Стельмашенко никакъ не сходства со Ставровскимъ не имѣетъ. Другой герой «Божковъ», Юрій Микульскій, также не можетъ быть отнесенъ къ числу вполне нормальныхъ. Влюбленная въ него дѣвушка находитъ, что у него «загадочная душа», — въ дѣйствительности онъ скорѣе невравственникъ, съ внезапными порывами и такими же охлажденіями, съ любопытствомъ слѣдящій порой за происходящимъ въ его душѣ «раздвоеніемъ» и чувствующій себя совершенно безпомощнымъ, когда въ его головѣ начинается работа «мотора». Онъ — социаль-демократъ, но и это его увлеченіе является не болѣе, какъ вспышкой избалованнаго барача, котораго таготитъ контрастъ между его общественнымъ положеніемъ и теоретическими взглядами.

Изъ обширной галереи изображенныхъ въ романѣ лицъ для насъ представляютъ особенный интересъ тѣ, которыхъ авторъ вывелъ, какъ выразителей взглядовъ «украинства». Одинъ изъ ихъ числа, старикъ Микульскій, сталъ яркимъ украинцемъ только на старости лѣтъ, послѣ того, какъ услышалъ отъ кого-то, что его дѣдъ былъ приближеннымъ лицомъ у гетмана Дорошенки: «это вскружило голову старику». Наибольшее вниманіе г. Винниченко удѣляетъ «возрожденцамъ», одни изъ которыхъ увѣряютъ, что въ ихъ проповѣди «никакого сепаратизма нѣтъ», другіе же мечтаютъ о «полной самостоятельности Украины, называвшейся самостоятельными». Вотъ, на примѣръ, какими штрихами рисуетъ авторъ одного изъ послѣдовательнѣйшихъ представителей этого теченія, Пампушенку; онъ ко всему не-украинскому относился съ непоколебимымъ презрѣніемъ. Отъ этого послѣ исключенія его изъ универ-

тета онъ уже ничего не читалъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ украинскаго. Если ему совѣтовали прочесть какую-нибудь интересную книгу, то онъ прежде всего спрашивалъ: «Украинская?» — «Нѣтъ, но...» — «Ну, то плевать я на нее...». Знакомыхъ, кромѣ Украинцевъ, у него не было. Всякій, кто заговаривалъ съ нимъ на другомъ языкѣ, могъ смѣло рассчитывать на грубый и враждебный отвѣтъ.

Едва ли самая злая сатира могла бы съ болѣею безпощадностью нарисовать фигуру тупого фанатика «украинства», чѣмъ это безхитрое и, повидимому, вполне объективное изображеніе.

Романъ написанъ по-украински и переведенъ самимъ авторомъ. Въ укоръ «переводчику» авторъ могъ бы поставить такія выраженія, какъ: «это модно», или: «за то преступленіе, которое я совершу, ты болѣе всего виноватъ»; молодая дѣвушка говоритъ: «можетъ быть, я теперь могу уже и не жениться» и т. д.

Ю.—п.

Родная старина въ общедоступныхъ изданіяхъ.

Не такъ давно въ печати, между прочимъ, поднимался вопросъ о нѣмецкихъ хрестоматіяхъ въ нашей школѣ, въ которыхъ извѣстной группировкой фактовъ и особой идеализацией героевъ нѣмецкой исторіи явно преслѣдуются цѣли покоренія Русскихъ нѣмечкѣ «превосходству» во всемъ. Указывалось также, что

* Русская исторія въ культурно-бытовыхъ очеркахъ. Подъ редакціей В. Я. Уланова. Н. Д. Шаховская—Въ монастырской вотчинѣ XIV—XVII вѣка. (Св. Сергій и его хозяйство). Стр. 130. Ц. 40 к.—П. П. Кащенко, Судъ въ московскомъ государствѣ. Стр. 77. Ц. 30 к.—М. Н. Ковальскій, Русскій ученый XVIII вѣка. Страницы изъ жизни М. В. Ломоносова. Стр. 126. Ц. 45 к. Москва. Книгоиздательство К. Ф. Некрасова 1915 г.

* В. Винниченко. Божки. Романъ. Изд. «Московского книгоиздательства». Москва. 1915 г. Ч. 1—стр. 244, ч. II—стр. 244. Цѣна каждой части 1 р. 25 к.

Бивуак бѣженцевъ.

21 отрядъ Краснаго Креста имени графини И. В. Толстой кормитъ бѣженцевъ.

мы не только не можемъ бороться съ ними ихъ оружіемъ, но не можемъ даже внушить русскому юношеству должной любви къ родной исторіи.

Какъ разъ этой цѣли пробужденія интереса и популяризаціи въ научно-общедоступномъ изложеніи различныхъ вопросовъ русской исторіи служатъ данные очерки.

Въ первыхъ книжкахъ разсматривается время XIV—XVIII вѣковъ. Въ «Монастырской вотчинѣ» рисуется зарожденіе, ростъ и жизнь извѣстѣйшаго въ Россіи Троице-Сергиевскаго монастыря, выясняется громадное политическое, общественное и экономическое значеніе его и монастырей вообще въ Московской Руси.

Въ другомъ очеркѣ—«Судъ въ Московскомъ государствѣ»—разбирается очень интересный вопросъ о судебномъ разбирательствѣ, «полѣ» (поединкѣ), «жребіи» и наказаніяхъ въ Россіи XVI—XVIII вѣковъ; въ немъ приводятся характерные примѣры различныхъ тяжбъ, дѣлъ о колдовствѣ; приведены также и народныя пѣсни на судопроизводство: «Шемакинъ Судъ» и «Списокъ съ суднаго дѣла Леща съ Ершомъ».

Послѣдній изъ пока вышедшихъ очерковъ посвященъ М. В. Ломоносову, онъ приуроченъ къ столѣтнему годовщину его смерти. Хотя біографія эта для такой личности, какъ Ломоносовъ, не велика (126 маленькихъ страницъ), но

и она представляетъ интересъ для широкой публики, не могущей читать толстые трактаты и біографіи, тѣмъ болѣе, что авторъ, хотя и сжато, но полно прослѣдилъ дѣятельность Ломоносова, преимущественно какъ ученаго, стоявшаго даже впереди европейскіхъ знаменитостей, а не какъ писателя. Въдѣ Ломоносову принадлежитъ первый очеркъ геологической науки «О слояхъ земныхъ». Ему же принадлежитъ, добавимъ мы, и первая формулировка закона о неумножаемости матерій (какъ выяснено Б. Н. Меншуткинымъ изъ переписки Ломоносова). Но значеніе этого великаго ученаго-энциклопедиста стало выясняться лишь сравнительно недавно. Иностранцы мало обращали вниманія на Россію, хотя Ломоносовъ былъ избранъ членомъ Королевской Шведской и Болонской Академій Наукъ, а Русскіе держались взглядовъ академической канцеляріи—Шумахера, Тауберта и Теплова—и всячески противились возвышенію людей достойныхъ. Такова была участь и Ломоносова, принужденнаго среди своихъ ученыхъ трудовъ писать оды и поздравленія.

Вообще очерки изданы прилично, изысканъ нарочно-приданный ему колоритомъ времени все же не тяжелъ, очерки интересны, цѣна ихъ общедоступна, и можно лишь пожелать ихъ распространенія въ средѣ учащагося юношества.

Р. В.

Плетеніе корзинъ ранеными, организованное инспекторомъ народныхъ училищъ А. В. Щелотьевымъ въ гор. Псковѣ, Псковской губ.

Мелочи.

Гушеры Германіи.

Въ Германіи, какъ уже не разъ сообщалось въ печати нашихъ союзниковъ, существуетъ особый культъ Гинденбурга. За немцами настоящихъ героев войны, таковыя изобрѣтаются, и слава о нихъ разносится по всему фатерланду. Слава и популярность фельдмаршала Гинденбурга затмила самого кайзера и кронпринца: въ сентябрѣ въ Берлинѣ открытъ новый «музей Гинденбурга»; въ Позенѣ открытъ «музей Гинденбурга»; по всей Германіи продаются библіи съ портретомъ Гинденбурга на обложкѣ; появились сигары «Гинденбургъ»,—словомъ, все обычное и «остроумное» приемы именной рекламы на лицо. Интересно, поэтому, будетъ узнать, что нынѣшній кумиръ Германіи еще очень недавно, когда Нѣмцы брали уже Льежъ и Намюръ, жилъ въ полной неизвѣстности, забытый всѣми, въ Ганноверѣ, и короталъ длинные вечера въ одномъ изъ мѣстныхъ кафе за чтеніемъ газетъ и журналовъ. Кафе это, кстати сказать, не преминули, конечно, теперь окрестить въ «кафе Гинденбургъ». О причинѣ опалы Гинденбурга извѣстно слѣдующее: много лѣтъ назадъ въ Восточной Пруссіи происходили большіе маневры. Одной изъ арій командовалъ Гинденбургъ, а другой самъ кайзеръ. Какъ полагалось въ такихъ случаяхъ, арія кайзера «разбила на голову» неприятеля, и кайзеръ Вильгельмъ, признавъ вечеромъ Гинденбурга, спросилъ его о впечатлѣніяхъ дня. Гинденбургъ,

всегда слышавшій за чудака, отвѣтилъ: «Все это очень хорошо, ваше величество, потому что это не серьезная битва, но если бы наши арміи дѣйствительно сражались, гибель нашихъ людей была бы неизбежна, вслѣдствіе нѣсколькихъ крутыхъ вашихъ промаховъ въ командованіи: часть вашей арміи была бы мной окружена, а остальные—брошены въ Балтійское море». Вильгельмъ затанлъ обиду на эту излишнюю откровенность генерала. Черезъ нѣкоторое время ему приказано было подать въ отставку, и онъ переселился въ Ганноверъ. Послѣ объявленія войны, опальный генералъ обратился въ военное министерство, прося о назначеніи въ армію. Ему отказали. Въ это время произошла знаменитая битва на Марнѣ и одновременно—угрожающее нашествіе русскихъ войскъ въ Восточную Пруссію. Понадобились экстренныя мѣры, призваны были все когда-либо служившіе генералы, и Гинденбургъ былъ посланъ въ восточную армію. Съ тѣхъ поръ имя его начинаетъ окутываться народной легендой. Нужно признать, что фельдмаршалъ самъ большой любитель популярности и дѣлаетъ все возможное, чтобы стать народнымъ героемъ: при немъ состоитъ

Стѣпанъ

Кик. Кик. Шамшевъ.

убить въ бою 8 сентября при взятіи неприятельскихъ окоптовъ. Атака релась казачьими частями въ отчаянномъ строю. Нѣмцы были выбиты изъ окоптовъ, причемъ большая часть ихъ была изрублена нашими молодцами-казаками. Русскій солдатъ передового дѣла соотникъ Н. Н. Шамшевъ, былъ раненъ въ правую руку съ раздробленіемъ кости, но продолжалъ вести за собою наступавшую часть, пока не палъ, сраженный на смерть въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окопа. За это дѣло соотникъ Н. Н. Шамшевъ былъ представленъ къ награжденію орденомъ св. Георгія 4-й степени. За участіе въ бою при взятіи д. Шавле 17 августа того же года соотникъ Шамшевъ представленъ къ георгиевскому оружію.

лейтенантъ Черноморск. флота В. А. Нарковичъ, погибшій геройской смертью

специальный художник Герш, который зарисовывает все выдающиеся моменты боевого дня фельдмаршала. Когда Гинденбург в июль должен был вступить в Варшаву, он отправил пресловутому Свену Гедину телеграфное приглашение: «Спешите ко мне, если хотите присутствовать при этом историческом событии». Гинденбург вообще живет в большой дружбе с журналистами, которые в своем рвении угождать герою часто ставят его в комических положениях: так, например, почти одновременно в двух разных газетах Берлина появляются описания героя, противоречащие друг другу: «Гинденбург, несмотря на свои 70 лет, пишет одна газета, обладает железным здоровьем. Живает он по-спартански. Меню обда всегда самое простое: овощи, кусочек мяса, простая вода...» А другая в то же время сообщает: «Гинденбург во всем опережает всех других смертных, никто из молодых адъютантов не может выпить такого количества шампанского и так цинично тонкости гастрономии, как фельдмаршал, который проводит всегда не менее трех часов за обеденным столом». Гинденбург считает себя замечательным юмористом, хотя юмор его чисто немецкого тяжеловесного свойства. Когда Русские отступали из Пруссии, в Инстербурге оказались громадные запасы хлеба, которые нельзя было забрать с собою. Был дан приказ облить хлеб керосином. Гинденбург, узнав об этом, заявил: «О вкусе не спорить. Раз Русские любят хлеб с керосином, мы будем кормить их плыньных этим хлебом впрямь до истощения этих запасов». Было бы совершенно бесполезно доказывать грубому Тевтону на варварство этого немецкого остроумия. Такой кумир современной Германии.

О другом кумире, но уже меньшего калибра, знаменитом генерале фон-Клукке рассказывается тоже очень много в английской печати. Клукк победоносно шел прямо на Париж, не подозревая замыслов Жоффра. 6 сентября, т. е. накануне Марнского разгрома, Немцы заняли Куломье. Клукк торжественно въехал в город, занял лучший особняк и велел приготовить себе роскошный обед, приказав: «побольше шампанского». После вкусного обда, Клукк призвал свой оркестр, который всегда его сопровождал, и пожелал слушать исключительно французскую музыку: «Кармен» и «Маскот». Генерал пришел в хорошее расположение духа, выразил удивление, что улицы кругом пусты, и что толпа не собралась послушать его оркестр, и велел призвать хозяйку дома. Появилась пожилая, почтенная Француженка. «Не бойтесь, мадам», милостиво сказал его превосходительство, «сдѣлайте муж и дѣти?» Дама пояснила, что муж ее убит на войне, и что три сына ее в армии. «А,

отлично, они будут Немцами так же, как и вы. Поль-Францин будет послѣ войны Германцем, и уверяю вас, что это лучшее, что могло с вами случиться. Вы, Французы, обладаете некоторыми показными достоинствами, и вам нужно будет только пройти курс нашей дисциплины и культуры, которых вам недостает. Ваша армия уже разбита, и через несколько дней мы будем в Париж». Так издѣвался грубый Тевтон над несчастной беззащитной женщиной в то время, как Жоффри уже начал на другом фланге разгром ненавистных Немцев. Таковы генералы—кумиры Германии.

Техническая сторожа войны.

Европейская война требует невиданного до сих пор напряжения сил от воюющих держав. Техническая сторожа войны особенно сложна в Англии,

«Германия предполагает пробраться в Турцию через Болгарию». (Из газет).

Иллюстрация из одной из книг, иллюстрирующей и мечущих снаряды. Кар. Энз-Эрс.

работающей, как известно, благодаря великодушным своим заводам, не только на себя, но и на союзников: Францию, Россию и Италию. В Англии функционирует особый «департамент изобретений», во главе которого стоит лорд Фишер. Всякий изобретатель предлагает что-либо полезное для армии и флота, какое-нибудь новое изобретение, должен немедленно обращаться в этот департамент. В распоряжении лорда Фишера громадный штат инженеров и изобретателей, обязанность которых заключается в разработке всех планов и проектов, присылаемых из армии во Фландрии, которая на дѣлѣ убѣждается в непрактичности многих существовавших до сих пор изобретений военного искусства. Сейчас образовано особое совѣщаніе по примѣненію удушливых и взрывчатых газов.

Война каждый день рождает новые методы нападения и защиты. За время

войны появилось уже очень много новых изобретений: появились новые непробиваемые панцири для груди и головы, стоящие в Лондонѣ не выше 30—40 р. Многие усовершенствованы в области голосового телеграфа, этого главного нерва современной войны. Появились гигантские тракторы, роющие траншеи вмѣсто людского кропотливого труда. Совершенно забросаны старые модели носилок, — они оказались слишком громоздкими для траншейной войны. Английский офицер изобрѣлъ новый тип легких, узких носилок, удобно лавирующих по извивам траншей. Один офицер, тоже Англичанин, изобрѣлъ летучую кухню-автомобиль: обѣд готовится на ходу, автомобиль несется по каким-то удобным трудным дорогам, что, конечно, недоступно поѣзду; останавливается, кормит здоровых и раненых, все чисто, освѣщено электричеством, имѣются специальные приборы для дистилляции воды, которая потом раздается солдатам на позициях. Эти кухни-автомобили изобрѣтены и построены Англичанами на заводах в Шеффилдѣ. Но предмет особой гордости Англичан — это постанова дѣла помощи раненым. Их автомобили-госпитали, дѣйствительно, чудо техники. В октябрѣ прошлаго года Англия имѣла всего 126 таких летучих госпиталей. Но тут пришли на помощь колонии: Канада, Австралия и Новая Зеландія, и теперь их уже болѣе тысячи. Магараджа Гвельскій преподнес королю Георгу 40 автомобилей-госпиталей, — даръ этотъ оценивается не менѣе трехсот тысяч рублей. Роль этих подвижных госпиталей громадна; они спасают жизнь десяткам тысячам людей, которые в прежнія времена, при медленной перевозкѣ на лошадах, умирали до доставленія в лазареты. Во всѣх войнах болѣзни уносили жизнь болѣе большого количества людей, чѣм пули и снаряды. За 6 мѣсяцев Крымской кампании союзники потеряли 50.000 больными, и только 2.000 убитыми. В русско-турецкую войну 80.000 человек умерло от болѣзней и 20.000 от ранъ. Во время Трансваальской войны 76% больных были тифом, что и свело в могилу болѣе людей, чѣм пули Буровъ. В настоящую войну, благодаря таким чудесам техники, как летучіе госпитали-автомобили, смерть от зараженія крови доведена до минимума. Эти госпитали имѣют центральное отопленіе, освѣщаются электричеством, имѣют рентгеновскія лабораторіи. Цѣль их — немедленная медицинская помощь. Эти автомобили доставляют раненых к поѣздам или к судам, которая забирают и перевозят их на родину, в Англию.

Редакторъ М. Н. Мазеевъ.

Издание Товарищества А. С. Суворина—

«Новое Время».

ОСВѢЖАЮЩІЙ БЕЗВРЕДНЫЙ ПРІЯТНЫЙ КРЕМЪ

Это прекрасное средство против дурного цвѣта лица, обдѣляет кожу и придает ей юношескій вид и бархатистость. Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ продается въ банкахъ по 30 граммъ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Чтобы получить настоящій, слѣдуетъ, чтобы имя Д-ра Антона Мейеръ было напечатано полностью. Рекомендуется передъ накладываніемъ Дермозона вымыть лицо и руки нейтральнымъ мыломъ. Лучшее всего взять мыло Дермозонъ Т-ва Стольбергъ и К^о.

Въ октябрьскихъ номерахъ „ВѢСТНИКА МОДЫ“ помѣщено: 170 рѣзъ дамскаго и дѣтскаго туалета; 82 рис. рукодѣлій; 88 выкройки; М. Г. Савина (съ портр.). Судьба. Р. А. Мари. Сотрудники. Раз. Ж. Клареси. Психологія ребенка. Массажъ раненыхъ. Д-ра Фоминъ. Повѣи скромныхъ обязанностей К. Вагнера. Женские вопросы. Умѣнье выбирать. Изъ мира таинственнаго. Кухни. Домоводство. Полезные совѣты и др. Подписка съ 1-го июня (за п. в.) все по лугудіе распродаѣ и 1-го Сент. принимается: на годъ 6 руб., 1/2 г. 8 р. 50 к. и 1/4 г. 2 р. 25 к. № 50 к. Петроградъ. Итальянская, 16.

Новая книга: ГЕНРИЕТТА КАРТГРЭМЪ.

КОКТАШДЖУЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Повѣсть.—Цѣна 1 руб.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и въ кіоскахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ.

Громоздкий выборъ новѣйшихъ модныхъ коле, купоны, кольца, броши, серьги, запонки, буланы и т. п. у фирмы

„Драгоценные камни“

К. А. НАСОНОВОЙ
въ Екатеринбургѣ.

Иллюстрир. и предѣл. курать высл. безплатно.
Фирма сущ. съ 1892 г.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВОГО ВРЕМЕНИ“
ПРОДАЕТСЯ РОМАНЪ
А. К. ГРИНЪ
ВЪ ЛАБИРИНТѢ ГРѢХОВЪ

Цѣна 50 коп.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14233

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 24-го ОКТЯБРЯ (6-го НОЯБРЯ) 1915 ГОДА.

№ 14233

Ея Императорское Величество Государыня Императрица МАРИЯ ФЕОДОРОВНА въ собственномъ Ея Величества лазаретѣ.
Слѣва сидитъ заведующій лазаретомъ почетный лейбъ-хирургъ, проф. В. А. Тиле, справа фрейлина Ея Величества графиня Менгденъ.
Съ фот. Г. Оцула.

Обида.

За синимъ Дунаемъ, гдѣ горный дубъ
някъ

Лозой обвивается гибкой,
Гдѣ сѣрою точкою беркутъ-стеньякъ
Кружитъ надъ забытою Шипкой,
Гдѣ сонная Плевва лежитъ въ тишинѣ
Лощины глубокой и тѣсной,—
Тамъ въ черную полночь на бѣломъ
конѣ

Пронесется всадникъ чудесный!
Не надо коню ни дорогъ, ни удиль,
Все помнить онъ, видѣть и знать...
И всадникъ чудесный у братскихъ мо-
гилъ

Съ коня боевого слѣзаетъ:
Онъ въ кителѣ бѣломъ, съ крестомъ
на груди,

Обиды въ очахъ его пламя...
Суровый знаменщикъ предъ нимъ, впе-
реди,

Несетъ святорусское знамя.
И клонится знамя надъ сѣрымъ хол-
момъ,

Заросшимъ до самой вершины,
Гдѣ спятъ непробуднымъ, безвремен-
нымъ сномъ

Его удалыя дружины.
И голосъ знакомый, что грома ударъ,
Нисходитъ въ могильныя сѣни,
Онъ мертвымъ вѣщаетъ о козняхъ
Болгаръ,

О страшной кровавой измѣнѣ,
Какъ горекъ величю рождественныхъ
нивъ

Тотъ плевель въ славянскомъ посѣвѣ...
И весь онъ обида, и весь онъ порывъ
Въ своемъ негодующемъ гнѣвѣ!

Последняя группа дѣтей итальянскаго короля: наследный принцъ Умберто, прин-
цесса Йоланда, Мавальда, Джиованна и Марія.
Снимокъ этотъ только что разосланъ по итальянской арміи.

«Вы слышите-ль, братцы?!» — и тихо
крутомъ,
И стагъ недвижимъ, неколышимъ...
И внятенъ отвѣтъ надъ могильнымъ
холмомъ:
«Мы слышимъ, мы слышимъ, мы слы-
шимъ!»

Ив. Соколовъ.

Разсказы полковника Треплева.

Словохотливый полковникъ опять по-
палъ на свою излюбленную тему.

— Какъ можно быть трусомъ? Я не
пошмаю,—говорилъ онъ зычнымъ, раска-
тистымъ голосомъ, вполне соответство-
вавшимъ его широкому сложенію и тучно-
сти: развѣ вы, господа, знаете, гдѣ опас-
ность? Развѣ вы встрѣчали когда на жиз-
ненныхъ перепутьяхъ эти самые сказоч-
ные столбы съ надписями: сюда по-
ѣдешь—коня потеряешь, сюда поѣдешь—
голову долой, сюда—бабу-Ягу встрѣ-
тишь?... Будущее каждаго изъ насъ гдѣ-то
тамъ написано и рѣшено и въ виду у
судьбы иждется,—все равно, какъ ни по-
ворачивай, станешь на свое мѣсто. Тутъ
трусость не поможетъ,—не увильнешь:
что назначено,—будетъ. А хорошо это те-
бѣ, или плохо, во вредъ тебѣ, или въ са-
мую, что ни на есть, пользу настоящую,—
такъ этого даже впередъ и не сообра-
зашь,—думаешь вотъ тутъ-то меня не-
счастіе пришибло,—а нѣтъ! какъ разъ
оно самое счастьемъ выходитъ, хранишь
тебя Промыселъ Божій. Я, сколько жилъ,
всегда въ этомъ, господа, убѣждался: ме-
ня мой жизненный опытъ самымъ отъ-
явленнымъ фаталистомъ сдѣлалъ.

Обрадовавшись тому, что в среде слушателей были новые люди, полковник обвел присутствовавших испытующим взглядом.

— Кажется, не все знают... Так я расскажу.

Любил он рассказывать эти свои знаменитые истории, на всю жизнь оставившие в нем такое сильное воспоминание странным сбытием фактов. Многие их знали наизусть; полковник всегда рассказывал одно и то же, не допуская никаких прикрас, никаких отступлений «для красного словца». Он решительно не был способен к вымыслу, этого милый, добродушный полковник, такой всегда прямой и непосредственный.

— Случилось я тогда в Дачестане, — начал он, — еще совсем молодым человеком, и появился у нас в округе замечательный разбойник Садык-хан. Ловили его, ловили, да только каждый раз все неудачно, — и выросла о нем очень громкая слава в народ. Население встало, что это оборотень какой-то, который может дикой козой прыгнуть или орлом, в трудную минуту, взвиться на скалы, ищущий спрятаться в трещину. Он перемещался и в Чечню и там вербовал для себя абреков, говорил, кажется, на всех местных наречиях и очень большую и сильную шайку вокруг себя создал, сбился одно время настоящим хозяином нескольких округов. Как только известным становилось, что в окрестности появился Садык-хан, так всякое движение замирало; только со специальной охотой, с изрядным воинским конвоем и можно было с места на место двинуться. Вот и случилась у нас эта самая история: обнаружился опять Садык-хан. Застыла, поэтому, в нашем округе целая партия инженеров, да еще какие-то чиновники и один богатый купец, — ждали выезда через три-четыре дня, когда вернется конвой и выяснится состояние пути, возможность благополучного следования. Должен был как раз с ними и я ехать. Я тогда ходатайствовал о переводе и уже получил отпуск, — собирался в наш главный город — в Темир-Хан-Шуру. Досадно было ждать okazji, тратить свободные дни на надоевшее сиденье без дела в опротивевшей труппе, да была к тому же еще и другая причина, кривая меня привлекавшая.

— Вы, конечно, понимаете, что речь идет о женщинах. В те годы-то молодые, да и случаи подходящие я в свое время не пропускал. Одним словом, — дело обстоит так, что она меня со дня на день

ВОЕННАЯ ШКОЛА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II ВЪ ПЕТЕРГОФѢ.
См. „Нов. Вр.“ № 14227.

Общий вид здания.
Школа подготавливает малолетних мальчиков, сыновей героев войны, к поступлению в кадетские корпуса.

в город Темир-Хан-Шуру ждала с ставать, — подожди еще немного, милая... распростиры объятиями, а я из-за ка- И такой это, знаете, постыдной оказалась с того-то проклятого разбойника, как под- мнѣ подобная философия, что я один по лый трусь, сидѣлъ дома и ни с мѣста: короткой дорогой верхом в самую под- вотъ уже пойдут инженеры, — тогда и ночь удрает, — будь, что будет, думаю. — меня, героя, к тебѣ в безопасности до- гдѣ наша не пропадала! А мнѣ, как воен-

ному, могли грозить всякія неприятности. И, представьте себѣ, проехал совершенно благополучно. Къ разсѣту через сутки былъ уже въ городъ, хотя въ селеніи, гдѣ я останавливался передохнуть и покор- миться, все кругомъ говорили: «Садыкъ къ городу не пропуститъ».

— Ну, а съ охотой и съ инженерами история вышла трагическая...

Полковникъ вздохнулъ, и тонъ его сталъ серьезнымъ:

— Выѣхали они дней черезъ пять послѣ меня, когда, по всемъ сообщеніямъ, Садыкъ-ханъ опять кинулся въ Чечню. Только свѣдѣнія эти оказались неѣрыными: они все понали какъ разъ на самую разбойничью засаду. И конвой имъ не только не помогъ, а даже повредилъ, — благодаря сопротивленію разбойники не стали брать въ плѣнъ. Только одинъ купецъ, тяжело раненный, былъ потомъ выкупленъ, а остальные все до одного погибли. Это нападеніе извѣстное, о немъ въ свое время только и писали газеты.

— Ну, вотъ видите, — полковникъ еще понизилъ голосъ: былъ бы и я среди погибшихъ, если-бъ только дождался okazji Развѣ здѣсь что разберешь, — гдѣ бойся, а гдѣ не бойся?

— Другой случай, — началъ онъ снова, — прежнимъ подъемомъ, точно боясь, что его перебьютъ: — произошелъ со мною въ Волынской губерніи, въ имѣніи одного пріятеля, тоже давно, черезъ два года послѣ. Большое, прекрасное имѣніе, доставшееся ему отъ матери. Въ имѣніи былъ старый домъ, вѣрнѣе сказать, замокъ, живописно расположенный на крутомъ берегу рѣчки среди стараго запущеннаго парка. Только замокъ этотъ стоялъ запертымъ и заколоченнымъ, потому что шла о немъ нехорошая молва: послѣднимъ тамъ жилъ и умеръ дѣдъ его матери, человекъ необузданный и жестокий, кончившій буйнымъ помѣшательствомъ. Устраивалъ онъ въ замкѣ ночныя оргіи, провозили туда молодыхъ дѣвушекъ, и, — говорятъ, — нѣкоторые такъ и пропадали безъ вѣсти, въ подвалахъ ли замка, или въ тинистомъ днѣ рѣки. Рассказывали, будто тамъ нашли какое-то подземелье и спускъ прямо въ рѣку и комнату, полную человеческихъ костей, а ночью въ замкѣ слышалось какое-то пѣніе и появлялись призраки. Во всякомъ случаѣ, мѣсто это преслало въ народѣ нечистымъ, домъ заперли, а пріятель мой, рѣшившій занять своимъ имѣніемъ, пока жилъ верстахъ въ пяти отсюда, въ небольшомъ деревенномъ домѣ. Я пріѣхалъ къ нему на мѣсяцъ погостить и помѣщался въ единственной комнатѣ второго этажа, вмѣстѣ съ другимъ гостемъ — очень милымъ молодымъ человекомъ, чиновникомъ судебного вѣ-

НА НАШЕМЪ ФРОНТѢ.

Развалины въ м. Молодечно послѣ набѣга нѣмецкихъ разбѣдовъ.

Питательный отрядъ члена Госуд. Думы В. М. Пуришкевича.

Возвращеніе бѣженцевъ въ свои разрушенныя гнѣзда послѣ набѣга германской кавалеріи въ м. Молодечно.

НАСТУПЛЕНИЕ ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ ШАМПАНИ.

Переправа части понтонного моста сапёрами.

Отрядъ пѣхоты, занимающій первую линію траншей, отбитыхъ у нѣмцевъ.

дства, весьма болѣзненнымъ и нервнымъ. По сосѣдству съ нами проводила у себя лѣто радужная, гостепріимная помѣщица съ большою семьей, гдѣ было нѣсколько молодыхъ барышень. Пріѣзжали къ ней еще знакомые, сыновья съ женами, — словомъ, составилось у насъ веселое, занимательное общество: вѣсѣтъ всегда гуляли, устраивали пикники, катались въ лодкахъ.

Старый замокъ чрезвычайно интриговалъ нашихъ дамъ. Его боялись, но говорили о немъ постоянно. И вотъ зашелъ однажды самый горячій споръ о дѣйствительной возможности привидѣній. Я, разумеется, смѣялся. Но сожителю мой, молодой судейскій чиновникъ, былъ другого мнѣнія: онъ допускалъ существованіе какой-то порочной атмосферы, — словомъ, не сумѣю вамъ хорошо объяснить, но онъ вѣрилъ въ чертовщину. Я, откровенно говоря, просто считалъ его трусомъ. А дамы были скорѣе за него: имъ не хотѣлось разстаться съ мыслью о таинственныхъ страхахъ стараго замка. И вотъ одна изъ барышень, какъ разъ та, которая мнѣ болѣе нравилась, сдѣлала такое коварное предложеніе: «если вы не допускаете привидѣній и вообще ничего не боитесь, такъ останьтесь на цѣлую ночь въ замкѣ». Я принялъ вызовъ, — и было рѣшено такъ: съ вечера я отправляюсь въ замокъ и тамъ ночую. Я зажигаю огонь въ верхнихъ окнахъ башни, которую видно съ горы, откуда будутъ за мной слѣдить, чтобы удостовѣриться, что я пришелъ. Чуть свѣтъ подымается вся компанія, и съ восходомъ солнца всѣ явятся къ замку и меня вызваютъ. Я долженъ появиться уже съ другой стороны, въ окнѣ другой, маленькой башни.

— Не могу не признаться, что я въ глубинѣ души чувствовалъ нѣкоторый суевѣрный трепетъ, когда собирался на свой ночлегъ, провѣряя револьверъ и рассматривая связку старыхъ ключей отъ разныхъ дверей замка. Я даже, какъ-будто небрежно, предложилъ своему сожителю: «а можетъ быть, и вы не прочь удостовѣриться вмѣстѣ со мною, что тамъ ничего страшнаго нѣтъ?». Но онъ не согласился, заявивъ откровенно, что ни за что не пошелъ бы и что рѣшительно предпочитаетъ безъ приключеній выснасть въ своей постели. Я не стану вамъ подробно описывать ни своихъ ощущеній, когда я входилъ въ замокъ, ни обстановку старыхъ комнатъ, — дѣло не въ этомъ. Въ началѣ было очень жутко, но я довольно скоро освоился, — зажегъ кое-гдѣ захваченныя съ собою свѣчи, поднялся по винтовой лѣстницѣ на вершину башни и устроилъ тамъ цѣлую иллюминацію. Подробный осмотръ дома я отложилъ на

ТРОФЕИ БИТВЫ ВЪ ШАМПАНИ.

Нѣмецкія орудія, выставленныя въ Парижѣ во дворѣ Дожа Импалядовъ.

утро, а для ночлега выбралъ себѣ весьма дрягъ. Потомъ я легъ на диванъ и сталъ уютный небольшой кабинетъ, гдѣ мнѣ почитать взятую съ собою книгу, потомъ пался удобный, мягкій диванъ. Я излѣ совершенно незамѣтно заснулъ. Мнѣ быдовала комнату, нѣтъ ли гдѣ потайного ло тогда двадцать шесть лѣтъ, и спать я вхожу: одна дверь легко закрылась ключомъ въ какомъ угодно положеніи, причѣмъ, другую я хорошо забарикадировалъ, всякихъ обстоятельствахъ. Проснулся: чтобы услышать, если кто захочетъ вой-уже совсѣмъ свѣтло, — брошенная на полъ. Я допускалъ, что въ замкѣ могли книга, догорѣвшая свѣча. Сначала ничего скрываться какіе-нибудь бездомные бро-

ДРУЗЬЯ ЧЕТВЕРНОГО СОГЛАСІЯ НА БАЛКАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ.

Государственный дѣятель Греціи
Елевтеріосъ Венизелосъ.Румынскій политическій дѣятель
Таке-Іонеску.

Смотрю на часы: девять. Какъ девять, когда уже въ шесть должны были за мной прійти и меня вызвать! Неужели не добулись? Вотъ такъ позоръ: подумаю теперь, что я ночью удралъ изъ замка! Какъ имъ доказать правду, — что я спокойно и крѣпко спалъ? А можетъ быть за меня беспокоятся? ищутъ всюду? боятся, что я погибъ, умеръ со страху? Уходить мнѣ все-таки еще не хотѣлось, — какъ же не показаться въ башнѣ? А впрочемъ — теперь уже все равно. Пожалуй, не повѣрятъ, подумаютъ, что я обѣжалъ на ночь, а утромъ вернулся. Вотъ онъ, проклятый сонъ крѣпкій, — должно быть надрывались, крича, — камни кидали въ окна...

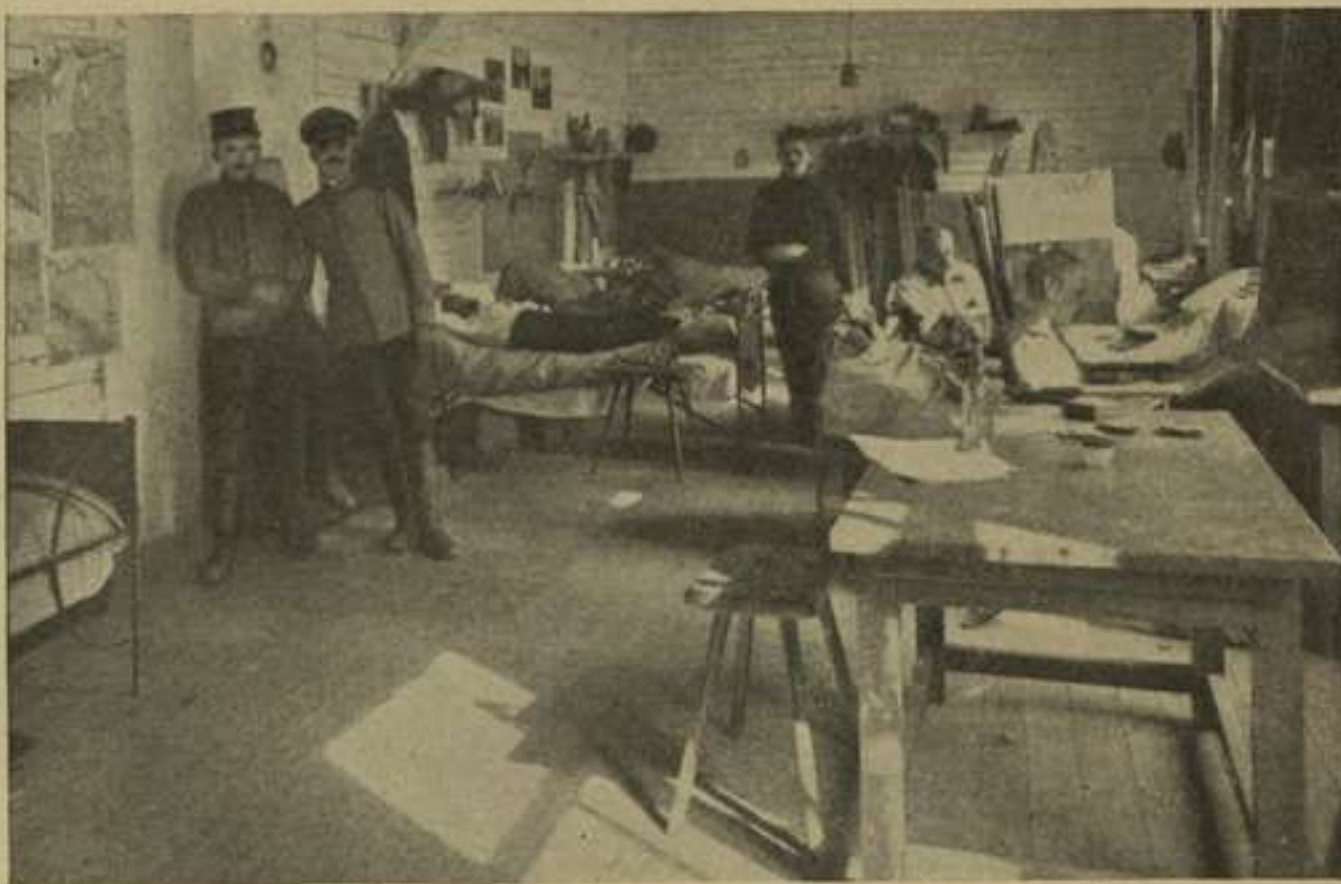
— Но дѣйствительность оказалась совсѣмъ не такою. Обо мнѣ и не вспомнили утромъ. Ночью до тла сгорѣлъ деревянный домъ моего пріятеля помѣщика, и въ домѣ задохся спавшій во второмъ этажѣ мой бѣдный молодой сожитель. Вытащили уже обуглившійся трупъ. Ясно, что при моемъ непробудномъ богатырскомъ снѣ мнѣ неминуемо грозила та же самая участь. Объ этой трагической смерти тоже сообщалось тогда въ газетахъ. Гривенковъ — была его фамилия.

— А вотъ вамъ еще случай третій: тоже какой-то рокъ предпрѣданный. На меня онъ особенно сильное впечатлѣніе сдѣлалъ, потому что судьба меня спасла, точно въ награду за доброе чувство, за выполненіе нравственнаго долга, о которомъ я хотѣлъ позабыть. Плывъ я на пароходѣ по Черному морю изъ Батума въ Одессу. Дѣло было лѣтомъ, погода идеальная, молодость, женское общество. Чувствовалъ я себя тогда въ особенности беззаботнымъ и счастливымъ, потому что получилъ только что небольшое наследство, казавшееся мнѣ по тѣмъ временамъ очень значительнымъ, а главное — я наслаждался свободой: какъ разъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ удалось окончательно расторгнуть давно меня тяготившую связь. Женщина эта уѣхала, и всякія непріятности и сцены послѣднихъ двухъ лѣтъ кончились. Я зналъ, что она нуждается, что у нея были нѣкоторыя основанія на меня въ будущемъ надѣяться, что ей предстоитъ тяжелая старость, — но все это волновало меня очень недолго, да и, если судить справедливо, я былъ въ правѣ ее оставить. Когда мнѣ неожиданно попали въ руки деньги, я думалъ сначала ей что-нибудь послать, только не зналъ адреса, не захотѣлъ навѣдываться, побоялся новой переписки, — словомъ, отчасти смалотушичалъ, отчасти, пожалуй, и пожадничалъ, — такъ и отложилось. Представьте

ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ГЕРМАНИИ.

Общий вид барачей военнопленных в Нейссе южнее Бреслава.

Комната русских военнопленных.

себя, что, выйдя в Севастополь погущею ясную летнюю ночь послѣ столк-
лять по городу, я встрѣтил эту женщи- новенія съ иностранным пароходомъ
ну и встрѣтил въ очень жалкомъ видѣ, «Колумбія». Вспоминаете вы этотъ слу-
бдно одѣтую, съ болѣзненнымъ лицомъ, чай, двадцать лѣтъ назадъ? Въ спискахъ
Мы шли цѣлымъ обществомъ, беззаботные поглѣвшихъ я нашелъ имена своихъ паро-
пароходные пассажиры, весело разговари- ходныхъ знакомыхъ, съ которыми гулялъ
вая и смѣясь. Что-то такое мнѣ точно по Севастополю...
ударило въ сердце и, сразу оставивъ сво- — Ну, какъ не стать послѣ всего это-
ихъ милыхъ спутницъ и спутниковъ, я го фаталистомъ? какъ не сказать, что у
ее быстро нагналъ за угломъ улицы, каждого своя судьба, и ее невозможно пред-
Встрѣча эта имѣла для нея громадное зна- видѣть, но и уйти отъ нея тоже невоз-
ченіе, и не столько моя матеріальная, можно? Кому что суждено—сбудется...
сколько главнымъ образомъ нравственная — Случай дѣйствительно интересные,—
поддержка, пожалуй, спасли ей жизнь. Не сказалъ кто-то.
скрою, было у меня извѣстное чувство — Но и вѣдь же вамъ, полковникъ,—
досады за испорченную беззаботность мое- откликнулся другой изъ слушателей, лы-
го путешествія, но она меня очень тогда сѣлъ, съ насмѣшливымъ взглядомъ:—ни въ
просила остаться, и я вышелъ въ Сева- водѣ не тонете, ни въ огнѣ не горите.
стополѣ, пославъ на пароходъ за вещами. Только причѣмъ тутъ рокъ, предопредѣ-
Послѣ, конечно, мы снова простились съ лѣніе?
нею, но уже совсѣмъ по другому, мирно — Какъ причѣмъ?
и уравновѣшенно, примиренными друзья- — Да просто счастливыя случайности.
ми. А теперь я вамъ назову и пароходъ, Вы вѣдь, кажется, и на войнѣ не были ра-
на которомъ я тогда плылъ въ Одессу,— нены?
это былъ пароходъ «Русскаго общества» — Ни разу.
«Владимиръ», потонувшій около Тархан- — Ни теперь, ни въ японскую?
кутскаго мыса за Еваторіей въ совер- — Богъ миловалъ.

— Ну, вотъ видите. Просто на вашу или случайности? Для нашей человѣческой
долю выпадали въ жизни однѣ только жизни, по моему, одно на одно выходить.
счастливыя случайности, какъ бываетъ. И гдѣ опасность, вы все равно не знаете.
напримѣръ, что одинъ и тотъ же игрокъ Какъ можно быть послѣ этого трусомъ,—
постоянно выигрываетъ. — я не понимаю,—загремѣлъ онъ снова зыч-

Полковникъ задумался, даже нахмурилъ брови, раскатымъ голосомъ.
брови и потеръ лобъ.

— А развѣ это не то же самое?—спро-
силъ онъ строго послѣ раздумья:—судьба

В. Лагодинъ.

Православная церковь нашихъ военнопленныхъ, устроенная въ конюшнѣ.

Встрѣча нашими военнопленными Св. Пасхи.

Военнопленные Французы.
Снимки доставлены бывшими изъ германскаго плена офицерами.

НА НАШЕМЪ ФРОНТЕ.

Озеро СВѢТЕНЬ подъ Двинскомъ.
Вокругъ этого озера шла чрезвычайно напряженная борьба на Двинскомъ направлении.

Пленные Германцы, взятые въ бояхъ подъ Двинскомъ.
По ихъ вѣншему виду можно судить объ истощеніи германскихъ солдатъ. Тутъ же на снимкѣ наши рядовой, захватившіи одинъ пята Нѣмцевъ.

Въ сердцѣ поэта живутъ золотыя мечты.
Не отгадать, не учесть, изъ чего отлиты,
Гдѣ замыкаются звенья волшебнаго круга.
Съ жалобнымъ стономъ сплела ли ихъ
зимняя вьюга,
Или рука человѣка любовно свивала
цвѣты,
Опустошая дуга благодатнаго, теплаго
Юга?
Въ сердцѣ поэта живутъ золотыя мечты...
Что въ нихъ сокрыто? Усилъе прилежнаго
плуга
Вдаль провести борозду? Уцѣлѣвшіе чу-
домъ листы
Записей прошлыхъ, или въ дымкѣ туман-
ной черты
Необрѣтеннаго, страстно-любимаго друга?
Въ сердцѣ поэта живутъ золотыя мечты...
Гемма.

Литературныя замѣтки.

Поэтическая тѣнь *.

Казалось бы, кто сейчасъ думаетъ о поэзии?

Теперь тебѣ не до стиховъ—
О, слово русское, родное!

Теперь еще меньше, чѣмъ въ моментъ другой вѣншей грозы (крымская война), когда эти строки были написаны Тютчевымъ. Пожалуй, за все время бытія русской поэзіи, сейчасъ самая неблагоприятная для нея пора...

Поэтому можно опаздаться за судьбу осуществившагося, наконецъ, собранія сочиненій Каролины Павловой. Можетъ быть, издатели поступили бы осторожнѣе, подождать конца войны. Тѣмъ болѣе, что тутъ приходится чисто-внѣшнее для даннаго случая, но все же досадное обстоятельство: Каролина Карловна Павлова, урожденная Янинъ, была Нѣмка. Въ своей литературной дѣятельности она отчасти связана и съ нѣмецкой литературой, даже прожила послѣднія десятилѣтія своей жизни въ Германіи, гдѣ и умерла (въ Дрезденѣ) въ 1893 году, т. е. уже на нашей памяти—хотя эта наша память почти ничего другого о ней не помнитъ.

* Каролина Павлова. «Собраніе сочиненій». Два тома. М. 1915. Редакція и материалы для біографіи К. Павловой Валерія Брюсова. М. 1915. Т. 1-й. Стр. XLIX+336+VIII. Т. 2-й. Стр. 436+II. Цѣна 5 рублей.

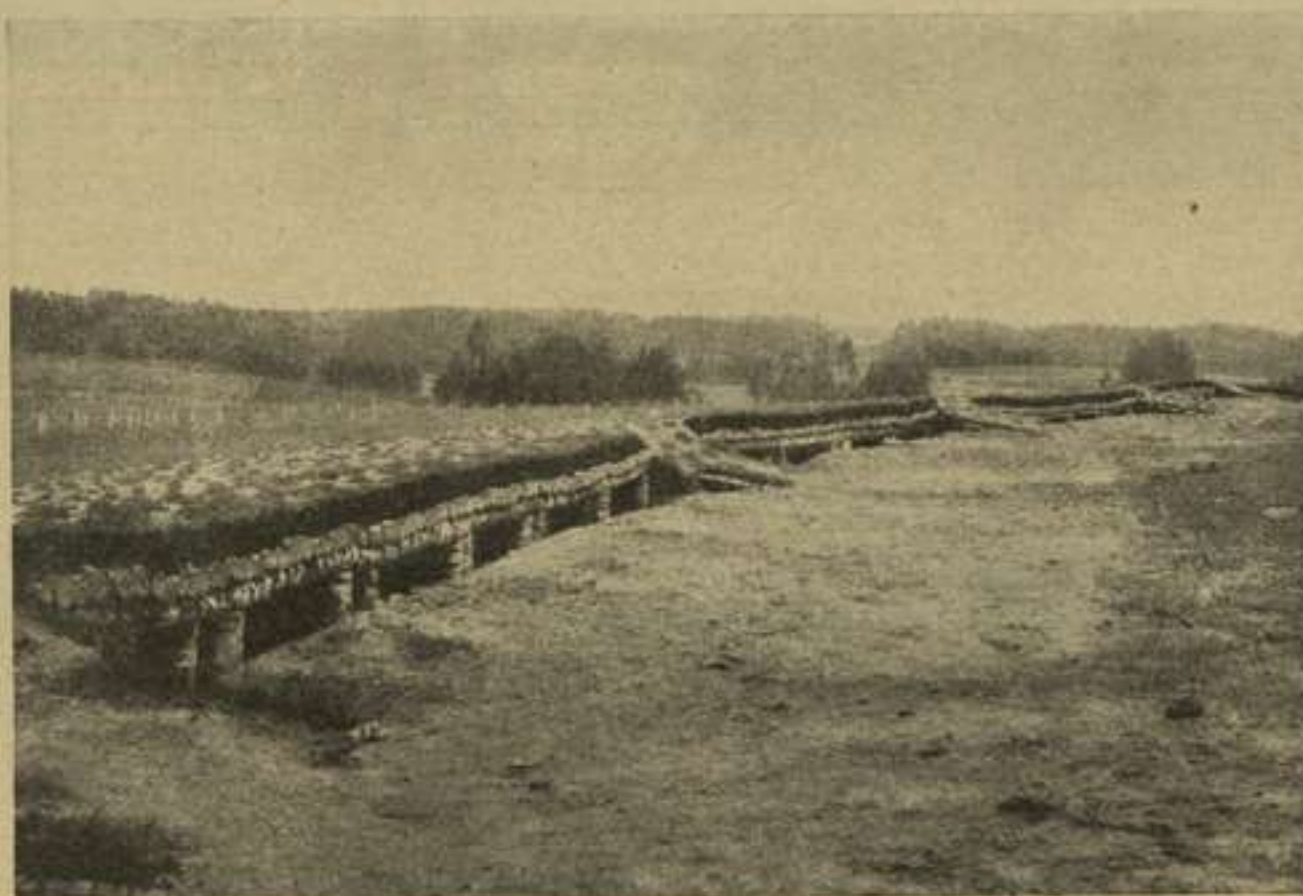
Передъ нами—тѣнь московскихъ 20-хъ, ни чувству «стихотворчества». Эту Мо- 30-хъ, 40-хъ годовъ, тѣнь пушкинской сѣву нельзя вообразить себѣ безъ Каро- и славянофильской Москвы, стараго мо- лины Павловой. Она такая же необходи- сковскаго романтизма и тогдашняго ма- мая фигура тѣхъ далекихъ перспективъ, лаго, слегка простодушнаго, слегка сан- какъ столь похожій на нее мужъ ея, тиментальнаго (что не мѣшало ни уму, знаменитый въ свое время авторъ «Трехъ

повѣстей», Н. Ф. Павловъ, выбившійся изъ низшей среды на замѣтное мѣсто въ тогданнемъ обществѣ и послѣ сражен- ный житейскимъ крушеніемъ, въ кото- ромъ коронную роль сыграла его супруга. Объ этой семейной трагедіи московскій пересмѣшникъ С. А. Соболевскій сложилъ извѣстные стишки:

Ахъ, куда ни взглянешь,
Все любви могила!
Мужа мамзель Янинъ
Въ яму посадила.
Молить эта дама,
Молить все о мужѣ:
«Будь ему та яма
Уже, туже, хуже...»

Бойкіе, злые стишки застряли въ памяти потомства,—тогда какъ собствен- ные стихи Янинъ-Павловой, когда-то такъ шумѣвшіе, которыми поочередно восхищались Баратынскій, Языковъ, Хомяковъ, Кирѣевскій, Аксаковъ, Алексѣй Толстой и другіе (а въ Германіи самъ Гете), были такъ основательно забыты, что даже любители литературы врядъ ли сразу вспомнятъ что-либо изъ нихъ. Этому способствовало почти полное отсутствіе на книжномъ рынкѣ сборниковъ поэтессы, не переиздававшихся цѣлымъ десятилѣтіемъ. Только наша, все вспоминающая эпоха (благородная, хотя, можетъ быть, и унылая ея черты!) вспомнила, наконецъ, и Каролину Павлову.

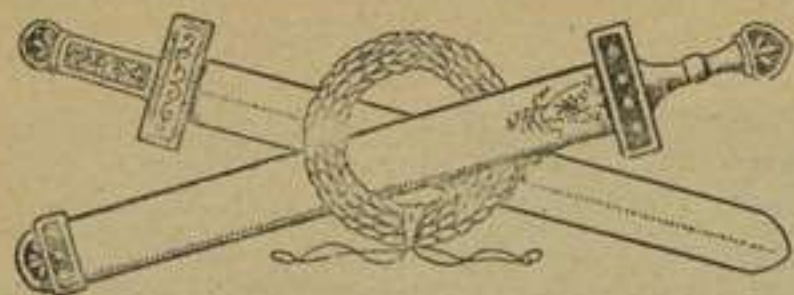
Я думаю, сама поэтесса не мечтала быть такъ изданной. Два прехорошенькихъ томикъ приятно-квадратнаго формата, съ наивно-милыми виньетками на обложкѣ, въ которыхъ все приятно: шрифтъ, бумага, силуэтныя портреты и цвѣтныя аэрографы, заставляютъ мириться съ довольно высокой цѣной. Нехорошо только, что «материалы» В. Брюсова обильно усиланы опечатками (особенно въ цифрахъ годовъ), иногда совершенно затемняющими ходъ событій. Есть и явные несообразности: осенью 1852 года въ бібліотекѣ Н. Ф. Павлова не могли быть найдены (при обыскѣ) «и «Полярныя Звѣзды», и Герценъ, и кн. Долгорукій» (стр. XXXVII). Герценъ началъ всю свою издательскую дѣятельность позже этого года; записки кн. П. Долгорукаго вышли тоже познѣе. Такъ что ссылка Павлова имѣла мотивомъ не эту находку. Непонятно также, какимъ образомъ Павловъ былъ высланъ въ мартѣ 1852 г. изъ Москвы вслѣдствіе разрыва съ женой, происшедшаго лишь осенью того же года (о чемъ говорится на одной и той же страницѣ). Сама «Каролина», какъ ее фамильярно именуетъ «Валерій», въ 1861 году «навсегда покинула родину», хотя послѣ «пирѣдка» пріѣзжала въ Рос-

Наружный видъ захваченныхъ нами нѣмецкихъ окоповъ.

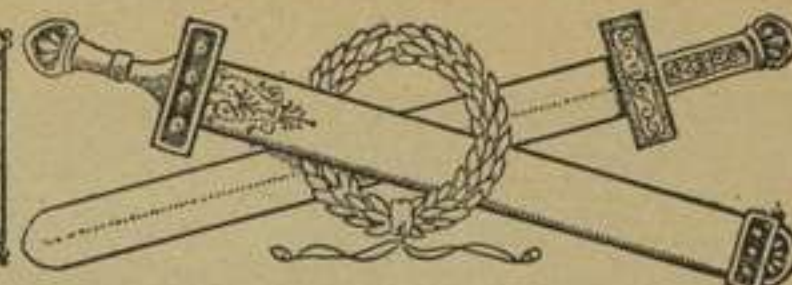

Внутренній видъ окоповъ, изъ которыхъ были выбиты Нѣмцы подъ Двинскомъ.

Павшие смертью храбрых.

Чины ведомства Главного управления Землеустройства и Земледелия.

Подпоруч.
бар. И. В. Сталь фон-Гольштейн.

Прапорщ. Н. В. Шафаловичъ.

Прапорщ. Н. В. Смирновъ.

Прапорщ. А. И. Воиновъ.

Прапорщ. И. П. Шишуновъ.

Подпоруч. П. П. Рябчинский.

Прапорщ. В. Н. Пантелеймоновъ.

Прапорщ. В. И. Лисовъ.

Прапорщ. И. С. Тюгинъ.

Доброо. Ф. А. Думбровъ.

лю». Наконец, Ал. Толстой умер не в 1879, а в 1875 году.

За то подбор самых произведений Павловой сделан достаточно тщательно и полно. Пожалуй, даже слишком тщательно (хотя предисловие и «очерчивает предель издания»). Но тут возможен «принципиальный» спор: нужны ли вообще для таких, все-таки из разряда «меньших божеств», авторов, как К. Павлова, полные собрания сочинений? Не целесообразнее ли в этих случаях ограничиваться избранными вещами, самый выбор которых можно бы предоставить достаточно компетентным лицам или (что хуже) учреждениям? Дело в том, что качество всегда враг количества, и в конце концов мы просто не читаем этих толстых томов, а в лучшем случае их перелистываем, причем пропускаем и то, что прочли бы в небольшой антологии. «Полные собрания сочинений» — это могилы писателей. «Собрать» такой мажор и найдя ему м-

сто в библиотечном некрополе, наша совесть успокаивается. Но в некрополе становится все теснее, «помянуто много» — и рано или поздно роковой вой просит встать перед нами...

Но приятные томики все-таки приятно читать... В лучших стихах Павловой есть что-то уютное — что было вообще в воздухе той эпохи. Есть у нее так же порою и мило-нескладный «дилетантский» барский язык. Есть, наконец, у этой Нёмки и настоящий московский патриотизм... Другия были тогда времена и другие Нёмцы!...

П. Перцов.

Историзм в действии.

Интересная книжка, которая многим «открывает глаза»... Как справедливо замечает автор, нынешняя война была для нас в значительной степени «сюрпризом». «Со всех сторон раздавались шумные голоса: неужели это Германия Гете, Шиллера, Канта? Что стало с добрыми Нёмцами, сентиментальными мечтателями?»...

Надо сознаться, что, хотя почти все мы добросовестно колесили по Германии и целыми стадами тянулись на водопой различных нёмецких «бадов», но к «Нёмцу» у нас, вплоть до самой войны, держалось почему-то сфашированное отношение. Вероятно, виноваты тут наши великие художники слова, так зарисовавшие современных им Карлов Ивановичей (у Толстого) и Леммов (у Тургенева), что эти врзавшиеся нам в умственное зрние образы до самого конца стояли между нами и действительностью.

* Проф. В. Бузескул. «Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия». Къ происхождению современной германской идеологии. 1915. Стр. 72. Ц. 60 коп.

и мѣшали рассмотреть по-настоящему и мѣшали рассмотреть по-настоящему.

А между тем, «увы! сентиментальность и мечтательность в Германии давно уже отошли в область безвозвратного прошлого». Вѣ Леммы подѣлились комм-вожерами, всему свѣту всучивающими свое тысячесортное «ma de in Germany», а Карлъ Ивановичъ хотя и вотируетъ за «Soci», но душа его принадлежитъ коронѣ Гогенцоллерновъ. Проф. Бузескулъ вскрываетъ въ своей книжкѣ корни этой удивительной идеологии и даетъ намъ прослѣдить, откуда идетъ такая метаморфоза.

Все дело в том, что эта «кайзерская» психология родилась не только раньше нынешнего германского кайзера (которого у нас в начале войны довольно близорукко изображали ея «родоначальником»), но раньше даже образования самой Германской империи, «гораздо раньше 1866 и 1870 гг.». В мирной, «утилитарной», раздробленной на множество мелких политических единиц, и, казалось, усердно погруженной в свои «домашние» интересы Германии первой половины XIX вѣка вдругъ появляется одинъ за другимъ цѣлая плеяда «патриотическихъ» историковъ. И «патриотизмъ» этихъ, действительно, блестящихъ людей — всѣхъ этихъ Ранке, Зибелей, Гейсеровъ, Давовъ, Штраусовъ, Моммзеновъ, Россовъ, Кинкелей, Дройзеновъ и Дункеровъ, — есть нечто другое, какъ предчувствіе, ожиданіе и жажда современного германскаго империализма. А въ ожиданіи идетъ подготовка и расчищеніе ему путей, посредствомъ проповѣди все-нѣмецкаго націонализма и въ частности культъ прусской военной монархіи. «Малая Азія отъ Синопа до Кипра предназначена Нёмцамъ, и рѣшеніе судебъ исполнителя!»

Когда написана такая «современная» фраза? Она находится въ «путевыхъ письмахъ» Людвигъ Росса (по профессіи археолога и «знатока греческихъ надписей»), изданныхъ еще въ 1850 году! «Болгарія въ сущности нѣмецкая колонія» (ее предполагалось заселить Нёмцами) — такое опредѣленіе создано въ нѣмецкомъ умѣ еще за 20 лѣтъ до того, какъ русскіе Донъ-Кихоты двинулись съ сѣвера осробождать будущихъ предателей-братушекъ. Уже въ 1858 году, чуждый всякаго донъ-кихотства, «реалистическій» нѣмецкій Санчо-Панса поставилъ самъ себя этотъ тезисъ и «ganz gemütlich» принялся его осуществлять съ той настойчивостью и упорствомъ, которыя еще Гоголь отмѣтилъ у своего Шиллера изъ «Невскаго проспекта».

И вотъ вся эта неожиданная картина, которая теперь развертывается передъ нашими глазами, и всѣ «сюрпризы» новейшей германской мегаломании есть въ сущности ничто иное, какъ лишь перешедшій

Прапорщ. П. А. Ярошенко.
Награжд. Георг. кр. 3 и 4 степени и мед. на Георг. лентѣ.

Ефр. И. А. Богунъ.
Награжд. Георг. кр. 4 степени.

въ практическую активность задолго опредѣлившись германскій (точнѣе, прусскій) теоретизмъ. Много разъ въ исторіи было отмѣчено, что французская революція была практическимъ приложеніемъ «просвѣтительной» французской философіи XVIII вѣка («раціонализмъ въ дѣйствіи») — по извѣстному выраженію Ю. Самарина). Теперь мы имѣемъ передъ собой второй грандіозный примѣръ той же исторической истины: что такъ называемыя «отвлеченныя идеи» предшествуютъ реальнымъ фактамъ и опредѣляютъ ихъ собою. Вся современная германская политика — это по-истинѣ прусскій «историзмъ въ дѣйствіи».

Проф. Александръ Влад. — серверъ, работающій на театрѣ военныхъ дѣйствій съ начала войны въ должности старшаго врача одной изъ воинскихъ частей.

За отличія въ боюхъ противъ Германцевъ награжденъ: мечами кр. орд. Станислава II-ой степ., орд. св. Анны II-ой степ. съ мечами и орд. св. Владимира IV-ой степ. съ мечами и бантомъ.

И какъ всегда это бываетъ въ развитіи какого-нибудь духовнаго процесса, — въ концѣ концовъ появляется лицо, какъ бы синтезирующее въ себѣ весь предыдущій процессъ и выражающее его въ наиболее яркомъ и законченномъ видѣ. Такой фигурой стоитъ послѣдній въ ряду германскихъ и прусскихъ «боевыхъ» историковъ-политиковъ, глухой ораторъ, энтузіастъ-профессоръ, своего рода «апостолъ, правовѣрѣ котораго состояло въ прославленіи гогенцоллернскихъ учрежденій» — знаменитый Трейчке. Почти неизвѣстный у насъ (мы все еще занимались «Гейне и Берне», какъ «представителями Германіи»), этотъ прусскій «исторіографъ», своего рода Карамзинъ современной Пруссіи, является официально ея философомъ въ гораздо большей степени, нежели былъ когда-то Гегель. Жаль, что проф. Бузескуль сравнительно мало остановился на этой замѣчательнейшей и характерной фигурѣ. Такая люда, какъ настоящія «les oiseaux sinistres», появляются не случайно и не даромъ проносятся надъ своей эпохой. За 20 лѣтъ профессорства въ Берлинѣ (1875—1895) Трейчке пропиталъ рядъ студенческихъ поколѣній своимъ военнымъ «мессіанизмомъ» и болѣе, нежели кто-либо другой, создалъ современную тевтонскую идеологию «бронированнаго кулака».

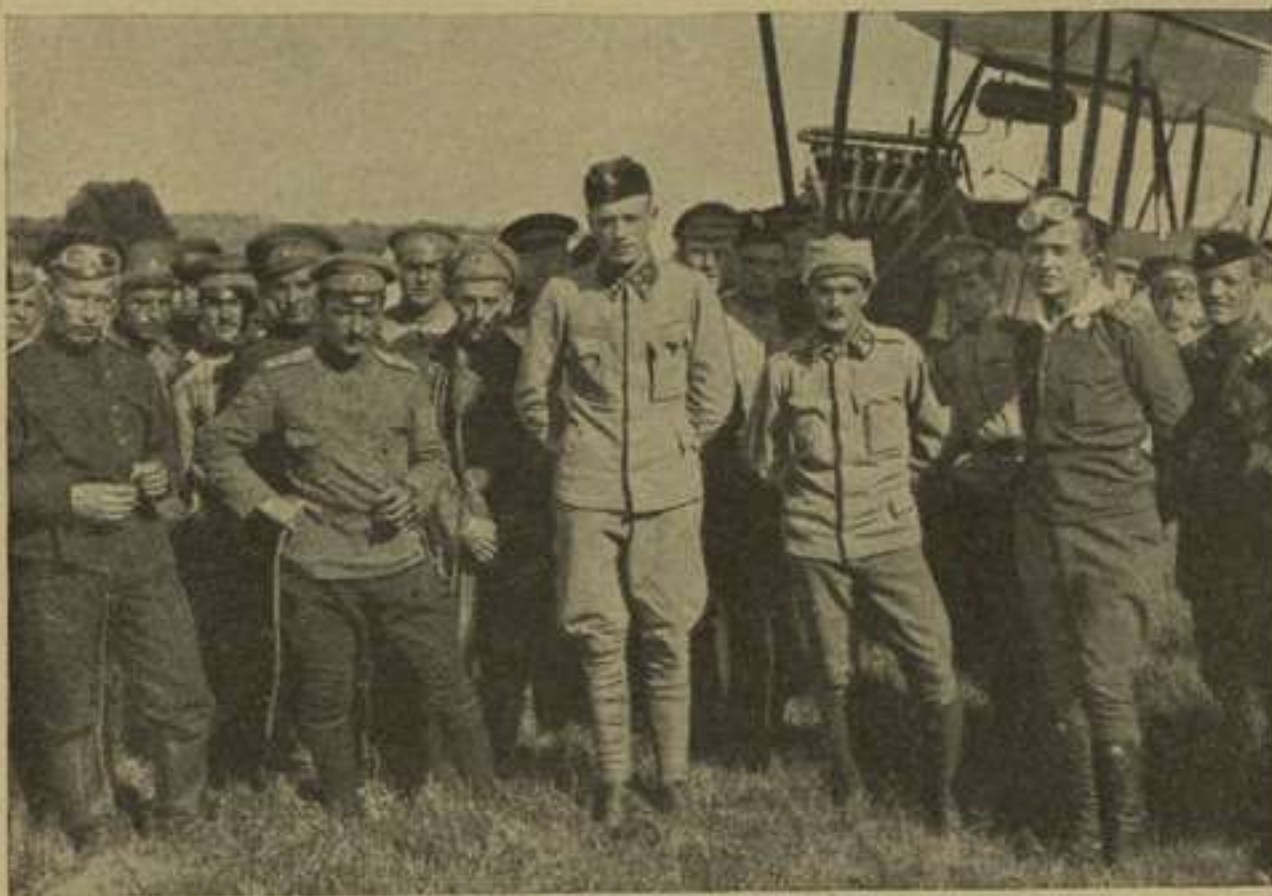
Да, — и все это можно было бы знать заранее, со всѣмъ этимъ сосчитаться во-время, если бы... если бы мы умѣли крестить раньше грозы!..

Исторія Отечественной войны *

Сравненіе между нашествіемъ на Русь полчищъ Австро-Германцевъ и войною 12-го года, несмотря на то, что въ усло-

* К. Н. Корольковъ. *Отечественная война 1812 года*. Удостоено преміи имени графа С. А. Строганова. Изданіе комисіи по заведенію капиталовъ имени графа С. А. Строганова. Петроградъ. 1915 г. Стр. 252. Цѣна не обозначена.

НА НАШЕМЪ ФРОНТѢ.

Георгиевскіе навалеры: военный лѣтчикъ поруч. Понровскій и его наслѣдатель корнетъ Глонскій возлѣ плѣннаго ими послѣ упорнаго воздушнаго боя непріятельскаго аэрплана съ австрійскими лѣтчиками.

Фот. худ. Викт. Адена.

віяхъ и обстановкѣ этихъ двухъ историческихъ событій есть много несходнаго, невольно напрашивается въ голову, и не даромъ всѣ тѣ, которые стремятся уяснить себѣ какъ можно лучше смыслъ разыгрывающейся мировой драмы, съ жадностью набросились на исторію алополучнаго похода Наполеона въ сердце Россіи. Такъ какъ спеціальныя труды по этому предмету мало доступны большинству публики, то вопліи отвѣчающей потребности времени слѣдуетъ признать книгу г. К. Н. Королькова, дающую простую и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно отчетливую картину Отечественной войны 1812 года. Главные моменты великой борьбы изображены настолько рельефно, что читателю не представляется большого труда провести параллель между современностью и тѣмъ, что было 100 лѣтъ назадъ, и сдѣлать изъ прошлаго нѣкоторые выводы, поучительные для настоящаго. Мы живо можемъ ощущать то чувство глубокой скорби, которое овладѣло всѣми сердцами при вѣсти о рѣшеніи оставить Москву непріятелю. По свидѣтельству современника, всѣмъ казалось въ то время, «что Россія отрелась отъ самой себя, что она созналась въ своемъ безсиліи и складывала оружіе передъ гордымъ побѣдителемъ». Но урокъ прошлаго даетъ намъ право съ большою увѣренностью загля-

дывать въ будущее, чѣмъ могли это дѣлать современники Наполеоновскаго похода, и не придавать того значенія уступкѣмъ тѣхъ или иныхъ, хотя бы и дорогихъ намъ по историческимъ воспоминаніямъ, мѣстностей, какое придавалось тогда, такъ какъ у насъ есть увѣренность въ томъ, что все это временно. Черты сходства съ настоящимъ особенно проступаютъ, когда мы бросимъ взглядъ на то, какое влияние оказала «тяжкій млатъ» иноплемennаго нашествия на отношенія другъ къ другу различныхъ общественныхъ классовъ. «Духъ добраго согласія, — говоритъ авторъ книги о войнѣ 12-го года, — духъ христіанской любви началъ водворяться между всѣми сословіями. Тяжкія бѣдствія, способныя свергнуть другой народъ въ бездну отчаянія, пробудили, оживили въ народѣ русскомъ твердую, безграничную вѣру въ Божественный Промыселъ. Эта вѣра не слабѣла, а, напротивъ, росла и крѣпла по мѣрѣ развитія несчастныхъ событій. Подъ влияніемъ общаго горя и пробудившагося религіознаго чувства прекратились всѣ старые счеты, всѣ ссоры и неувольствія». Далѣе авторъ описываетъ, какъ энтузіазмъ къ дѣлу избавленія отечества отъ врага обнаружился тогда съ одинаковою силою во всѣхъ, даже самыхъ отдаленныхъ, уголкахъ Русской

земли: «всѣ народности, входившія въ составъ имперіи, соперничали въ заявленіяхъ преданности общему отечеству, въ готовности жертвовать для его спасенія всѣмъ своимъ достоинствомъ и самою жизнью». Авторъ удѣляетъ должное вниманіе и дѣятельности партизановъ, столь много способствовавшей окончательному освобожденію отечества отъ врага, причемъ не забываетъ и такихъ опытовъ партизанской борьбы, каковы были, напримеръ, попытка ярославскаго архіепископа Антонія, ожидавшаго, что непріятель изъ Москвы пойдетъ на сѣверъ Россіи, вооружить семинаристовъ «дрекотомъ»: «Владыка немалое упованіе возлагалъ и на плѣніе семинарскихъ бабъ, сравнивая ихъ съ мѣдными тру-

Военный электротехникъ шт.-капит. Георгъ Александръ Федоренко.

Въ составѣ войскъ, записавшихся въ полкъ Германцевъ, былъ взятъ въ плѣнъ Германцами; изъ плѣна бѣжалъ переодѣвшись въ штатское платье, взятое у крестьянъ. Во время побѣды изъ плѣна, въ 15 дней прошелъ 400 верстъ, послѣ чего 28 августа вышелъ на линію нашихъ войскъ въ районѣ Пинскихъ болотъ. При возвращеніи изъ плѣна былъ представленъ Государю Императору.

бами, отъ звуковъ которыхъ пали Герионскія стѣны: смутится-де кроваваго непріятель, когда ярославскіе басы заорутъ передъ нимъ совершенно ко-ирихонски».

Вѣднѣность книги, иллюстрированной множествомъ портретовъ участниковъ Отечественной войны, вполне удовлетворительна; не совсѣмъ умѣстной является только обложка (доставшаяся, вѣроятно, по наслѣдству отъ одного изъ старыхъ изданій въпустившаго книгу издательства), на которой изображены море, плывущій по волнамъ корабль и два матроса, стоящіе на стражѣ у триумфальной арки. Все это вовсе не вяжется съ едва ли не самой сухопутною изъ войнъ, каковыя намъ приходилось вести за время существованія Россійскаго государства.

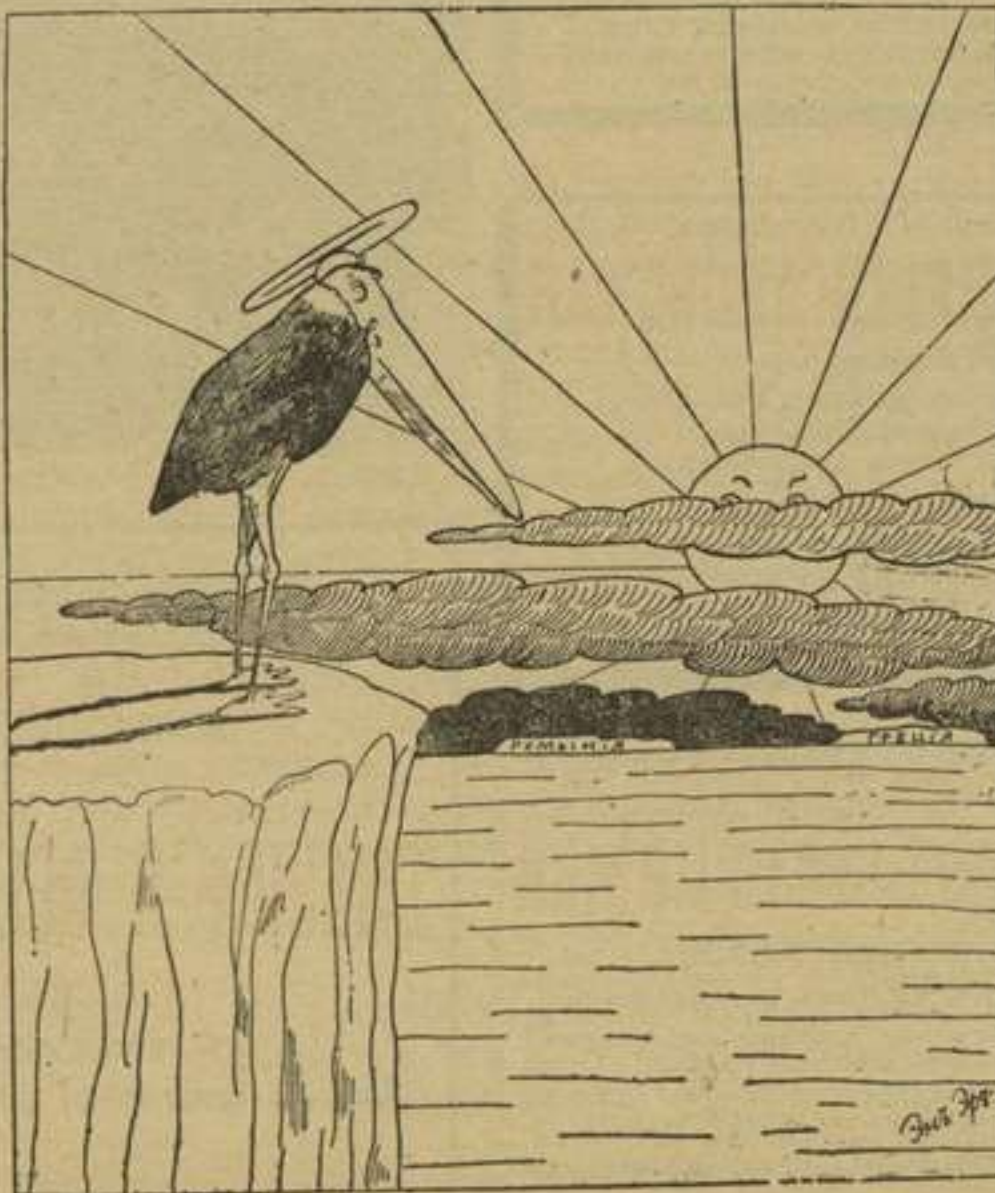
Н. Н. В.

Мелочи.

Семейныя добродѣтели кайзера Вильгельма.

Изъ печати нашихъ союзниковъ удѣляется много вниманія главному герою европейскаго кровопролитія — кайзеру Вильгельму. Очень интересны и поучительны его отношенія въ родной семьѣ, къ отцу и матери, къ которымъ онъ при-мѣнялъ ту же политику «безъ сантиментальностей», которая провозглашена имъ и въ настоящую трагическую эпоху по отношенію къ воюющимъ державамъ.

Подробности этой семейной драмы Гогенцоллерновъ служили въ свое время причиной всеобщей антипатіи всѣхъ королевскихъ лицъ Европы къ молодому принцу Вильгельму. Юный принцъ питалъ безпредѣльное уваженіе къ дѣду своему Вильгельму I, сумѣвшему разгромить Францію и стать германскимъ императоромъ. Глубокое презрѣніе, именно презрѣніе, чувствовалъ онъ зато къ своему несчастному больному отцу, который стоялъ между нимъ и завѣтнымъ престоломъ Германской имперіи. Это презрѣніе выразилось въ его безсердечной и дерзкой выходкѣ, когда онъ отпирившись, по наущенію Бисмарка, къ больному принцу въ Санъ-Ремо и предложилъ ему отказаться, въ виду слабаго здоровья, отъ своихъ правъ на престолъ, передавъ ихъ ему, Вильгельму. Произшла бурная сцена между нимъ и его ма-

На горизонтѣ тучи... Какъ бы грозы не было!

Кар. Энз-Эра.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14240

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 31-го ОКТЯБРЯ (13-го НОЯБРЯ) 1915 ГОДА.

№ 14240

Александръ Васильевичъ КРИВОШЕИНЪ. (См. №№ 14236 и 14237 «Нов. Вр.»).

Съ грав. В. В. Матъ.

У камина.

У камина порой хорошо говорить,
Въ это время такъ сердце открыто
И такъ хочется горе земное забыть
И забыть все, что было прожито.

Догораютъ дрова. Красноватый отсветъ
Проблещаетъ по лицамъ склоненнымъ,
И такъ близко безумья волнующій бредъ
Душамъ близкимъ и тайно-влюбленнымъ.

Быстро, быстро, каминъ угаснуть огни
Въ нихъ тепло и отсветы ловите—
Въ мракъ жизни пустой, среди вѣчной тѣни,
Близкихъ душъ здѣсь слетаются нити.

Надо чутко беречь этотъ радостный часъ,
Пусть беретъ его каждый, кто смѣетъ,
А не то радость счастья на сердцѣ у насъ
Какъ каминъ, догорѣвъ, охладѣетъ.

Кв. Федоръ Косаткинъ-Ростовскій.

Я и окъ.

Со смерти Анатолія Вонсовскаго прошло мѣсяць.

Я пишу о немъ большую критическую статью, и пишу не потому только, что я критикъ по профессіи, а потому еще, что съ самой первой нашей встрѣчи Анатолій Вонсовскій занялъ первенствующее мѣсто въ моей жизни.

Онъ занялъ меня собою, своей личностью, своимъ талантомъ. Я поклонился ему, писалъ о немъ, отвоёвывалъ его противъ пристрастныхъ сужденій въ печати; онъ былъ моимъ другомъ, моимъ мнѣ, что внутренне она принадлежала моему первому мужу.

Она не перенесла оскорбленія его имени (ихъ было нѣсколько), ея гордость не могла простить этого, ея сердце не могло дѣлать привязанности, она была тронута и признательна мнѣ за мое искреннее чувство, и все же, для ея души, ея женскаго чувства, женскаго влеченія, я былъ человѣкомъ второго плана.

Я заслуживалъ уваженія и знаковъ вниманія, я не оскорблялъ ее, не мучилъ, уважалъ, любилъ, но ничего въ Судьба возмущаетъ иногда непосильную тяжесть на плечи одного человѣка и ей не зажить.

и дѣлаетъ изъ него безвременно надорванную лошадь.

Судьба ставитъ на дорогѣ нѣкоторыхъ людей роковыхъ спутниковъ, которыхъ нельзя забыть, которыхъ, покинувъ міръ, все продолжаютъ бродить, какъ безпріютные, не дающие покоя ни себѣ, ни другимъ, скитальцы.

Двадцать лѣтъ назадъ, когда Зоя ушла отъ него и дала мнѣ свое согласіе, съ самыхъ же первыхъ мѣсяцевъ нашей жизни я съ ужасомъ, увидѣлъ, что эта женщина, которую я навсегда, безповоротливо, навсегда внутренне чуждаю, которую я навсегда, безповоротливо, навсегда внутренне чуждаю, которую я навсегда, безповоротливо, навсегда внутренне чуждаю.

Она не перенесла оскорбленія его имени (ихъ было нѣсколько), ея гордость не могла простить этого, ея сердце не могло дѣлать привязанности, она была тронута и признательна мнѣ за мое искреннее чувство, и все же, для ея души, ея женскаго чувства, женскаго влеченія, я былъ человѣкомъ второго плана. Я заслуживалъ уваженія и знаковъ вниманія, я не оскорблялъ ее, не мучилъ, уважалъ, любилъ, но ничего въ Судьба возмущаетъ иногда непосильную тяжесть на плечи одного человѣка и ей не зажить.

Я зналъ ея серьезную, сильную натуру, я могъ быть спокойнымъ, что она не побѣжитъ назадъ, лишь ее кликнуть (да людей роковыхъ спутниковъ, которыхъ нельзя забыть, которыхъ, покинувъ міръ, все продолжаютъ бродить, какъ безпріютные, не дающие покоя ни себѣ, ни другимъ, скитальцы).

И временами я такъ мучился ревностью, что готовъ былъ сказать:

— Лучше уйди!

Я ревновалъ къ журнальнымъ статьямъ, въ которыхъ она—я это видѣлъ—съ неизмѣннымъ жгучимъ интересомъ не разлюбившей женщины, читала критику или сообщенія о жизни, дѣятельности своего перваго мужа, я ревновалъ ее къ его музыкѣ, и старой, и въ особенности, къ новой, которую мы оба покупали, и которую она играла такъ талантливо, съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ чуткимъ угадываніемъ мысли автора.

И я садился слушать, я любилъ слушать, я считалъ обязанностью слушать. Въ во мнѣ сидѣтъ музыкантъ, критикъ, т.е. человѣкъ, обязанный знакомиться съ произведеніями другихъ, разбирать ихъ характеръ, обязанный быть безпристрастнымъ. И ея первый мужъ былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ моихъ современныхъ композиторовъ.

— Да, это удивительно!—говорилъ я иногда, слушая эту Зоя, и видя ея лицо, лицо увлеченной женщины, поблѣд-

Генерал-отъ-инфантеріи А. Е. ЗВЕРЬ.
Награжденъ орденомъ св. Георгія 3 ст.

инстинкты, нѣтъ! Я зналъ, что это тотъ хаосъ души, который клубится въ нѣкоторыхъ артистическихъ натурахъ, способныхъ много и сильно творить, и почти лишенныхъ способности рассуждать, натурахъ нетерпѣливыхъ, не расчетливыхъ, расточительныхъ, сжигающихъ жизнь другихъ и свою собственную.

Иногда я испытывалъ чувство злой радости, если что-либо неудачное выходило изъ-подъ его пера, если сообщалось о его неуспѣхѣ. И я подчеркивалъ это слишкомъ радостно въ моихъ статьяхъ о немъ.

Но сейчасъ же я опомнился, мнѣ стало стыдно за себя. И опять эта видимая, мелкая радость унижала меня же въ глазахъ Зои.

Я видѣлъ тяжелый, холодный, скрывающій ее отъ меня, взглядъ, когда Зоя читала такую мою статью. И опять я чувствовалъ, что она раздѣлена. И въ слѣдующій разъ, въ моихъ похвалахъ ей первому мужу, я впадалъ въ противоположную крайность.

III.

Такъ какъ мы оба служимъ искусству, то, не касаясь никогда Вонсовскаго, (какъ будто это ничего ей не стоитъ), она интересуется его произведеніями, его талантомъ.

И тотъ же тонъ держится мною. Я не первый встрѣчный. То, что я пишу, серьезно, съ уваженіемъ прочтутъ.

И тотъ же тонъ держится мною. Я не первый встрѣчный. То, что я пишу, серьезно, съ уваженіемъ прочтутъ.

2-го Лейбъ-Гусарскаго Павлоградск.
полка шт.-ротм. Г. В. Левенецъ.
Награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ за то, что въ бою 7 августа 1914 г. подъ гор. Гумбиненомъ пробрался съ разбѣдомъ въ тылъ непріятельскаго расположения, взялъ въ плѣнъ германскаго офицера, произвелъ отличную развѣдку и вообще оказалъ незаменимую услугу 29-й пѣхотной дивизіи.

— Да, да, удивительно, гениально! Генисты!..
Что такое ревность?
Боязнь потерять? Нѣтъ: боязнь раздѣлить.

И горе тому, кто боится!
Кажется, не было ни одного дня за всю нашу жизнь, чтобы я не чувствовалъ этого раздѣла.

Я никогда не высказывалъ этого Зоѣ, я боялся оскорбить этимъ и ее, и самого себя.

Развѣ поведение Зои не безупречно? И развѣ тотъ внутренній огонь, который я неизменно вижу въ ее глазахъ, не потухающій огонь страстнаго чувства къ ея первому мужу, огонь, который она таитъ, въ которомъ, быть можетъ, стыдился бы признаться, — развѣ онъ давалъ мнѣ право дѣлать ей сцены, упрёки?

За что?
Упрекать ея душу?

И было еще другое, противорѣчащее моему ревности чувство во мнѣ самомъ: моя любовь къ искусству, мое восхищеніе талантомъ соперника.

Этотъ талантъ и восхищеніе меня и унижали въ ее глазахъ. Я, когда-то близкій съ Вонсовскимъ, я зналъ его душу, я не упрёкалъ его за отсутствіе такихъ-то и такихъ-то добродѣтелей, я зналъ, что его странности, его увлеченія, его пороки — не мелочные, холодноразвратные

Норикъ Евг. Евг. ГОЛУБОВЪ.
Тяжелъ контуженъ.

зается Зоѣй. Но мои статьи для нея — нашъ порядочный, уважаемый домъ.

Музыка Вонсовскаго для нея — лунный садъ, куда она, влюбленная, идетъ тайно мечтать и наслаждаться въ задумчивыхъ лучахъ.

Я знаю, — если бы начать открытый разговоръ, то она, со своей непреклонной твердостью и смѣлостью, сказала бы:

— Ну, да. Я не скрываю. Если нужны точки на і — да, раздѣленіе есть, но почему же данъ гениальному должна раздражать и унижать умнаго и честнаго человека?

И видъ это справедливо. И отчего не высказать это? Не согласиться съ этимъ?

Но я знаю, — начини я такой разговоръ, языкъ, которое чувствовало столько серзототъ отбѣтъ изъ ея устъ поднялъ бы децъ — оно и покорило навѣки сердце Зои. Во мнѣ все ненавистническое чувство мужчины, влюбленнаго въ женщину и боящагося ее раздѣлить.

Я бы закричалъ:
— Ты высказалась, ты не моя, ты благодарю.

И оба мы бы почувствовали, что наша жизнь надорвалась.

Генералъ Д. Г. ШЕРЕЧЕВЪ.
Награжденъ орденомъ св. Георгія 3 ст.

И я начиналъ нѣтъ въ такіе минуты, ни съ того, ни съ сего, глупо-веселые мотины, и даже, боясь потерять ее, смотрѣлъ ей въ глаза жалкимъ, заискивающимъ взглядомъ.

И когда, въ минуты страсти, я протягивалъ руки, и ихъ не отталкивали, я упалъ къ ногамъ, ослѣпленный и униженный. Я бы не могъ сказать, что Зоя торжествовала это чувство своего владычества надо мною. Торжествуютъ, видя покоряющуюся силу. А гдѣ же эта сила во мнѣ?

Газеты все еще наполнены Вонсовскимъ. Начинаютъ появляться воспоминанія о немъ, характеристики. Моя статья готова, она только пересматривается мною, и такъ какъ все, что я пишу, я читаю — предварительно Зоѣ, то эта статья ждала въ особенности ея суда.

Она произвела хорошее впечатлѣніе на Зою. Я подмѣчалъ не разъ выраженіе удовольствия, гордости, даже счастья въ ее глазахъ. Гордости и счастья

Но по окончаніи она, оцѣнивъ все безпристрастіе моей критики, всю добросовѣстность изученія произведеній, стили композитора, все еще, я видѣлъ, хотѣла чего-то.

— Какъ вѣрно, какъ тонко ты понялъ его чувство жуткой, загробной тоски, его новую манеру давать фантастическое въ музыкѣ съ какими-то страшными психическимъ бредомъ галлюцинаціи Эдгара По. Но, мнѣ кажется, опущена тобою одна существенная черта его таланта, самая цѣнная, самая характерная.

И цитируетъ мою статью:
«Вонсовскій — это тотъ современный, усложненный тончайшей паутиной внутреннихъ вопросовъ и стремленій, ищущій шестое чувство художникъ...»

— Это прекрасно, это вѣрно, это — онъ. Но забыто главнѣйшее, — блѣднѣтъ страшнаго возбужденія и восторга передъ нимъ, прибавила она, — это то «очарованіе печали», которымъ полны самыя вдохновенныя, высокія и доступныя сердцу его страницы.

И это было такъ вѣрно! Именно этого не доставало моей статьѣ.

Зоя однимъ этимъ опредѣленіемъ дополнила и оцѣнила самую существенную сторону таланта Вонсовскаго.

И это «очарованіе печали» въ его музыкѣ — оно и покорило навѣки сердце Зои.

— Какъ хорошо ты сказала! — воскликнулъ я. — Ты, собственно, этимъ сказала все. Моя статья не имѣетъ цѣны безъ твоего опредѣленія. Беру его у тебя и

Моя статья вышла. Она имѣла большой успѣхъ, ее цитировали въ нѣсколькихъ

изданіяхъ. Теперь предполагается издать письма Вонсовскаго. И къ Зоѣ явился съ предложеніемъ по этому поводу.

Я не принимаю участія въ этихъ переговорахъ. Письма ея перваго мужа къ ней — это ея замкнутый міръ.

Я зналъ содержаніе нѣкоторыхъ, тѣхъ, которые касались вопросовъ искусства. Это были письма первой поры ихъ знакомства. На этой перепискѣ, первоначально возникшей только изъ-за общихъ интересовъ въ искусствѣ, начала ткать свою тонкую и прекрасную, нѣжную ткань молодая любовь.

Я цитировалъ изъ этихъ писемъ нѣкоторые взгляды Вонсовскаго въ моей статьѣ.

Помню одно Р. С. въ письмѣ: «А что вы дѣлаете сейчасъ? Вотъ въ эту минуту? Что думаете? Куда смотрите?»

Это уже была любовь. Такъ и кралась между словъ желаніе видѣть, скрытая нѣжность, нетерпѣніе, любопытство.

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ КАУФМАНСКОЙ
ОЕЩИНЫ, УДОСТОВЕРЕННЫЯ НАГРАЖДЕНІЯ
ГЕОРГІЕВСКОЮ МЕДАЛІЮ ЛИЧНО ГОСУ-
ДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ.

Марія ГГДЗ.
Награждена Георгіевскою медалью 4 ст.

Там. Норн. ТХОМИЧЕВСКАЯ.
Награждена Георгіевскою медалью 3 ст.

Нат. Ав. ДОЛГОРУКОВА.
Награждена Георгіевскою медалью 3 ст.

ВЪ ПАМЯТЬ ПАВШИХЪ ГЕРОЕВЪ.

Временная церковь на братском кладбище въ Царскомъ Селѣ, освещенная 4 октября.
Авторъ проекта и строитель храма гражданскій инженеръ С. Ю. Сидорчукъ.

Когда теперь она начала работу пере-
смотра писемъ, чтобы сдѣлать выборъ для
печати, когда съ ними запираются у себя,—
минѣ кажется, мертвое оживаетъ и со стра-
нищъ этихъ, скрытно отъ меня шелестя-
щихъ писемъ, ея уста, ея сердце пьютъ
тайную пѣну вина любви.
Это манія.
Ну, да, знаю.
И ей пѣть излеченія!..

Н. Вильде.

Литература о Вильгельмѣ II.

Живой анахронизмъ.

Докторъ Кабанесъ называетъ Вильгель-
ма II живымъ анахронизмомъ, императо-
ромъ XVI столѣтія въ началѣ XX, способ-
нымъ использовать современныя силы, но
не повѣсть духа своего времени. («Cet
empereur du seizième siècle au commence-
ment du vingtième est capable d'utiliser les
forces modernes, mais non de comprendre
l'esprit de son temps»). Все современное,

* Литература о Вильгельмѣ II «Folie
d'empereur» par le docteur Cabanès.
«Безуміе императора», соч. д-ра Каба-
неса.

Полковн. А. А. УСОЛЬЦЕВЪ.
Убитъ.

кромѣ крупновскихъ пушекъ, разумѣется,
ему противно. Онъ не могъ простить Вир-
хову его либеральныхъ идей и въ день се-
мидесятилѣтняго юбилея знаменитаго ги-
столога обходить его молчаніемъ, посылая
въ этотъ день письмо съ выраженіемъ вы-
сшихъ любезностей и благодарности ни-
чтожному общественному дѣятелю, отли-
чавшемуся крайнимъ реакціонерствомъ.

Въ религіозной области онъ ни лютера-
нинъ, ни католикъ. Все зависитъ отъ
обстоятельствъ. У него есть «старый
богъ», которому онъ поклоняется, богъ
скандинавовъ, древнеязыческая троица
Одина, Тора и Фригги, богъ жестокой, тре-
бующій кровавыхъ жертвоприношеній и
Вильгельмъ только благоговѣйный испол-
нитель его воли, онъ только ему и даетъ
отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ.

«Système comode, en vérité. Nulle obli-
gation de justifier les actes les plus mon-
strueux puisque le Dieu qu'ils inspire a des
destins insondables, qui, pour être compris et
justifiés, ont la durée de l'Eternité» (Cabanès).

Вильгельмъ играетъ своимъ богомъ, какъ
ему вздумается.

Въ 1897 году въ Кобленцѣ онъ произ-
носитъ рѣчь, въ которой, буквально, вы-
ставляетъ свою кандидатуру въ вице-ко-
роли неба. Въ другой разъ онъ называетъ
Всемогущаго союзникомъ Пруссіи при Рос-
бахъ и Денневитцѣ, занимающагося дви-
женіемъ тучъ и солнечныхъ лучей во сла-
ву прусскаго монарха.

Можно подумать, что онъ примѣняетъ
къ себѣ слова умирающаго Діоклетіана:
«Мнѣ кажется, что я становлюсь богомъ». Въ
своей семьѣ онъ не пользуется чув-
ствомъ привязанности. Сестра называетъ
его «шарлатаномъ». Тестъ говоритъ, что
никогда не знаешь, чего онъ хочетъ. Им-
ператрица говоритъ, что онъ слишкомъ по-
спѣшанъ («so plötzlich»). Въ семьѣ
Вильгельма, не стѣняясь, смѣются надъ
его маніей «самобогостворенія».

«Я все жду,—говоритъ одна изъ его се-
стеръ,—что скоро онъ пригласитъ, подобно
одному римскому императору, считавшему
себя божествомъ,—Луну раздѣлять свое
ложе».

Она говорила о Калигулѣ.

Вильгельмъ имѣетъ множество чертъ,
общихъ съ преемникомъ Тиберія. Когда,

дѣтъ десять назадъ, въ Германіи появил-
ся историческій этюдъ о римскомъ корон-
ванномъ безумцѣ, многие соотечественники
Вильгельма узнали его въ Калигулѣ.

Светоній, говоря о вѣнѣности Калигу-
лы, сообщаетъ подробности о физической
слабости нѣкоторыхъ его членовъ:

«Его лѣвая сторона: бедро, ляжка, нога
были слабы, онъ прихрамывалъ по време-
намъ и укрѣплялъ слабыя части, прикла-
дывая горячій песокъ и измельченный
тростникъ». Происхожденіе этой слабости
лѣвой стороны тѣла у Калигулы можно
найти въ наслѣдственной въ семьѣ Августа
неустойчивости центральной нервной си-
стемы, въ особенности въ нисходящей муж-
ской линіи. Въ Кай Калигулѣ она проявля-
лась рѣзче, чѣмъ у его предшественниковъ.

У Вильгельма задержанъ въ своемъ раз-
витіи лѣвый верхній органъ: рука. Но не
только рука, но и вся лѣвая сторона тѣ-
ла кайзера значительно атрофирована.

Принцессъ Фредерикъ, матери Вильгель-
ма, было 18 лѣтъ, когда онъ появился на
свѣтъ. Она была слаба и нервна. Графиня
фонъ-Еппингхоффъ, бывшая въ теченіе де-
сяти лѣтъ близкой придворной дамой им-
ператрицы, рассказываетъ въ своихъ ме-
муарахъ о рожденіи Вильгельма слѣдую-
щее: придворный акушеръ-докторъ Мар-
тэнъ былъ вызванъ личнымъ врачомъ
принцессы, Англичаниномъ, въ 8 часовъ
утра, такъ какъ роды приближались. Ла-
кей же, которому поручили отнести пись-
мо доктору, бросилъ его въ почтовый
ящикъ, и вслѣдствіе этого только въ по-
ловинѣ второго докторъ Мартэнъ могъ
явиться во дворецъ къ роженцу. Онъ уви-
дѣлъ, что уже поздно дѣлать то, что мож-
но было сдѣлать нѣсколькими часами ранѣ-
ше. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ
принцессу считали погибшей, и когда ре-

Подпоруч. В. Н. ДЕДУЛИНЪ.
Палъ смертью храбрыхъ.

бенюкъ появился на свѣтъ, онъ получалъ
легкое пораненіе въ лѣвую руку, которая
казалась какъ бы раздавленной, начиная
отъ локтя. Лѣвая рука Вильгельма короче
правой, пальцы находятся въ полуразви-
томъ состояніи, вся рука настолько без-
сильна, что кайзеръ часто принужденъ
поднимать ее при помощи правой, чтобы
положить ее на эфесъ сабли. Въ такомъ
положеніи, или въ карманѣ, Вильгельмъ
держитъ лѣвую руку, когда не на лошади.
На лошади онъ держитъ лѣвой поводья, но
управляетъ конемъ правой или коблѣми.

Пять лакеевъ, предназначенныхъ одѣ-
вать и раздѣвать императора (а одѣвается
онъ по нѣскольку разъ въ день), являются
сущими жертвами его убожества. Когда им-
ператоръ одѣвается быстро и, мѣняя пан-
талоны, становится на лѣвую ногу, лакеи
бросаются его поддерживать, чтобы его ве-
личество не упало.

Папа Левъ XIII ясно замѣтилъ разницу
его рукъ, когда Вильгельмъ уронилъ наску
къ его ногамъ.

Въ 1891 году одинъ торговый англійскій
домъ избралъ для германскаго императо-

Капитанъ 1 ранга В. А. СВИНИНЪ.
Убитъ въ бою 12 сентября
(См. ст. «Бѣлый рыцарь» въ № 14229
«Нов. Вр.»).

ра специальный столовый приборъ: съ вил-
кой и ножомъ на одной рукояткѣ, при по-
мощи его Вильгельмъ могъ пользоваться
одной только правой рукой.

Докторъ Кабанесъ, какъ и другіе пси-
хиатры, занимавшіеся изученіемъ Виль-
гельма считаетъ его поверхностнымъ «всо-
знайкой», то, что Французы называютъ
«un touche à tout». Его рѣчи напыщены
и пусты, онъ надѣленъ тою маніей величія,
которую другой французскій ученый про-
фессоръ Лакассанъ (Lacassagne) опредѣля-
етъ характернымъ словомъ «цезаритъ»
(césarite). Мы знаемъ, что онъ не только
управляетъ имперіей, но и дирижируетъ
оркестромъ. Онъ считаетъ себя квинтэссен-
ціей своей расы. Показывая на свой лобъ,
онъ какъ-то сказалъ:

«Фридрихъ Великій живетъ здѣсь». При
своемъ вступленіи на престолъ онъ обя-
залъ своимъ девизомъ: «Oderint, dum
metuant» (пусть меня ненавидятъ, лишь
бы боялись). Онъ всегда необыкновенно
много говорилъ и часто провирался, хи-
трилъ и выдавалъ свою хитрость, и неиз-
мѣнно лгалъ, какъ дышалъ. Много гово-
рилъ и безпрестанно ѣдиль. И Нѣмцы на-
зывали Вильгельма I «Der Greise Kaiser»
(старый императоръ), Фридриха III «der
Weise Kaiser» (мудрый), а Вильгельма II

Ольга Александровна УСОЛЬЦЕВА.
Женщина-доброволецъ, вынесшая изъ огня
тѣло своего отца—полковника Усольцева.

10 сентября, когда командир и офицеры 10 роты пехотного Оренбургского полка были выбиты сальтишшим огнем неприятеля, сестра младшей Рима Михайловна Иванова собрала солдат, бросилась с ними на вражеский окоп, взяла его и тут же смертельно раненая, очутилась. Ее безпримырный подвиг был запечатлен орденскою св. Георгия 4 ст.

Полковой священник иеромонах Евтихий (Тулузовъ) съ своими пѣвчими. О. Евтихий былъ убитъ въ бою, идя въ епитрахили, съ крестомъ въ рукахъ, впереди атакующаго полка.
См. „Нов. Вр.“ № 14182.

«der Reise Kaiser» (путешествующий). глгй дегенерать.

Один из немецких карикатуристов. Все это так. Н
выпустил однажды в своем журнале ошибочно рисовать
портрет кайзера с подписью: «Куда мы гороховым, в
победем завтра?» как это делалось

Все это так, все это очень интересно: этику и книги ученых, докторов о личности императора Вильгельма, как врожденного маньяка, как «животное сущности своей расы», но с печальной стороны. Задолго до войны кто-то называл Вильгельма, из французских же ученых, «le rejeton d'une race scrofuleuse» (т. е. пустозонка, живящая, театральная, временной человеческой мысли. Германотпрыск гнилой расы). Къ нему примчались откликъ въ его подданныхъ, что нимо и это опредѣленіе психіатровъ: «на- старая троица Одина, Тора и Фрикка, личности Вильгельма.

была не только божеством хитреца и маньяка Вильгельма, но и божеством его народа. 93 ученых, *культурных* людей, цётъ Германіи, раздѣляли тѣ же вѣрованія и ту же маню кроваваго завоеванія. Въ то время, какъ въ романскихъ странахъ, и въ Англіи, и въ Россіи, отпадала охота проливать кровь, въ Германіи двадцатаго вѣка, подъ дирижерствомъ Вильгельма II, она росла. Ата-визмъ, великій психозъ—называйте какъ хотите этотъ «цезаризмъ» не только лично Вильгельма, но и всего германскаго на-
Въ этомъ онъ не ошибся, предприим-
мая не только войну, но ужасающее на-
шествіе на человѣческую культуру.
Хитрость, предательство, подкупъ —
низшія свойства ума, въ сущности, вѣ-
стѣ съ пушками Крушна, захватили
врасплохъ цивилизованныя страны, ко-
торымъ стало уже противно пользо-
ваться такими низкими свойствами. И сколь-
ко усилій, сколько жертвъ нужно, чтобы
раздавить навсегда этотъ живой *анатро-
низмъ*, какой представляеть собою озвѣ-
рѣвшая германская раса!

M—exl. R.

НА ВОЙНЪ.

Нѣмецкіе кавалеристы на переправѣ черезъ Д., застигнутые нашей гасадой.

Рис. В. Струбинский.

ЖЕРТВА ГЕРМАНСКОГО «ПРАВОСУДИЯ».

5 октября германский военный суд приговорил к смертной казни оставшуюся в Брюсселе надзирательницу при школах сестер милосердия англичанку Эдиту КАВЕЛЬ (Cavell). Ее признали виновною в том, что она оказывала содействие английским, французским и бельгийским военнопленным при их бегстве из Бельгии. 13 октября Кавель мужественно встретила смерть от руки соотечественников тех раненых германских солдат, которые, в большом числе, пользовались ее самоотверженным, не знавшим различия национальностей, уходом в госпиталь. Убтая Эдита Кавель была дочерью викарного священника из Свэрдстона, близ г. Норвича. Последние ее слова были: «Я рада умереть за то, что помогла моим соотечественникам и их друзьям!»

Стонь, крики и «ура» сплошным сливались воем
И тихо по полю святая шла Любовь.
Шла женщина, без страха и сомненья,
Склоняясь к страждущим и пьющая
рукой
Спешила облегчить великия мученья,
Иль лаской проводить страдальца на покой.
— «Сестра! Опасно здесь, уйдите!» —
пробывая,
В атаку на окоп, ей ротный прокричал
И тут же, в воздух, за грудь себя хватая,
Перевернулся раз — и, вытянувшись,
пал.
Смутилась рота, дрогнула, как стадо,
Вдруг потерявшая внезапно вожака,
И оглянулась вспять... «Друзья! Робить
не надо!» —
И заградила путь им женская рука.
— «За матушку, за Русь, вперед за
мною!» — и смело,
Забыв себя и смерти страх презрев,
Сестра летит, подставив пулям тѣло,
Солдаты вслѣд за ней, и каждый — грозный лев!

Свирепым, бурным, штыковым ударом
Истерли в прах, распылили врага.
Окоп был взят, но взят он был
не даром:
Лежала женщина спокойна и строга.
Казалось, слышались ей пѣсни райской
звуки
И в небо устремлен незрячий взгляд
очей.
Солдат, рыдающих, мозолистые руки
С глубокой пѣжностью закрыли вѣки
ей...
Гемма.

Литературныя замѣтки.

«Опавшіе листья».

Памяти Римы Михайловны Ивановой.

Вот онъ высыпалъ передъ нами «по-
слѣдній» (?) свой коробъ этихъ литератур-
ныхъ «летучекъ», листовъ, афоризмовъ...
Листья пожелтѣлые по вѣтру летѣть...
Нынѣшняя книжка становится, какъ
«номеръ третій», въ рядъ съ «Уединен-
нымъ» и первымъ томомъ «Опавшихъ ли-
стьевъ». Это все «лигитимная», болѣе не-
жели домашняя, болѣе нежели откровен-
ная, совѣсть и всецѣло «розановская» ли-
тература, — въ своемъ типѣ, несомнѣнно,
единственная въ нашей «словесности» (да
и въ какой литературѣ есть еще такая?)
Если хотите, это «литературный эле-
ментъ» in ipso, чистая стихія «слова»,
возведенная въ свой абсолютъ. Sic volo —
sic scribo... И недаромъ авторъ книги
опять говорить о себѣ, съ тѣмъ же «не-
стѣсненіемъ»:
«У меня никакого нѣтъ стѣсненія въ
литературѣ, потому что литература есть
просто мои штаны. Что есть «еще литера-
туры», и вообще что она объективно су-
ществуетъ, — до этого мнѣ никакого дѣла».

В. Розановъ, «Опавшіе листья». Коробъ
второй и послѣдній. 1915 г. Стр. 516.
Ц. 2 руб.

НА НАШЕМЪ ФРОНТѢ.

Отдыхъ на позиціяхъ.

У НЕПРІЯТЕЛЯ.

Показались русскіе летчики!

Рис. А. Прохладский (участникъ войны)

О Гоголь у Розанова всегда выходит как-то «необыкновенное», и тут есть какое-то тайное «сродство душ». Без гоголевской «абсолютности» Розанов дышит, однако, повидимому, тем же воздухом «обытия».

П. П.-в.

Писатель-ритор.

Книга г. В. Львова-Рогачевского «Два правды», посвященная характеристике Леонида Андреева, должна, повидимому, представлять собою как бы монумент, воздвигнутый писателю еще при его жизни. Вероятно, для того, чтобы не было никаких сомнений в том, что в лице Л. Андреева мы имеем одного из замечательнейших людей нашего века, автору монографии приложили к ней портреты писателя и в том возрасте, когда он ходил в коротеньких штанишках, и относящиеся к периоду его жизни, когда он был еще скромным литературным дебютантом, и изображения времени самого нынешнего расцвета его славы. Мы можем любоваться, кроме общеизвестного портрета писателя, на котором он изображен с бородкой и усами, также и тащить, на котором на лице его не видно ни малейшего признака растительности, перед нами мелькает Андреев в кругу друзей, Андреев в обществе своей жены, Андреев в костюме какого-то не то оперного, не то опереточного корсара. В почтительных расшаркиваниях перед Л. Андреевым в книге, разумеется, нет недостатка. «Леонид Андреев принадлежит к аристократии духа, к утонченному современному душам, которые ушли в себя и бьются между двух берегов»; у него «гениально мятая наблюдения, изумительно схваченные подробности». Но когда от общих хвалебных отзвонив автору приходится перейти к разбору его произведений и делать некоторые выводы относительно характера его творчества, то он волей-неволей оказывается вынужденным замечать то, мимо чего пройти вовсе без внимания, очевидно, нельзя, и на что не раз указывала беспристрастная критика. В результате г. Львова-Рогачевскому приходится говорить о «противоположенности сплетения утонченности и банальности, символики и грубого натурализма, искренности и театральщины», о стремлении писателя дать «какую-то геометрию конкретной действительности, вместо живого человека нарисовать человека вообще». Говоря о «мук» Л. Андреева, г. Рогачевский сравнивает ее с мукой тех, которые «занили неопределяемую позицию между победителями и побежденными, сытыми и голодными»; это позиция «сверх-интеллигентов», у которых «большая голова и маленькое сердце, много богов и нет Единого Бога, много вопросов — и ни одного ответа». Говоря о таких вещах Андреева, как «Бездна» или «В туман», вызвавших энергичный протест со стороны многих (в том числе и г. С. А. Толстой, опубликовавшей в «Нов. Вр.» открытое письмо по адресу писателя), г. Рогачевский вынужден сознаться, что «в самом деле, ультра-натуралистический подробности часто производят в рассказах и драмах Л. Андреева впечатление чего-то безвкусного, ненужного, отталкивающего, такого, без чего художник легко мог обойтись и к чему его тянет зачастую какой-то демон извращенности». Иной, прекрасный мир, он «превращает в маску идюта». Наконец, «искания» писателя автор монографии о нем определяет, как вечное колебание между «с одной стороны» и «с другой стороны». В этом и со-

* В. Львов-Рогачевский. *Два правды*. Книга о Леониде Андрееве. (С иллюстрациями). Изд. «Прометей» Н. Н. Михайлова. Петроград. 1915 г. Стр. 232. Цена 1 р. 50 к.

ВЪ СТРАНѢ НАШИХЪ БРАТЪЕВЪ-ГЕРОЕВЪ.

Сербские офицеры въ разговорѣ съ офицеромъ французскаго экспедиціоннаго корпуса.

стоять те «два правды», о которых говорить заглавие книги.

Если позабыть на время о не слишком убедительно мотивированных утверждениях относительно гениальности Л. Андреева и остановить свое внимание на гораздо более соответствующих качествам его дарования замечаниях, вызванных анализом отдельных его произведений, то можем получить довольно верное представление о настоящем «лице» писателя, не столько художника, сколько ритора, вечно знающего, читателя меня ненавидят: они подозревают самого себя и стараются вернуть лицом к солнцу, а я стою к солнцу спиной». Но какую бы позицию ни занял публике. Писатель, обладающий, выражаясь словами г. Львова-Рогачевского, «маленьким сердцем», как бы он ни напирался, остается все же в конце концов «ни холоден, ни горяч», и его колебания между «двумя правдами», в сущности, являются безразличием по отноше-

нию к каждой из них, похожим на то, которое бывает у усидчивого чиновника, когда он рассматривает вопрос сначала с одной стороны, затѣм с другой стороны». Благодаря этим качествам дарования Л. Андреева, прежнее увлечение им читателей сменилось, как это признает и г. Рогачевский, «сдержанным отплевыванием» его произведений. Сам г. Андреев говорил о том же автору книги о нем, до въ пьезе: «Я гадю неприятели арміи, авангард легальный, благоденствующий», — но он и сам величественно содействовал внутреннему Немец в край. Когда вице-губернатор, человек Русский и горячо любящий Россию, пробовал обратить его внимание на опасность такого попустительства, барон утвѣждал, что «все эти австро-германские колонисты и помѣщики, несмотря на свое немецкое происхождение и немецкую фамилию, — народъ чрезвычайно лояльный и благонадежный», и что, «если надо въ случаѣ войны опасаться предательства, такъ лишь со стороны Поляковъ». Не имѣя возможности избавиться отъ стоявшаго у него поперекъ дороги вице-губернатора, баронъ Кнехтъ, чтобы хоть нѣсколько парализовать его дѣятельность, насаждалъ повсюду Нѣмцевъ: «правитель канцеляріи — Нѣмецъ; что же касается полиціи-мейстера, то это Нѣмецъ сугубый, въ квадратъ, — этотъ безъ году недѣлю принявшій русское подданство бывшій прусскій офицеръ». Авторъ рисуетъ печальную, но вполне соответствующую дѣйствительности картину того наглаго хозяйничанья, которое, пользуясь покровительствомъ Кнехты, позволяли себѣ увѣренные въ своей безнаказанности Германцы, — онъ ведетъ читателя и въ «стратегическій дѣлъ» помѣщика Хаймана, съ широкими просьбами, для которыхъ не было никакого хозяйственнаго оправданія, но по которымъ могла свободно двигаться артилерія, съ удобными устроеными на вышкахъ деревень наблюдательными пунктами и даже съ проволочными загражденіями: мы присутствуемъ и на тайномъ собраніи лояльных Нѣмцевъ,

В. Ю. В.

НА ИТАЛЬЯНСКОМЪ ФРОНТѢ.

Итальянская пѣхота и артилерія на горномъ перевалѣ.

Повѣсть о внутреннемъ Нѣмцѣ.

Какъ одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ массоваго ослабленія и потери способности видѣть вещи, которыя сами бросаются въ глаза, психологами будетъ несомнѣнно приводиться современемъ наше отношеніе къ «внутреннимъ Нѣмцамъ» за десятилѣтія, предшествовавшія войнѣ. Лишь немногіе проникательные люди чувствовали, что не все здѣсь обстоитъ благополучно, и обращали вниманіе на систематичность и плановѣность проникновенія Нѣмцевъ во все тѣ мѣста, которыя могли считаться аванпостами шествовавшаго на насъ германизма; но на все ихъ предупрежденія смотрѣли, какъ на результатъ излишней подозрительности, и не обращали вниманія на надвигающуюся опасность. Въ настоящее время мы располагаемъ такимъ подавляющимъ количествомъ фактовъ, освѣщающихъ дѣятельность своеобразныхъ насадителей германской культуры въ истинномъ свѣтѣ, что заблуждаться относительно значенія этой дѣятельности могутъ лишь люди, умышленно закрывающіе глаза. Романъ г. Н. Н. Брешко-Брешковскаго «Въ сѣтяхъ предательства» * является какъ бы белетристическою иллюстраціею къ тѣмъ даннымъ, съ которыми мы уже болѣе или менѣе знакомы по трудамъ лицъ, взявшихъ на себя задачу изслѣдовать двуподданническую немецкую мораль въ ея различныхъ проявленіяхъ. Подходить къ такого рода произведеніямъ съ обычной мѣркой, съ цѣлью опредѣленія ихъ художественныхъ достоинствъ, было бы несправедливо, — уже въ самомъ заданіи заключаются здѣсь условія, находящіяся въ противорѣчій съ чистотой художественными приемами творчества. Значеніе романа г. Брешко-Брешковскаго

въ томъ, что герои его не выдуманные, а такіе, которыхъ мы еще недавно могли видеть сколько угодно вокругъ себя, и которые еще и понынѣ уцѣлѣли кой-гдѣ. Одна изъ самыхъ интересныхъ фигуръ романа — баронъ Кнехтъ, губернаторъ одной изъ расположенныхъ на нашей западной границѣ губерній. Его не только не беспокоило, что у самой границы были разбросаны нѣмецкія усадьбы и колоніи, — «авангардъ неприятели арміи, авангардъ легальный, благоденствующий», — но онъ и самъ величественно содействовалъ внутреннему Нѣмцѣ въ край. Когда вице-губернатор, человекъ Русский и горячо любящий Россию, пробовалъ обратить его вниманіе на опасность такого попустительства, баронъ утвѣждалъ, что «все эти австро-германскіе колонисты и помѣщики, несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе и нѣмецкія фамиліи, — народъ чрезвычайно лояльный и благонадежный», и что, «если надо въ случаѣ войны опасаться предательства, такъ лишь со стороны Поляковъ». Не имѣя возможности избавиться отъ стоявшаго у него поперекъ дороги вице-губернатора, баронъ Кнехтъ, чтобы хоть нѣсколько парализовать его дѣятельность, насаждалъ повсюду Нѣмцевъ: «правитель канцеляріи — Нѣмецъ; что же касается полиціи-мейстера, то это Нѣмецъ сугубый, въ квадратъ, — этотъ безъ году недѣлю принявшій русское подданство бывшій прусскій офицеръ». Авторъ рисуетъ печальную, но вполне соответствующую дѣйствительности картину того наглаго хозяйничанья, которое, пользуясь покровительствомъ Кнехты, позволяли себѣ увѣренные въ своей безнаказанности Германцы, — онъ ведетъ читателя и въ «стратегическій дѣлъ» помѣщика Хаймана, съ широкими просьбами, для которыхъ не было никакого хозяйственнаго оправданія, но по которымъ могла свободно двигаться артилерія, съ удобными устроеными на вышкахъ деревень наблюдательными пунктами и даже съ проволочными загражденіями: мы присутствуемъ и на тайномъ собраніи лояльных Нѣмцевъ,

* Н. Н. Брешко-Брешковскій. *Въ сѣтяхъ предательства*. Романъ. Петроградъ. 1915. Стр. 167. Ц. 1 руб.

НА ПУТИ ВЪ СЕРЕЮ.

Высадившиеся въ Салоникахъ английскіе моряки дружелюбно вступили въ сношенія съ греческимъ гарнизономъ. Новые пріятели обмѣнялись шапками.

на которомъ они обсуждаютъ мѣры къ біолекту повѣствованій о великой войнѣ, какъ этихъ разсказовъ * собраны всѣ наилучшія возможныя мобилизаціи силъ, пригодныя для оказанія дѣятельной помощи арміямъ Вильгельма и Франца-Иосифа, сдается Франціи, представляютъ собою по-уже готовымъ вторгнуться въ предѣлы явившіеся «Французскіе разсказы съ фронта», которые, съ официального разрѣшенія, провозглашаютъ тосты за успѣхи германскихъ полчищъ. Эффективнымъ финаломъ романа является бѣгство губернатора барона Лаговъ. Въ уже вышедшихъ трехъ выпускахъ, преступное попустительство котораго Нѣмцамъ было обнаружено и которому грозили весьма непріятныя перспективы ареста и суда—«туда, къ нимъ, къ своимъ»... Баронъ и его правая рука, полицеймейстеръ, отправляются, подъ предлогомъ необходимости объѣзда разоренныхъ непріятелемъ деревень, черезъ русскіе аванпосты прямо навстрѣчу нѣмецкимъ разбѣдамъ и, разумеется, попадаютъ въ руки Нѣмцевъ, которые «встрѣтили блѣднѣющихъ, какъ желанныхъ, почетныхъ гостей»... Это похоже на анекдотъ,—но кто же взялся бы утверждать, что ничего, подобнаго этому не происходило въ дѣйствительности?

В. Ю. Б.

Съ французскаго фронта.

Великая война, которую предвидѣли когда-то совѣтъ короткою, длится второй годъ, а конца ей еще не видно. Событія и военные подвиги, разбросанные на тысячахъ верстъ боевого фронта, чередуются, наслаиваются и, увы, забываются подъ наплывомъ новыхъ событій и подвиговъ. За эти пятнадцать мѣсяцевъ необычайной борьбы поднявшейся Европы съ германской расой прославились столько мѣстностей и героевъ, что для сохраненія ихъ отъ забвенія потомства придется создать дѣльную би-

СИРОТЫ НАШИХЪ СОЮЗНИКОВЪ.

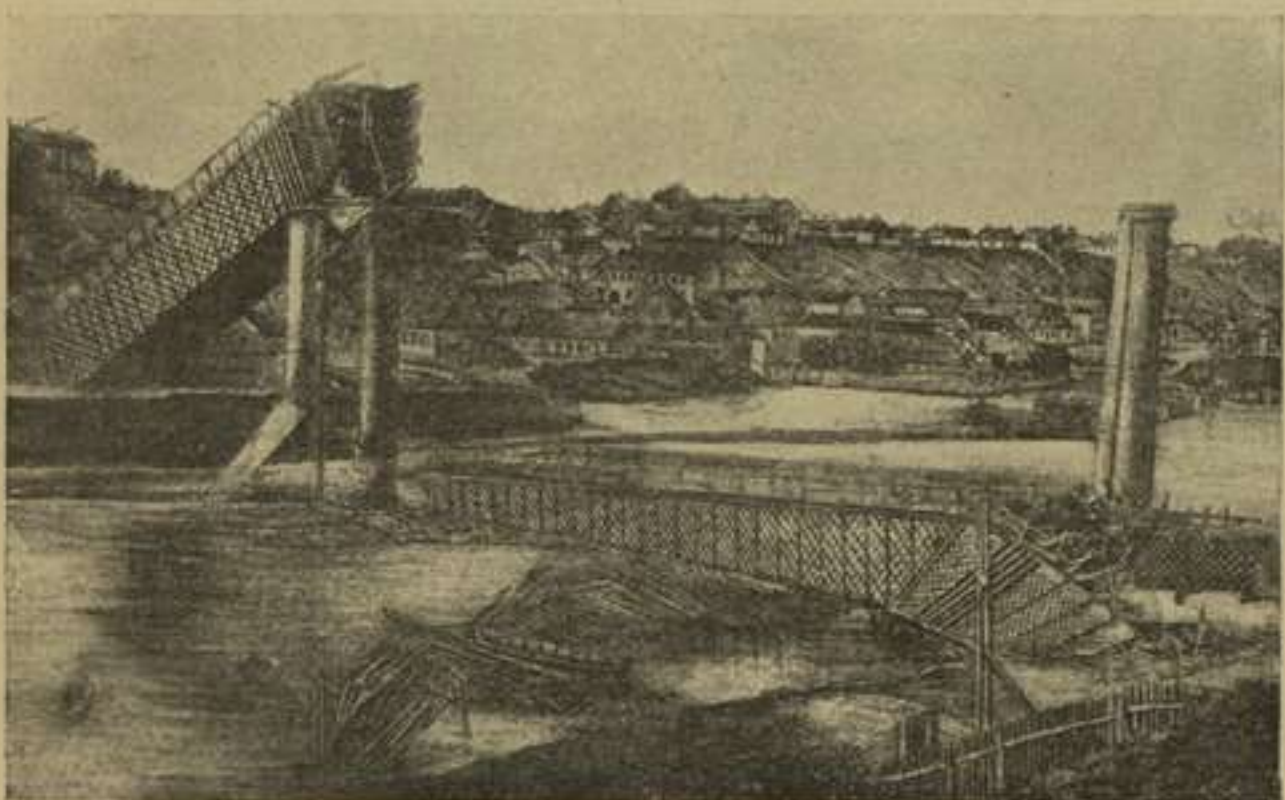
Дѣти убитыхъ французскихъ воиновъ, нуждающихся въ особомъ попеченіи объ ихъ здоровьи, отправляются изъ Парижа на югъ Франціи.

Французовъ почти подъ самыя стѣны Парижа, морское сраженіе и бѣгство Нѣмцевъ на ихъ нынѣшнія позиціи во Франціи и Бельгіи; ихъ упорное долбленіе ради прорыва къ Кале, новыя неудачи и, наконецъ, начало позиціонной борьбы съ ея блестящими, но лишь мѣстнаго значенія, подвигами,—все это составляетъ содержаніе перваго выпуска «Разсказовъ», украшенныхъ портретомъ генералиссимуса Жоффра съ русскимъ орденомъ св. Георгія въ петлицѣ. Второй и третій выпуски всецѣло посвящены отдѣльнымъ эпизодамъ дальнѣйшаго періода войны. Здѣсь передъ нами возстаютъ почти забытыя сраженія подъ Эпаржемъ и Аррасомъ, медленная, но жесточайшая борьба вокругъ Лоретскихъ высотъ, бой въ Эльзасѣ и пр. Отъ иныхъ страницъ этихъ скромныхъ книжечекъ вѣетъ неподдѣльнымъ ужасомъ, иные же трогательны до слезъ, полныя эпизодовъ, которые просятся въ военныя хрестоматіи. Люди шли на вѣрную смерть и умирали съ своимъ гимномъ на устахъ. Сраженный на смерть во время наступленія поручикъ Казо распорядился положить себя лицомъ къ врагу и поетъ вдохновенныя слова поэта: «Умереть за родину—самая завидная участь!» Поетъ до послѣдняго своего издыханія. Картины неподдѣльнаго героизма, самоотверженности, преданной любви къ своей родинѣ, прекрасной Франціи, брызгать со страницъ этихъ разсказовъ.

Читая ихъ, невольно жалѣешь, что ничего подобнаго пока еще не сдѣлано для русской арміи, поражающей міръ своими блестящими подвигами.

Н. М.

ГРОДНЕНСКІЕ МОСТЫ ЧЕРЕЗЪ Р. НѢМАНЪ ВЪ ПЕРВѢЕ ВРЕМЯ И ПОСЛѢ ВЗРЫВА, ПРОИЗВЕДЕННАГО НАШИМИ ВОЙСКАМИ ПРИ ОСТАВЛЕНІИ ГОРОДА.

Железнодорожный мостъ.

Петропавловскій мостъ.

Мосты взорваны по приказанию коменданта гродненской крепости 20 августа 1915 г., въ 7 ч. 35 м. утра, по переходу нашихъ войскъ съ лѣваго берега Нѣмана на правый. Снимки взорванныхъ мостовъ доставлены нижнимъ чиновомъ, бѣжавшимъ изъ германскаго плѣна, и представляютъ собой почтовые карточки нѣмецкаго изданія.

БИБЛІА

полная на русскомъ яз. съ параллельн. мѣст. и указател., печать Синодальной типографіи, иллюстрирована въ текстѣ художественными картинами, 6×4 верш., 208 толщ., вѣс. 9 ф., 1550 стр., въ прочн. красив. тисн. золотомъ полукожан. перепл. съ коленкор. футл., ц. 5 р. 50 к., съ перес. Евр. Рос. 6 р. 15 к., упак. 25 к. Первая и единственная въ Россіи полная иллюстрир. Библия. Эту великую книгу-книгу долженъ имѣть каждый. Адресъ: Петроградъ, Невскій пр., 153-1, Е. П. МАСЛЕННИКОВЪ. Тел. 90-36.

УРАЛЬСКІЕ Драгоценные Камни

А. Ю. ПИЛСУДСКІЙ.
НЕВСКІЙ, 96 (уголъ Надеждинской).
Изумруды, рубины, сапфиры, александриты, цирконы, топазы и пр. и пр.
Пріемъ и быстрое выполненіе заказовъ на всевозмож. ювелирные надѣлы.
Художественная работа. Цѣны вѣ конкуренціи.
Телефонъ 168-96.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время»
Петроградъ, Невскій, 40. Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ (на Дону) и Саратовъ
продаются новыя книги

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА:

ОБРАЗЫ ПРОШЛАГО. Очерки и рассказы о великихъ людяхъ прошлыхъ вѣковъ Н. Наринцева. Съ иллюстраціями (Св. Женева, Келмонъ и База, епископъ Амвросій, томск. Морь, стекольникъ Палисей, Дамьянъ де-Вестеръ, Дж. Говардъ, Дж. Чосеръ, Робертъ Ворисъ, Чарльзъ Диккенсъ, Пьеръ де Шавантъ и др.). Петрогр. 1915 г. Цѣна 2 р. 25 к., въ папкѣ 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.

СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ ШВЕДСКАГО НАРОДА въ обработкѣ для дѣтей Ч. Наринцева. Съ 78 рисунками шведскихъ художниковъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р., въ коленк. перепл. 2 р. 50 к.

ДВА ДРУГА. Изъ жизни въ лѣсахъ Африки. Повѣсть для дѣтей и юношества. Н. Наринцева. Съ рисунками худож. С. Платинского. Петроградъ 1915 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ коленк. перепл. 2 р. 25 к.

ВЪ ЛѢСНЫХЪ ДѢБРЯХЪ. Рассказы Ч. Робертса. Переводъ съ англійскаго Володина. Съ рисунками С. Платинского. Петрогр. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 руб.

ДИКОВИЧКИ ЗЕМЛИ. Популярныя очерки изъ жизни нашей планеты П. Е. Васильковскаго. Съ 68 рисунками въ текстѣ. Петрогр. 1913 г. Ц. 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р., въ коленк. перепл. 2 р. 50 к.

ЧУДЕСА ПОДВОДНАГО ЦАРСТВА. Популярныя очерки изъ жизни обитателей водъ П. Е. Васильковскаго. Съ раскрашен. таблицей и 106 рисунками. Петрогр. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ коленк. перепл. 2 р. 25 к.

Исполняются заказы на всѣ книги: научныя, учебныя, для дѣтскаго чтенія, для легкаго чтенія, справочныя и проч.

ОКРАСКА КОЖИ

на мебели въ новый видъ.
Адресъ: д. В. Лукиной. Телефонъ 425-71.

ДЕНТОЗОНЪ

прекрасная освѣжающая полость рта зубная паста и зубное поло- сканіе. Дентозонъ пріятенъ на вкусъ, гигиениченъ и абсолютно безвреденъ. Дентозонъ даетъ зубамъ здоровую бѣлизну и прекрасный блескъ. Продается вездѣ. Обращайте вниманіе на фирму Т-ва Стольбергъ и Ко, Лондонъ, Парижъ, Петроградъ.

САМОКРАСЯЩІЯ ГРЕВЕНКИ.

Электрич., безъ красокъ, 10 р. только силою въ нихъ тока С. ЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРЕТЕНІЙ Петроградъ, Морская, 33.

Цѣна 20 коп.

